

ISSN 2541-9285

№ 3(108) 2026

МИРОВАЯ НАУКА

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЭЛЕКТРОННОЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ
ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

«Мировая наука»

<http://www.science-j.com>

ISSN 2541-9285

УДК 004.02:004.5:004.9

ББК 73+65.9+60.5

Свидетельство о регистрации
средства массовой коммуникации
ЭЛ № ФС 77 - 68842
от 28.02.2017г.

Выпуск № 3(108) (март, 2026). Сайт: <http://www.science-j.com>

Журнал включен в систему НЭБ (e-library) № 594-09/2013 от 26.09.2013

Тематика журнала: актуальные вопросы современной экономики и социологии - от теоретических и экспериментальных исследований до непосредственных результатов управленческой и производственной деятельности. Публикации в журнале учитываются как опубликованные работы при защите диссертаций на соискание ученых степеней России и зарубежья.

РАЗДЕЛЫ НОМЕРА:

Основной раздел

Естественные и технические науки

Гуманитарные и общественные науки

© *Институт управления и социально-экономического развития, 2026*

Редакционный совет:

Алкарров И.Ш., кандидат физико-математических наук, доцент,
Ахмадалиев С.Й., кандидат педагогических наук,
Бабажанов М.Р., доктор философии (PhD) по техническим наукам, доцент,
Бегдуллаева Г.С., кандидат биологических наук, доцент,
Гаипов Ж.Б., доктор философии по экономическим наукам,
Давлетмуратова В.Б., кандидат биологических наук, доцент,
Джумабаев Г.Х. - доктор технических наук (DSc), доцент.
Жангабаева А.С., доктор философии по сельскохозяйственным наукам (PhD),
доцент,
Жуманов О.С., кандидат педагогических наук, доцент,
Зарайский А.А., доктор филологических наук, профессор,
Камалов А.Ф., доктор философии по педагогическим наукам (PhD), доцент,
Касимова О.Х., доктор философии по педагогическим наукам (PhD),
Мадреимов А.О., доктор философии по экономическим наукам (PhD), доцент,
Мамаев Г.И., доктор философии по техническим наукам,
Матуразова Э.М., кандидат биологических наук, доцент,
Матякубов А.С., доктор физико-математических наук (DSc), доцент,
Мехмонов Р.Ю., доктор философии по педагогическим наукам (PhD),
Мырзанов Б.Ж., доктор экономических наук (PhD), доцент,
Муратова Ш.Н., доктор философии по психологических наукам (PhD),
Нарманов А.Х., доктор философии по педагогическим наукам (PhD), доцент,
Оразбаева Г., доктор философии по педагогическим наукам (PhD),
Отакулов Ш.М., доктор философии в области политических наук (PhD), доцент,
Паксютова Е.В., кандидат технических наук, доцент,
Постюшков А.В., доктор экономических наук, профессор,
Ражабов Г.К. доктор философии по педагогическим наукам (PhD),
Рахимбердиев И.У., кандидат экономических наук, доцент,
Рахиммирзаев С.Б., кандидат психологических наук, PhD,
Ромашкин Т.В., кандидат экономических наук, доцент,
Сеитназаров К.К., доктор технических наук, профессор,
Сейтназаров С.К., кандидат биологических наук, доцент,
Смирнова Т.В., доктор социологических наук, профессор,
Ташболтаева Т.А., доктор философии по филологии, доцент,

Торениязова С.Е., доктор философии по сельскохозяйственным наукам (PhD), доцент,
Тошматова Ш.Р., кандидат биологических наук, доцент,
Тургунов Э., доктор химических наук, доцент,
Турдиев Ф.К., доктор философии по педагогическим наукам (PhD), доцент,
Туреева К.Ж., доктор философии по биологическим наукам (PhD), доцент,
Турсынбаев Х.Е., кандидат биологических наук, доцент,
Тягунова Л.А., кандидат философских наук,
Устинова Н.Г., кандидат экономических наук, доцент,
Федорова Ю.В., доктор экономических наук, профессор,
Фролова Н.Б., кандидат физико-математических наук, доцент,
Хайдарова С., кандидат технических наук, доцент,
Хайдарова М.Ю., кандидат технических наук, доцент,
Хаитов Э.Б., доктор философии в области политических наук (PhD),
Халикулова Г.Т., доктор философии по экономическим наукам (PhD),
Хамдамов Б.И., кандидат физико-математических наук, доцент,
Хамроев А.Ш., доктор философии по техническим наукам,
Шакиров К.Ж., доктор сельскохозяйственных наук, доцент,
Эшназарова М.Ю., кандидат педагогических наук, доцент.

Главный редактор: Тягунова Людмила Анатольевна, к.ф.н.

A PRELIMINARY STUDY ON THE ADOPTION OF AIGC TOOLS BY SOCIAL MEDIA CONTENT CREATORS

Abstract. This article is devoted to a preliminary analysis of the factors influencing the adoption of AIGC (Artificial Intelligence Generated Content) tools by social media content creators in the context of the expanding creator economy. The aim of the study is to identify the key mechanisms shaping the acceptance of generative AI in the field of digital creative labor. The methodological basis of the research consists of a systematic literature review and theoretical synthesis grounded in the UTAUT model. The study finds that the adoption of AIGC is not linear and depends on content type, professional tasks, audience expectations, and platform conditions. Three patterns of use are identified: experimenters, integrators, and power users. The findings show that performance expectancy is the main driver of adoption, while concerns about authenticity, uncertainty over copyright, algorithmic risks, and dependence on platform policies act as important limiting factors. The article concludes that AIGC is more likely to enhance creators' work than to fully replace it, contributing to the formation of hybrid models of human–AI collaboration.

Keywords: AIGC, creator economy, content creators, generative artificial intelligence, UTAUT, digital labor

Introduction

In recent years, the rapid development of artificial intelligence generated content (AIGC) technologies has profoundly reshaped the ecology of digital content production. With the widespread application of tools such as ChatGPT, Midjourney, DALL-E, and AI-assisted video editing systems, content creation is increasingly characterized by automation, intelligence, and platform integration. At the same time, the expansion of the creator economy has made social media content creators an important group in contemporary digital labor systems. Unlike traditional media professionals working within formal organizations, creators usually operate as independent and highly platform-dependent workers whose production decisions are closely tied to audience engagement, personal branding, and unstable algorithmic environments. Against this background, the adoption of AIGC tools by social media content creators has become not only a technical issue, but also a question involving creative autonomy, labor transformation, authenticity, trust, and platform governance.

Although existing studies have examined the creator economy, creator labor, and technology adoption from different perspectives, research specifically addressing how social media content creators adopt AIGC tools remains relatively limited and fragmented. Current scholarship suggests that creators may benefit from AIGC in terms of efficiency, workflow optimization, and lower production barriers, but they also face significant concerns related to creative identity, audience perceptions, ownership, and uncertainty surrounding platform rules. In this context, the present study aims to provide a preliminary theoretical exploration of AIGC adoption among social media content creators. Drawing on a systematic literature review and theoretical synthesis, and using the Unified Theory of Acceptance and Use of Technology (UTAUT) as an analytical lens, this paper examines the main factors shaping creators' adoption behavior, identifies different patterns of use, and discusses the broader implications of human–AI collaboration in the creator economy. By doing so, the study seeks to enrich current discussions on digital creative labor and to offer a foundation for future empirical research on the evolving relationship between creators and generative AI technologies.

Literature Review on the Creator Economy, Creator Labor, and AIGC Adoption

The creator economy has gradually emerged as an independent field of research over the past decade, although its boundaries remain subject to debate. In essence, it describes an economic system in which individuals monetize their creativity, personality, and skills through digital platforms usually by first building an audience and then developing multiple revenue streams on that basis: advertising, sponsorships, subscriptions, and merchandise [1]. Unlike traditional media employment, creator work is often precarious, platform-dependent, and requires continuous personal branding and audience engagement.

Research on creator labor has highlighted several distinctive characteristics. Glatt documented the cross-platform strategies adopted by creators to manage uncertainty, reducing their reliance on a single algorithm by maintaining a presence across multiple platforms [2]. Duffy and Ononye examined the politics of vulnerability in the influencer economy, demonstrating how shifts in platform policies and algorithmic changes can abruptly disrupt carefully built careers [3]. Bainotti explored the portfolio careers of content creators, emphasizing how labor, precarity, and identity intersect within this field [4]. Collectively, these literatures present a picture of creators as entrepreneurial workers navigating an unstable environment, continuously adapting to platform changes while preserving authentic connections with their audiences.

This context is crucial for understanding the adoption of AIGC. Creators are not employees with stable job descriptions and dedicated technical support teams, but independent operators who must decide for themselves which tools

to invest their time and money in, often with limited information about potential returns. Their adoption decisions are shaped not only by the functional features of the tools but also by concerns such as authenticity, audience trust, and competitive positioning [5, 6].

A substantial body of research has explored why individuals adopt new technologies, and the Unified Theory of Acceptance and Use of Technology (UTAUT) has emerged as one of the most comprehensive frameworks [7]. This model identifies four key constructs: performance expectancy (the degree of benefits gained from using technology), effort expectancy (ease of use), social influence (the extent to which significant others believe an individual should use the technology), and facilitating conditions (the organizational and technical infrastructure that supports usage).

Recent applications of UTAUT to AI tools have yielded relevant insights. Menon and Shilpa applied the model to ChatGPT adoption and found that performance expectancy and effort expectancy exerted particularly significant effects [8]. Kim et al. investigated generative AI adoption in Korean enterprises, underlining the importance of social influence and facilitating conditions [9]. Ali et al. examined GenAI acceptance in media content creation across Arab Gulf states, validating the applicability of UTAUT while noting cultural specificities [10]. Li surveyed designers' adoption of AIGC tools, introducing perceived anxiety and perceived risk as important extensions to the baseline model [11].

However, research specifically on AIGC in content creation is still emerging but growing rapidly. Wei and Tyson examined the impact of AIGC on social media through the case of Pixiv, documenting how AI-generated content disrupts existing creative communities [12]. Wang and Xu explored the mechanisms of user interaction with AI-generated content, finding that transparency regarding AI involvement shapes audience acceptance [13]. Zhou and Lu investigated trust formation in AIGC adoption, highlighting the psychological barriers users face when engaging with machine-generated content [14].

Several studies have focused on specific groups of creators. Zhu et al. examined AIGC adoption among designers and identified challenges related to workflow integration [15]. Zhang observed visual creative practitioners in China and noted concerns over skill depreciation [16]. Hussain et al. analyzed interactions around ChatGPT-related content on YouTube, offering insights into how audiences respond to AI-related topics [17]. Collectively, these fragmented studies paint a picture: creators are experimenting with AIGC tools and experiencing genuine productivity gains, but they are also struggling with concerns such as authenticity, creative identity, and uncertainty surrounding platform policies.

Materials and Methods

This study adopts a mixed exploratory and conceptual research approach. Through a systematic literature review and theoretical synthesis, it preliminarily outlines the key issues and influencing factors in the process of AIGC (Artificial Intelligence Generated Content) adoption among content creators. Given the rapid iteration of current AIGC technologies and the ongoing evolution of creators' usage behaviors and application scenarios, this study is not positioned to pursue large-scale empirical data collection. Instead, at the initial stage of research, it prioritizes constructing a relatively comprehensive theoretical framework, focusing on capturing the diversity and complexity of the phenomenon.

In the literature review section, this study conducted extensive searches across multiple academic databases including Google Scholar, ACM Digital Library, and IEEE Xplore. The main keywords employed consisted of both Chinese and English combinations such as "AIGC adoption", "content creators", "generative AI", "creator economy", and "opinion leaders". To accurately reflect the explosive development of generative AI technologies and their impact on content production in recent years, the literature covered is mainly concentrated between 2022 and 2025, with particular attention paid to academic discussions triggered after the advent of ChatGPT. Meanwhile, to maintain the integrity of the theoretical context, this study also appropriately incorporated foundational literature related to technology adoption theories and creator labor, ensuring that the investigation of cutting-edge phenomena remains grounded in existing academic achievements.

Results and Discussion

Literature indicates that creators adopt AIGC tools in highly diverse ways, and their patterns do not fully align with traditional technology diffusion models. Many creators appear to engage in selective, task-specific adoption applying AI to particular functions while retaining human control over other aspects rather than following a simple progression from non-adoption to full integration.

The study identifies three distinct adoption patterns. "Experimenters" occasionally try out AIGC tools, usually for specific tasks such as generating thumbnail ideas or brainstorming script concepts, without fundamentally altering their workflows. "Integrators" have incorporated AI more substantially into their work for routine production tasks—editing, subtitling, and image generation while retaining human control over creative direction and final decisions. "Power users" rely extensively on AI, sometimes producing complete content with minimal human intervention, although this group appears to be smaller and more controversial within creator communities.

The tools adopted vary by content type and creator resources. Text creators bloggers, newsletter authors, and scriptwriters have widely adopted ChatGPT and similar large language models for drafting and editing. Visual creators use Midjourney, DALL-E, and platform-integrated AI for image

generation and editing. Video creators are increasingly exploring AI editing tools, though adoption here appears more cautious, likely due to greater technical complexity and stronger concerns over the "authenticity" of video content.

Applying the UTAUT lens to the creator context reveals both familiar patterns and distinctive twists. Performance expectancy the belief that AIGC tools will improve work outcomes appears to be the strongest driver of adoption. Creators report genuine productivity gains: faster content production, more consistent posting schedules, and the ability to experiment with formats that previously required extra skills or team members. For creators operating under platform algorithms that reward frequency and consistency, these efficiency gains translate directly into competitive advantages.

Effort expectancy is also important, but in subtle ways. The learning curve for basic AIGC tools has flattened dramatically the conversational interface of ChatGPT requires little technical skill. However, achieving high-quality outputs that do not appear obviously AI-generated demands craft and experimentation. Creators view prompt engineering as a new skill to master; some find this learning investment worthwhile, while others experience it as additional unpaid labor.

Social influence operates through creator networks and platform discourse. When prominent creators share their AI workflows on Twitter or YouTube, they set an example of adoption for others. Yet social influence can also inhibit adoption communities of practice may stigmatize "lazy" uses of AI, and audiences sometimes respond negatively to disclosed AI involvement. Creators must navigate these competing social signals.

Beyond the standard UTAUT factors, creators' AIGC adoption is shaped by distinctive concerns. Authenticity anxiety runs through much of the literature creators fear that using AI will undermine the genuine personal connection with their audiences that forms the foundation of their brand. This anxiety is especially acute for creators whose value proposition is centered on personal expertise or unique perspective.

Concerns over creative ownership also stand out prominently. When AI generates a substantial portion of the content, who holds ownership of the final product? Platform terms of service, evolving copyright laws, and norms within creator communities together create a confusing landscape. Some creators report avoiding AI for these reasons they do not wish to invest in content that may later face removal or legal challenges. Uncertainty surrounding platform algorithms adds another layer of complexity. Creators operate in an environment where visibility and monetization depend on opaque algorithmic systems. If platforms begin to demote AI-generated content, creators who have built workflows around AI tools may suddenly find themselves at a disadvantage.

Practical Implications, Limitations, and Future Directions

This analysis offers several practice-oriented implications for multiple stakeholders in the creator economy, with relevance for tool design, education and training, and skill development. For platform designers, the development of AIGC tools should prioritize augmenting rather than replacing human creativity, recognizing the dominant role of creators in the content production process. In practice, this means designing tools that support creators in adopting AI selectively according to specific contexts and creative goals, rather than allowing efficiency considerations to override human agency in the creative process. In the design of human–AI interaction, features such as transparent disclosure mechanisms, flexibly adjustable editing functions for AI-generated content, and clear attribution markers may be especially valuable. These design choices can help address audience concerns about authenticity while also lowering barriers for creators to experiment with and integrate AI technologies in more controllable ways.

At the same time, these implications should be interpreted in light of several important limitations. Most notably, because this study relies on secondary literature rather than primary data from creators themselves, the analysis may overlook important nuances of lived experience. Creators' actual adoption decisions are likely shaped by personal circumstances, platform-specific dynamics, and genre conventions that are not always fully captured in published research. In addition, the rapid evolution of AIGC technologies and platform policies means that the landscape described here may change quickly: tools that are novel today may soon become standard, and newly introduced platform policies could significantly reshape the facilitating conditions for adoption. Future research should therefore place greater emphasis on direct engagement with creators through interviews, surveys, and ethnographic observations, so as to generate a more grounded and up-to-date understanding of how creators navigate AI adoption in practice.

Conclusion

This study provides a preliminary analysis of the adoption of AIGC tools by social media content creators within the broader context of the creator economy. Based on a systematic review of recent literature and a theoretical synthesis grounded in the UTAUT framework, the paper shows that creators' adoption of AIGC cannot be understood as a simple linear process of technological diffusion. Instead, creators tend to adopt AI selectively and strategically according to specific production tasks, creative goals, resource constraints, and audience expectations. The study identifies three broad adoption patterns: experimenters, integrators, and power users, which reflect different degrees of reliance on AIGC and different understandings of the relationship between efficiency and creative control. Performance expectancy emerges as a major driver of adoption, while effort expectancy, social influence, and facilitating conditions also play important roles. At the same time, creators' behavior is shaped by concerns that go beyond conventional technology

acceptance models, especially authenticity anxiety, creative ownership uncertainty, and sensitivity to changing platform policies and algorithmic governance.

The findings suggest that AIGC tools are not simply replacing human creators, but are more often being incorporated into hybrid modes of human–AI collaboration in which creators remain central to decision-making, aesthetic judgment, and audience relationship management. This indicates that future development of AIGC in the creator economy should emphasize augmentation rather than substitution. At the practical level, platform and tool designers should support flexible, transparent, and creator-controllable forms of AI use in order to reduce barriers to adoption while addressing concerns about authenticity and trust. Nevertheless, this study remains limited by its reliance on secondary literature and the rapidly changing nature of AIGC technologies and platform environments. For this reason, future research should move beyond conceptual synthesis and engage directly with creators through interviews, surveys, case studies, and ethnographic observation, so as to develop a more grounded and dynamic understanding of how AIGC is reshaping creative labor in practice. Overall, this paper argues that the adoption of AIGC by social media content creators is a complex socio-technical process that reflects not only the diffusion of new tools, but also deeper transformations in digital labor, platform dependency, and the meaning of creativity itself.

References

1. Peres R., Schreier M., Schweidel D. A., et al. The creator economy: An introduction and a call for scholarly research // *International Journal of Research in Marketing*. 2024.
2. Glatt Z. “We’re all told not to put our eggs in one basket”: Uncertainty, precarity and cross-platform labor in the online video influencer industry // *International Journal of Communication*. 2022. Vol. 16. P. 1275–1295.
3. Duffy B. E., Ononye A. The politics of vulnerability in the influencer economy // *European Journal of Cultural Studies*. 2024.
4. Bainotti L. The composite careers of social media content creators: Labour, precarity and identity // *The Hashtag Hustle*. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2025.
5. Bender S. Generative-AI, the media industries, and the disappearance of human creative labour // *Media Practice and Education*. 2025.
6. Nam S. Who gets paid (for) what? The cultural political economy of news content in Generative AI // *Emerging Media*. 2024.
7. Venkatesh V. Adoption and use of AI tools: A research agenda grounded in UTAUT // *Annals of Operations Research*. 2022.

8. Menon D., Shilpa K. "Chatting with ChatGPT": Analyzing the factors influencing users' intention to use the Open AI's ChatGPT using the UTAUT model // *Heliyon*. 2023. Vol. 9, no. 11. Art. e21899.
9. Kim Y., Blazquez V., Oh T. Determinants of generative AI system adoption and usage behavior in Korean companies: Applying the UTAUT model // *Behavioral Sciences*. 2024. Vol. 14, no. 11. Art. 1035.
10. Ali M. S. M., Wasel K. Z. A. E., Abdelhamid A. M. M. Generative AI and media content creation: Investigating the factors shaping user acceptance in the Arab Gulf States // *Journalism and Media*. 2024. Vol. 5, no. 4. Art. 101.
11. Li W. A study on factors influencing designers' behavioral intention in using AI-generated content for assisted design: Perceived anxiety, perceived risk, and UTAUT // *International Journal of Human-Computer Interaction*. 2025.
12. Wei Y., Tyson G. Understanding the impact of AI-generated content on social media: The Pixiv case // *Proceedings of the 32nd ACM International Conference on Multimedia*. 2024. P. 1135–1144.
13. Wang Y., Xu D. J. Will AI replace human creators? Exploring the mechanisms of user engagement with AI-generated content on social media // *Proceedings of AMCIS 2025*. 2025.
14. Zhou T., Lu H. The effect of trust on user adoption of AI-generated content // *The Electronic Library*. 2025.
15. Zhu Z., Yu T., Wang Y., Xu J. Revolutionizing design content with AIGC: User-centered challenges, opportunities, and workflow evolution // *IEEE Access*. 2025. Vol. 13. P. 1–15.
16. Zhang Y. The impact of AI-generated content on China's new media visual creative practitioners // *SHS Web of Conferences*. 2024. Vol. 181. Art. 03002.
17. Hussain K., Khan M. L., Malik A. Exploring audience engagement with ChatGPT-related content on YouTube: Implications for content creators and AI tool developers // *Digital Business*. 2024. Vol. 4. Art. 100085.

CROSS-CULTURAL INTERPRETATION OF CULTURAL SYMBOLS IN CHINESE FILM AND TELEVISION DRAMAS IN CENTRAL ASIA

Abstract. *This article examines the cross-cultural interpretation of cultural symbols in Chinese film and television dramas in the Central Asian context. It argues that Chinese dramas function not only as entertainment products, but also as carriers of historical memory, ethical values, social norms, and civilizational imagination. Drawing on cross-cultural communication theory, audience reception theory, and symbolic analysis of media texts, the study identifies the major categories of cultural symbols in Chinese dramas and analyzes their narrative and communicative functions. Particular attention is paid to how Central Asian audiences decode these symbols under the influence of local traditions, religious background, subtitle mediation, digital platforms, and generational differences. The article concludes that the reception of Chinese dramas in Central Asia is an active process of symbolic negotiation shaped by both cultural proximity and cultural distance, with important implications for cultural exchange and the practical limits of soft power.*

Keywords: *Chinese film and television dramas, cultural symbols, cross-cultural interpretation, Central Asia, audience reception, soft power*

Introduction

In recent years, Chinese film and television dramas have become increasingly visible in transnational media circulation, especially across digitally mediated platforms that enable their access to audiences far beyond China. In Central Asia, this process has attracted particular scholarly interest because the region occupies a distinctive cultural and geopolitical position between historical proximity and civilizational difference. Chinese dramas entering Central Asian media space do not function merely as entertainment products; they also serve as carriers of cultural symbols, values, historical imagination, and social norms. As a result, their reception in this region raises an important question: how are Chinese cultural symbols interpreted, recontextualized, or misunderstood by Central Asian audiences?

This issue is theoretically significant because cultural symbols are not transmitted as stable meanings. Their interpretation depends on the interaction between media texts and the cultural, linguistic, and ideological frameworks of the receiving audience. In the case of Central Asia, such interpretation is shaped by a complex combination of shared historical memories, family-oriented ethics, Islamic traditions, post-Soviet cultural experience, and contemporary digital

viewing environments. Therefore, the reception of Chinese dramas in this region should be understood not as passive consumption, but as an active process of decoding and symbolic negotiation.

Against this background, the present article examines the cross-cultural interpretation of cultural symbols in Chinese film and television dramas in the Central Asian context. The study focuses on three interrelated tasks: first, to clarify the theoretical basis for understanding cultural symbols in audiovisual discourse; second, to identify the major categories and narrative functions of cultural symbols in Chinese film and television dramas; and third, to analyze how these symbols are interpreted by Central Asian audiences under the influence of local cultural traditions, subtitle mediation, media platforms, and generational differences. The methodological basis of the article combines approaches from cross-cultural communication, audience reception theory, and symbolic analysis of media texts.

The academic novelty of the study lies in shifting attention from the general global dissemination of Chinese dramas to the specific interpretive environment of Central Asia, which remains insufficiently studied in current scholarship. The article argues that the effectiveness of cultural transmission depends not only on the visibility of Chinese media products abroad, but also on the culturally situated ways in which audiences reconstruct symbolic meaning.

Theoretical Framework and Literature Review

In film and television discourse, cultural symbols refer to meaningful signs embodied in narrative structures, visual imagery, language, costume, ritual, food, architecture, and ethical values. In Chinese film and television dramas, these symbols are not merely decorative elements; they function as compressed expressions of historical memory, social norms, and cultural identity. Their significance does not exist in isolation but emerges through the interaction between media texts and audiences in specific cultural contexts. Therefore, the interpretation of Chinese cultural symbols in Central Asia should be understood as a process of cross-cultural negotiation, in which meanings are received, adjusted, and recontextualized rather than passively accepted.

This study draws on audience reception theory and cross-cultural communication theory. As audience reception research in the digital era has shown, viewers are active meaning-makers whose interpretations are shaped by cultural background, media environment, and forms of participation across platforms [1]. This perspective is especially important for the study of Chinese dramas abroad, because international audiences do not decode symbols in exactly the same way as domestic Chinese viewers. Instead, they interpret them through local values, religious traditions, linguistic competence, and prior media experience.

From the perspective of symbolic representation, meaning in media texts is constructed through the interaction of image, dialogue, sound, and narrative context. Cultural symbols such as filial piety, hierarchical order, martial ethics,

traditional festivals, or Daoist-Buddhist imagery may generate resonance, ambiguity, or misunderstanding when they circulate beyond China. This is particularly evident in transnational digital environments, where subtitle quality, platform affordances, and user interaction influence reception. Recent research on Chinese television dramas streamed overseas shows that international audience responses are strongly affected by translation, genre preference, and platform-specific engagement, especially on YouTube and Rakuten Viki [2]. In addition, studies of globally consumed xianxia dramas suggest that foreign viewers are often attracted not only by exotic aesthetics but also by their ability to project local meanings onto Chinese fantasy narratives [3].

However, current scholarship mainly examines global online audiences in general terms and gives insufficient attention to Central Asia as a distinct interpretive space. This reveals an important research gap, since Central Asian audiences may respond to Chinese cultural symbols through a unique combination of cultural proximity, post-Soviet media experience, and regional identity.

Cultural Symbols in Chinese Film and Television Dramas

Cultural symbols in Chinese film and television dramas can be classified into several interconnected categories. The first concerns traditional values and ethics, such as filial piety, loyalty, righteousness, collective harmony, and moral self-cultivation. These values are deeply rooted in Chinese cultural tradition and frequently shape the ethical structure of dramatic narratives. Rather than functioning as abstract ideas, they are embodied in character choices, interpersonal obligations, and the resolution of conflict. In many Chinese dramas, moral judgment is not expressed only through explicit dialogue, but also through symbolic actions such as sacrifice for family, obedience to elders, or commitment to social duty.

A second major category is family structure and interpersonal relations. Chinese dramas often present society through relational networks rather than isolated individuals. Parent–child hierarchy, kinship responsibility, sibling solidarity, marriage norms, and friendship obligations all serve as culturally meaningful symbolic frameworks. These relations reveal how identity is constructed through social roles and mutual expectations. Such symbolic patterns are especially prominent in family dramas and historical dramas, where emotional tension often emerges from conflicts between personal desire and collective responsibility.

A third category includes visible cultural forms such as costumes, food, architecture, and rituals. These are among the most recognizable symbols for both domestic and international audiences. Clothing styles, hair ornaments, palace design, ancestral halls, banquet scenes, seasonal festivals, wedding ceremonies, and mourning practices all contribute to the cultural texture of Chinese dramas. Recent research on Chinese film and television costume culture argues that these visual elements are not superficial decoration, but important

carriers of historical imagination and cultural communication in the age of digital media [4].

Another important category consists of historical and philosophical references. Chinese dramas frequently draw on dynastic history, Confucian ethics, Daoist cosmology, and Buddhist imagery. Through these references, individual stories are connected to wider civilizational narratives. Studies of Chinese period dramas have shown that such works often function as symbolic “sites of memory,” where ritual, narrative, and historical imagination are organized to reproduce cultural continuity and collective identity [5].

These cultural symbols also perform crucial narrative functions. They establish historical atmosphere, define moral boundaries, shape character identity, and guide audience evaluation of legitimacy, honor, duty, and belonging. Their transmission depends on the interaction of visual and verbal elements. Visual signs such as color, costume, gesture, space, and ceremonial movement convey meaning immediately, while verbal elements such as honorific language, historical allusion, and idiomatic expression clarify hierarchy and values. Research on the overseas circulation of Chinese dramas via Viki further indicates that platform affordances, subtitling, and multilingual mediation significantly influence how such symbols are communicated to transnational audiences [6].

Cross-Cultural Interpretation in the Central Asian Context

The cross-cultural interpretation of Chinese film and television dramas in Central Asia is shaped by both cultural proximity and cultural distance. On the one hand, China and Central Asia share a long history of contact through the Silk Road, overlapping experiences of empire, borderland exchange, and certain collectivist orientations in social life. These historical linkages can create a degree of symbolic familiarity, especially in relation to family obligation, respect for elders, community ethics, and the prestige of historical civilization. On the other hand, important differences remain. Central Asian societies are marked by Turkic, Persian, Islamic, and post-Soviet cultural layers, which may produce distinct expectations regarding gender relations, religious symbolism, political authority, and public morality. Recent research on Chinese soft power in Central Asia shows that regional responses to Chinese cultural influence are mixed and strongly conditioned by geographical proximity, historical memory, and local attitudes toward China rather than by exposure alone [7].

Against this background, Central Asian audiences do not simply absorb Chinese cultural symbols as fixed meanings. They decode them selectively through local experience, linguistic familiarity, and region-specific value frameworks. Some symbols—such as kinship loyalty, ritual respect, and collective endurance—may generate emotional resonance because they can be connected to local traditions. Others may be reinterpreted through Islamic ethics, Soviet-modern legacies, or contemporary national identity, while still others may be misunderstood when they rely heavily on specifically Chinese historical

or philosophical knowledge. In digital viewing environments, this decoding process is further shaped by platform architecture. Recent work on the transnational circulation of C-dramas argues that overseas viewers engage in “platformized audiencing,” in which subtitle quality, accessibility, technical design, and user communities influence cultural interpretation and meaning-making across platforms such as YouTube, Netflix, Viki, iQIYI, and WeTV.

Several factors therefore influence interpretation in the Central Asian context: local cultural traditions and religious background, language translation and subtitle strategies, media platforms and viewing environments, as well as generational and educational differences among viewers. Younger and more digitally literate audiences may be more open to hybrid interpretation and genre experimentation, while older audiences may rely more on familiar moral codes and historical analogy. Subtitle mediation is especially important because many culture-loaded expressions, honorifics, and historical allusions lose precision in translation. A recent reception study using the Chinese period drama *Nirvana in Fire* shows that subtitle form directly affects involvement, comprehension, and viewer willingness to continue watching, even when audiences cannot fully identify translation problems [8]. Therefore, cases of resonance, reinterpretation, and misunderstanding in Central Asia have broader implications: they reveal that the overseas influence of Chinese dramas depends not only on cultural export, but also on how audiences actively reconstruct meaning. In this sense, audience interpretation becomes a crucial link between audiovisual circulation, cultural exchange, and the practical limits of soft power.

Conclusion

This article has demonstrated that the cross-cultural interpretation of Chinese film and television dramas in Central Asia is not a simple process of cultural transmission, but a dynamic process of symbolic reconstruction shaped by audience reception. Chinese dramas convey cultural meanings through a broad range of symbolic forms, including traditional ethics, family relations, ritual practices, costume, food, architecture, and historical-philosophical references. These symbols perform important narrative, aesthetic, and ideological functions within the text, yet their meanings do not remain fixed once they enter a different cultural environment. In the Central Asian context, audience interpretation is influenced simultaneously by cultural proximity and cultural distance: shared values related to family, respect, and collective identity may foster resonance, while differences in religion, historical memory, language, and post-Soviet social experience may generate reinterpretation or misunderstanding. Therefore, the reception of Chinese dramas in this region should be understood as an active process of decoding in which local audiences selectively negotiate the meanings embedded in Chinese cultural symbols.

At the same time, the study shows that the effectiveness of this symbolic transmission depends on multiple mediating factors, especially subtitle strategies, platform environments, and differences in age, education, and media

literacy among audiences. For this reason, the international influence of Chinese film and television dramas cannot be evaluated only in terms of export scale or overseas popularity; it must also be assessed in relation to interpretive accessibility and cultural intelligibility. The article thus contributes to ongoing discussions of cross-cultural communication, audience reception, and the transnational circulation of audiovisual media by highlighting Central Asia as a distinct and underexplored interpretive space. Its practical implication is that cultural exchange and soft power development require not only wider circulation of Chinese media products, but also more careful attention to translation quality, regional cultural contexts, and audience-specific modes of understanding. Future research may build on this foundation through empirical audience studies in individual Central Asian countries in order to examine more precisely how local social and cultural conditions shape the reception of Chinese cultural symbols.

References

1. Schröder K. C. Audience reception research in a post-broadcasting digital age // *Television & New Media*. 2019. Vol. 20, no. 2. P. 155–169.
2. Chen L., Chang K. A corpus-based approach to the reception of Chinese television dramas streamed overseas // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024. Vol. 11. Art. 417.
3. Deng F. Transcending boundaries through xianxia: Chinese TV drama consumption by global audiences in a cross-cultural context // *Journal of Transcultural Communication*. 2024. Vol. 4, no. 2. P. 167–197.
4. Wang X. External communication of costume culture in Chinese film and television works under the vision of new media // *Studies in Media and Communication*. 2025. Vol. 13, no. 1. P. 33–40. .
5. Ma Y. Chinese period dramas as “lieux de mémoire”: Unpacking dispersion, ritual, and narrative in Chinese society // *Journal of Modern Social Sciences*. 2025. Vol. 2, no. 1. P. 20–30.
6. Zhang S. Exploring how Chinese TV dramas reach global audiences via Viki in the transnational flow of TV content // *Journal of Transcultural Communication*. 2022. Vol. 2, no. 1. P. 69–89.
7. Vanderhill R., Joireman S. F., Tulepbayev K. In the shadow of the dragon: Chinese soft power in Central Asia // *International Affairs*. 2025. Vol. 101, no. 4. P. 1441–1461.
8. Qiu J. Can viewers identify raw machine translation in subtitles, and what it means for reception? // *Journal of Audiovisual Translation*. 2025. Vol. 8, no. 1. P. 1–21.

PERCEPTION RESEARCH OF COLLEGE STUDENTS UNDER THE BACKGROUND OF ALGORITHM RECOMMENDATION

Abstract. *In the context of digital media development, algorithmic recommendation has become a key mechanism shaping how college students access and understand information. This article examines the influence of algorithmic recommendation on college students' information perception from the perspective of communication and media studies. Rather than focusing only on macro-level consequences such as information cocoons and filter bubbles, the study emphasizes the intermediate level of perception, including how college students evaluate the completeness, credibility, importance, and diversity of information. Drawing on media dependency, affordance, and attention perspectives, the article argues that algorithmic recommendation does not directly determine cognition in a coercive way, but gradually restructures perceptual frameworks through personalized content distribution, repeated exposure, and attention guidance. Such influence is implicit, cumulative, and long-term, affecting not only the information college students receive, but also the way they interpret social reality and form judgments about public issues. The study highlights the importance of focusing on information perception in order to better understand the cognitive and social effects of algorithmic recommendation in the digital media environment.*

Keywords: *Algorithmic Recommendation; Information Perception; College Students; Digital Media; Attention; Media Literacy*

Introduction

With the continuous improvement of the algorithm recommendation mechanism, the current information distribution system has undergone significant changes, and the methods and sources through which college students obtain information have also changed greatly. In the traditional media platform environment, the main way to obtain information was through users actively searching, which was highly proactive. However, in the current era, the main way to obtain information is through the recommendation form under the algorithm recommendation mechanism, meaning that the proactivity has been somewhat weakened. The frequency and scope of information content appearing are mainly determined by the algorithm. This change and trend have led to college students increasingly relying on the algorithm recommendations of various media platforms in their daily information acquisition process [1].

Some existing studies, when analyzing the impact of the algorithm recommendation mechanism, often focus on macroscopic results such as the

information cocoon and filter bubble. These studies usually regard individual users as passive recipients of algorithm-recommended information content, but they do not pay attention to the subjective feelings of individual users when actually receiving information content. In fact, college students are not merely trapped in the predicament of the algorithm recommendation mechanism; rather, in the process of continuous use, they have formed their own perception and judgment system for information content. This includes perceptions of whether the information source is complete, whether it is true and reliable, and whether it requires special attention.

The perception of information is an important intermediate link between the algorithm recommendation mechanism and cognitive outcomes. If we do not pay attention to some changes in the perception aspect, it is difficult to explain why different individuals generate different cognitions and feedback in a similar information environment. Therefore, this article focuses on the information perception level of the college student group and discusses how the algorithm recommendation mechanism changes the degree of understanding and perception focus of college students on information.

Based on this problem awareness, this paper takes college students as the core research object and asks three interrelated questions: how does the algorithm recommendation mechanism reshape college students' perception of information sources, how does it influence their judgment of authenticity, importance and diversity of information, and what latent cognitive consequences may emerge from long-term reliance on recommended content? By centering these questions, the paper seeks to enrich current discussions on algorithmic recommendation from the perspective of communication and media studies, and to provide a more fine-grained explanation of how algorithmic power operates in everyday information practices. The following sections therefore review the relevant theoretical background, analyze the mechanisms through which algorithmic recommendation affects information perception, and finally discuss its latent effects as well as possible countermeasures.

Although previous scholarship has provided important insights into phenomena such as filter bubbles, information cocoons and personalized news consumption, relatively less attention has been given to the meso-level process that connects algorithmic distribution with users' later cognitive judgments, namely information perception. This gap is especially evident in studies on college students. Existing discussions often emphasize external structural consequences of platforms, but they insufficiently explain why users exposed to similar recommendation logics may still develop different understandings of credibility, relevance and importance. Focusing on perception makes it possible to analyze the interactive relationship between algorithmic arrangement and user subjectivity, and to reveal how platform recommendation gradually shapes not only information choices but also standards of recognition and evaluation.

At the same time, this transformation should not be understood only as a technical improvement in information distribution efficiency. In a platformized media environment, recommendation systems increasingly intervene in the pre-selection, ranking and repeated exposure of content, thereby restructuring the conditions under which college students encounter social issues, public discourse and everyday knowledge. For college students, who are at a critical stage of value formation, identity development and media habit stabilization, algorithmic recommendation does not merely change what information is available; it also changes how information is noticed, interpreted and prioritized in daily life. As a result, the study of algorithmic recommendation needs to move beyond the question of content exposure alone and pay closer attention to the subtle perceptual processes through which information becomes meaningful to users.

Theoretical Background

From the perspective of communication studies, the perception of information is not a simple process of information reception, but rather a comprehensive process of selection, interpretation, and understanding of the content of information from an individual's own perspective at the psychological and cognitive levels [2]. College students, in the process of obtaining information, are influenced by various factors, such as their own interests, experiences, and personal usage habits. The algorithmic recommendation mechanism further reinforces this process. Some important theories in communication studies provide crucial references for understanding how the algorithmic recommendation mechanism affects the perception methods of college students.

The media dependency theory suggests that when individuals highly rely on a certain medium in their learning, entertainment, and social communication activities, the influence of this medium on their cognitive level and perception ability will also increase. For college students, various social media platforms and application software have become an important part of their daily lives, and the algorithm recommendation mechanism plays a crucial role in information filtering and pushing in their daily lives. This high level of dependence makes college students unconsciously accept the information perception mode shaped by the algorithm recommendation mechanism.

The supplyability theory further elaborates on the impact of algorithmic recommendation mechanisms on information perception. When designing internal algorithmic recommendation systems, various Internet social media platforms do not take compulsory measures to require users to accept certain types of information content. However, these platforms provide users with a specific behavioral approach and perception system through aspects such as page layout, functional structure, content arrangement order, and interaction mode. For instance, when users are using the software, there are some auto-play and highly relevant content push notifications, which prolong users' stay time

[3], and attract users' attention, making them focus on these similar content information. This measure is not compulsory, but it guides users' attention and perception focus in actual activities.

The mechanism of algorithmic recommendation on college students' information perception

The key mechanism by which algorithm recommendation technology influences the information perception mode of contemporary college students lies in the fact that the algorithm recommendation mechanism shapes the cognitive framework of the college student group through the continuous and stable characteristics of information expression. The current mainstream algorithm recommendation systems generate and push information content that is highly similar in terms of thematic category, value stance or narrative style based on important data such as users' previous browsing trajectories, search records and search behaviors. These contents tend to be homogeneous [4]. This kind of information homogeneity that users usually cannot clearly identify will gradually form a specific cognitive structure of certain information content at the cognitive level of college students, thereby affecting their overall grasp and judgment of the real information environment. The high-frequency exposure of specific types of information content in the information environment will systematically enhance college students' perception of the value weight of such information, leading them to tend to regard the content filtered by the algorithm as having universal nature and wide social consensus, but they cannot fully recognize that these contents are essentially the products of the algorithm recommendation mechanism. This cognitive preference shaped by the high-frequency information push will, at the substantive level, affect the focus of attention, cognitive orientation and judgment ability of contemporary college students towards various social phenomena and public affairs. In the process of information acquisition, the algorithm recommendation mechanism greatly reduces the decision-making cost of college students and improves the efficiency of their information acquisition, resulting in a significant decrease in the number of times college students actively search for information content and compare cross-platform content. This brings college students a convenient experience in information acquisition, but at the same time, it gradually weakens their initiative in information exploration, usually passively receiving information. This makes individuals' cognition of information boundaries increasingly restricted by the result range provided by the platform algorithm. This change in information acquisition methods is not due to external pressure, but a behavioral inertia and psychological dependence gradually formed in the long-term use process. Long-term reliance on the algorithm recommendation mechanism will weaken college students' ability to judge various social information, thereby affecting their independent thinking ability. From the perspective of the mechanism of action, the algorithm recommendation mechanism does not directly and forcibly change the existing views and positions of college students,

but influences their information perception structure by constructing different forms of information content expression. This kind of influence may not be very obvious in the short term, but in the long term, it will show a progressive feature, gradually accumulating and eventually changing during the continuous use of the algorithm recommendation of social media, and ultimately becoming a deep factor affecting the cognitive development and information judgment ability of college students.

The latent effects of information perception among college students

The changes in the information perception structure of college students under the background of algorithmic recommendation mechanisms will have many impacts on their cognitive processes and behaviors. There are some latent effects in college students' information perception. The information perception structure is influenced by various factors in the context of the continuous development of the current information age. Under the influence of algorithmic recommendation mechanisms, college students' perception of information sources is also affected in various ways. On the one hand, as the main core users of social media platforms, college students receive various related contents every day. These contents are continuously homogenized and pushed through the algorithmic recommendation of social media platforms. A large amount of recommended content related to the preferences of college students is pushed, enabling them to obtain a large amount of relevant content and information in a short time. Although this method significantly improves the efficiency of information acquisition for college students, it may cause them to have relatively single viewpoints and perceptions of certain contents. This relatively shallow understanding of information content may lead to limitations in the concepts of college students. On the other hand, the scope of information perception further narrows. This narrowing in scope will simplify college students' perception of the entire society and lack a comprehensive understanding. When certain information is continuously pushed according to a specific stance and goal, from an individual perspective, different viewpoints and opinions will be weakened in the discussion process, and complex and changeable problems will be simplified in the judgment process. College students will use a simplified logical thinking to deal with various complex social problems. This change may lead to an extreme attitude or make them lack patience and the awareness of in-depth understanding when facing complex problems. From the perspective of values, the algorithmic recommendation mechanism reinforces a specific narrative mode, which will affect college students' perception of the diversity of values. When various social media platforms output certain values through the algorithmic recommendation mechanism, individuals will gradually accept these values in this process [4]. These values will gradually be regarded as mainstream values, thereby affecting the understanding and judgment of some minority values in society. The influence of algorithmic recommendation on the information content received by college students daily is not only reflected in

what types of information college students receive and see through the algorithmic recommendation mechanism, but also in how the college student group understands the obtained information.

Countermeasures and Suggestions

The algorithmic recommendation mechanism has exerted profound and far-reaching influences on college students' perception of information. In order to mitigate these influences, it is necessary to strengthen college students' awareness and understanding of the contemporary information environment at the cognitive level. As an important field for cultivating critical thinking and independent judgment, higher education institutions should actively undertake the responsibility of media literacy education. Through classroom teaching, thematic lectures, and other related educational activities, universities can guide college students to recognize the operating logic, selection criteria, and implicit biases embedded in algorithmic recommendation systems. Such educational efforts would help students understand that the information they encounter in their daily digital practices is not neutral or comprehensive, but rather selectively filtered and prioritized by platform mechanisms. In this way, college students may gradually shift from passive reception to more active and reflective engagement with information.

At the same time, appropriate measures should also be adopted to encourage college students to engage with diverse viewpoints and social positions within the algorithmically mediated information environment. This is essential for reducing the risk of cognitive closure, emotional polarization, and simplified understandings of complex social issues. From the perspective of college students themselves, they should consciously expand both the scope and the channels of information acquisition by using multiple platforms, consulting different types of media sources, and maintaining a certain degree of initiative in information seeking. Such practices can help increase the diversity of accessible information and weaken the closed informational environment generated by algorithmic filtering. In addition, college students should continuously improve their capacities for information evaluation, critical reflection, and rational judgment, so as to strengthen their ability to assess the credibility, relevance, and social implications of the content they consume.

From the perspective of social media platforms, it is equally important to further optimize the internal logic of algorithmic recommendation systems. Platforms should seek to reduce excessive homogeneity in content distribution by improving recommendation diversity and broadening users' exposure to heterogeneous information. At the same time, greater transparency in recommendation criteria and stronger user autonomy in content selection should be promoted, so that college student users are better able to understand why particular content is recommended and to make informed choices within the digital information environment. Only by maintaining a balance between technological convenience and user autonomy can the negative effects of

algorithmic recommendation on information perception be effectively alleviated.

Conclusion

This study has examined the influence of algorithmic recommendation mechanisms on college students' information perception from the perspective of communication and media studies. The analysis indicates that algorithmic recommendation does not directly determine the cognition of college students in a compulsory way; rather, it gradually shapes their perception of information through the selective presentation, repeated exposure, and continuous prioritization of specific content. In this process, the algorithmic recommendation mechanism affects how college students assess the importance, credibility, diversity, and relevance of information, thereby subtly restructuring their perceptual framework. The influence of algorithmic recommendation is therefore not limited to the technical level of information distribution, but extends to the deeper level of attention allocation, cognitive orientation, and value judgment. By continuously narrowing the visible range of information and reinforcing homogeneous content, algorithmic recommendation may weaken college students' initiative in information exploration, reduce their exposure to diverse viewpoints, and gradually affect their independent understanding of social reality.

The significance of this study lies in shifting the analytical focus from macro-level consequences such as information cocoons and filter bubbles to the intermediate level of information perception. This perspective helps to explain how algorithmic systems participate in the formation of cognition in the digital media environment and why the influence of such systems is often long-term, implicit, and difficult to detect in the short term. At the same time, this study suggests that college students should not be regarded simply as passive recipients of algorithmically selected information; rather, their information perception is shaped by the interaction between platform mechanisms, individual usage habits, and the broader media environment. Therefore, it is necessary to strengthen media literacy education, improve college students' critical awareness of digital information, and promote greater diversity and transparency in recommendation systems. Although this article is mainly based on theoretical analysis, future research may further incorporate empirical methods, such as questionnaires and interviews, in order to provide a more comprehensive understanding of the long-term impact of algorithmic recommendation on college students' perception, cognition, and value formation.

References

1. Einarsson Á. M., Petrucci E., Hartley J. M., Lomborg S., Kruse J. "I must have clicked on something": Users' experiences and evaluations of personalized news recommendations // Journalism Practice. 2025.

2. Jakobsson P., Stiernstedt F. What Do Media Audiences Mean When They Talk About Media Trust? An Open-ended Approach to How Audiences Interpret the “Trust-question” // *Journalism Studies*. 2025. P. 1–17.
3. Maasø A., Spilker H. S. The Streaming Paradox: Untangling the Hybrid Gatekeeping Mechanisms of Music Streaming // *Popular Music and Society*. 2022. Vol. 45, No. 3. P. 300–316.
4. Evans R., Jackson D., Murphy J. Google News and Machine Gatekeepers: Algorithmic Personalisation and News Diversity in Online News Search // *Digital Journalism*. 2023. Vol. 11, No. 9. P. 1682–1700.
5. Ionescu C. G., Licu M. Are TikTok Algorithms Influencing Users’ Self-Perceived Identities and Personal Values? A Mini Review // *Social Sciences*. 2023. Vol. 12, No. 8. Art. 465.

*Nguyen Duc Phuc, PhD in Economics
lecturer
Faculty of International Economics
Diplomatic Academy of Viet Nam
Viet Nam, Hanoi
Nguyen Quynh Nga
Fourth-year student
Diplomatic Academy of Viet Nam
Viet Nam, Hanoi*

DEVELOPING VIET NAM-GUANGXI BORDER TRADE UNDER THE BELT AND ROAD INITIATIVE: A SWOT ANALYSIS AND STRATEGIC IMPLICATIONS

Abstract: *This article examines the development of border trade between Viet Nam and China's Guangxi Zhuang Autonomous Region under the Belt and Road Initiative (BRI) during 2020-2025. Combining document analysis with descriptive statistics and a SWOT framework, it evaluates how infrastructure connectivity, institutional coordination, logistics services, digitalization, and financial linkages have reshaped transaction costs and cross-border exchange. The evidence shows that the BRI context has supported rapid trade expansion, faster logistics, and a gradual shift toward more formalized trade channels, especially after China's post-pandemic reopening. Nevertheless, structural weaknesses remain, including the predominance of fresh agricultural exports, limited processing capacity on the Vietnamese side, inconsistent standards and quarantine procedures, and persistent congestion and informal transactions at border gates. The article argues that sustainable growth in Viet Nam-Guangxi border trade requires not only hard infrastructure investment but also stronger soft connectivity in regulation, payment systems, cold-chain logistics, and supply-chain transparency.*

Keywords: *border trade; Viet Nam; Guangxi; Belt and Road Initiative; SWOT analysis; logistics; trade facilitation.*

1. Introduction

Since its launch in 2013, the Belt and Road Initiative has become a major framework for regional connectivity, infrastructure development, and trade facilitation across Asia. For Viet Nam and the Guangxi Zhuang Autonomous Region of China, the initiative matters not only at the macro level of China-ASEAN integration, but also at the micro level of border-gate operations, logistics networks, and the institutional conditions under which firms exchange goods.

Guangxi occupies a special geo-economic position. It is the only Chinese provincial-level region that combines a long land border with Viet Nam and maritime access to the Beibu Gulf, which makes it a strategic gateway linking inland China with ASEAN markets. Border trade between Guangxi and Viet Nam therefore performs a dual function: it supports local border economies and serves as a wider corridor for regional production and distribution.

Trade performance has been robust, particularly after China's full reopening following the COVID-19 period. Yet expansion in turnover has not automatically translated into balanced or resilient development. Border trade remains exposed to a narrow export structure, recurring congestion at major gates, fragmented logistics services, inconsistent standards and quarantine procedures, and a continuing reliance on partially informal channels of payment and exchange. These weaknesses have become more visible in the post-pandemic context, when supply-chain resilience, product traceability, and rules-of-origin compliance have become more demanding.

Against this background, the article addresses two questions. First, through which mechanisms has the BRI affected Viet Nam-Guangxi border trade? Second, why do structural weaknesses and external risks persist despite the stronger connectivity associated with the initiative? To answer these questions, the article develops a transaction-cost-based analytical framework and applies a SWOT analysis to evidence from the period 2020-2025.

2. Literature review and analytical framework

Border trade is commonly understood as commodity exchange conducted in border areas between neighboring countries under specific legal and administrative arrangements [1; 2]. Compared with ordinary long-distance foreign trade, border trade is more sensitive to distance, customs procedures, quarantine requirements, local infrastructure, exchange mechanisms, and the institutional coordination capacity of adjacent administrations.

Three theoretical perspectives are particularly useful for the present study. First, the theory of comparative advantage helps explain the complementary commodity pattern in Viet Nam-Guangxi trade: Viet Nam supplies agricultural and aquatic products, while Guangxi exports machinery, electronics, and intermediate industrial inputs. Second, theories of international economic integration illuminate why the BRI and the "Two Corridors, One Belt" framework matter as institutional architectures for cross-border coordination. Third, transaction cost economics is especially relevant because border trade is highly affected by transport costs, waiting time, uncertainty, compliance burdens, and information asymmetries.

Building on this literature, the article identifies five channels through which the BRI connectivity agenda affects border trade. The first is hard infrastructure connectivity, including roads, railways, ports, and border-gate facilities. The second is institutional harmonization, especially customs coordination, quarantine procedures, and data exchange. The third is the

development of supporting services such as cold-chain logistics, warehousing, insurance, and brokerage. The fourth is digital transformation through e-documents, smart border gates, digital platforms, and cross-border e-commerce. The fifth is financial connectivity, including formal banking channels, local-currency settlement, and interoperable payment systems. Together, these channels reshape transaction costs and influence whether trade becomes more formalized, scalable, and resilient.

Prior studies have highlighted positive effects of the BRI and logistics improvement on China's agricultural trade [3-5], the complementarity of agricultural trade between Guangxi and Viet Nam [6], and the growing importance of digital trade and smart-port models [7-9]. However, the existing literature is often fragmented: some studies focus on agricultural products, others on e-commerce or border-port technology, and many are framed at a broad macro level. There remains room for an integrated analysis of Viet Nam-Guangxi border trade in the post-COVID period that links market structure, institutions, logistics, and risk through a single analytical framework.

3. Methodology

The article employs qualitative document analysis supplemented by descriptive statistics. The evidence base consists of official customs releases, policy documents, Vietnamese and Chinese government reports, trade-promotion materials, and recent academic studies concerning Viet Nam-China or Guangxi-ASEAN trade during 2020-2025. Rather than estimating a causal econometric model, the study focuses on identifying mechanisms, bottlenecks, and policy implications.

The analysis proceeds in three steps. First, descriptive statistics are used to summarize changes in the scale and broad structure of bilateral trade. Second, selected cases - such as smart-border-gate pilots, rail-border bottlenecks, and payment-system upgrades - are interpreted through the lens of transaction costs. Third, the findings are synthesized in a SWOT matrix in order to distinguish internal strengths and weaknesses from external opportunities and threats and to derive strategic implications for both Viet Nam and Guangxi.

4. Research findings

4.1. Trade scale and structure

Trade between Viet Nam and Guangxi expanded markedly during 2020-2025. After limited growth in 2020 and a modest contraction in 2022 under pandemic-related controls, turnover rebounded strongly in 2023 and 2024, before continuing to rise more moderately in 2025. The overall picture is one of strong expansion combined with a gradually stabilizing growth rate.

Table 1. Viet Nam-Guangxi trade turnover, 2020-2025

Year	Guangxi exports to Viet Nam (CNY bn)	Guangxi imports from Viet Nam (CNY bn)	Total trade (CNY bn)	Annual growth
2020	134.392	41.847	176.239	+0.5%
2021	142.569	57.825	200.394	+13.7%
2022	158.249	40.885	199.134	-0.6%
2023	191.595	62.360	253.955	+27.5%
2024	238.619	56.958	295.577	+16.4%
2025	n.a.	n.a.	311.540	+5.4%

Source: compiled by the authors from Nanning Customs statistics reported in recent official and trade-promotion materials [11; 13].

The asymmetry of border trade is also evident. Guangxi's exports to Viet Nam have consistently exceeded its imports from Viet Nam, which suggests that Viet Nam's market depends heavily on Chinese machinery, electronics, components, and other intermediate goods. This pattern reflects the industrial role of Guangxi as a manufacturing and distribution platform within the wider China-ASEAN supply chain.

Commodity composition confirms a complementary but uneven relationship. On the Vietnamese side, exports remain concentrated in agricultural and aquatic products, especially fruit, alongside some gains in wood products, processed food, and electronics-related items [10-13]. On the Guangxi side, exports to Viet Nam are dominated by machinery, electrical and electronic components, and other industrial intermediates. In 2024, intermediate goods reportedly accounted for nearly half of total Viet Nam-Guangxi trade, underlining the region's role in cross-border production networks [11].

The problem is therefore not a lack of complementarity, but the unequal value-added structure embedded in that complementarity. Viet Nam still captures a relatively modest share of value because a large part of its border exports remains fresh or semi-processed, while Guangxi exports higher-value industrial goods. As long as this structure persists, border trade can continue to grow in volume while still remaining vulnerable to shocks in quarantine policy, logistics, and prices.

4.2. SWOT analysis

The SWOT results confirm that the BRI has created a more favorable environment for Viet Nam-Guangxi border trade, but they also show that connectivity gains remain unevenly distributed across different layers of the trading system.

Table 2. SWOT matrix for Viet Nam-Guangxi border trade under the BRI

Strengths	Weaknesses
1) Strategic geographic adjacency and a dense network of land border gates. 2) Strong commodity complementarity between Viet Nam's agri-food exports and Guangxi's industrial goods. 3) Sustained political support in recent Viet Nam-China joint statements and trade-promotion mechanisms. 4) Expanding e-commerce, platform trade, and logistics ecosystems in border cities such as Pingxiang and Dongxing.	1) Persistent infrastructure and service asymmetries across the border, especially in logistics, cold chain, and inspection capacity. 2) Heavy reliance on fresh produce and other low value-added exports on the Vietnamese side. 3) Incomplete institutional harmonization in standards, quarantine, and customs procedures. 4) Continuing use of informal or semi-formal payment and trading channels.
Opportunities	Threats
1) BRI-linked corridors, smart-border-gate pilots, and rail-road-port connectivity projects. 2) Growth of cross-border e-commerce, livestream sales, and digital logistics systems. 3) Formalized QR and bank-based payment connectivity that can reduce transaction costs and opacity. 4) Supply-chain diversification within the wider China-ASEAN production system.	1) Stricter Chinese requirements on traceability, food safety, quarantine, and enterprise registration. 2) Greater competition from other routes and trade frameworks as tariff preferences broaden. 3) Smuggling, origin fraud, and transshipment risks that increase scrutiny and compliance burdens. 4) External pressure from third markets, especially on rules of origin and supply-chain transparency.

Source: authors' synthesis.

The central lesson is that hard infrastructure matters, but it is not sufficient on its own. At the same time, the study is consistent with recent research emphasizing that cross-border e-commerce, the digital economy, and smart border crossings are important directions for improving trade efficiency in the future.

5. Discussion

First, hard and soft connectivity have not advanced at the same pace. Border roads, logistics corridors, and smart-gate pilots have improved the physical movement of goods, yet the gains are frequently offset by gaps in quarantine capacity, customs coordination, and supporting services. The experience of rail-border exchange around Dong Dang and Pingxiang illustrates this problem: the usefulness of upgraded transport infrastructure depends on whether inspection facilities, handling systems, and operating procedures are equally modernized.

Second, the distance between high-level political commitments and local implementation remains significant. Recent Viet Nam-China joint statements have emphasized smart border gates, logistics cooperation, stable supply chains, and smoother customs coordination [17; 18]. In practice, however, enterprises

still face frequent procedural adjustments, uneven interpretation at border gates, and uncertainty regarding documentary requirements. China's new Order 280, scheduled to take effect on 1 June 2026, is a good example: while it is part of a broader move toward tighter and more transparent food-import governance, it also raises compliance costs for firms that are not yet fully prepared [14].

Third, services on the Vietnamese side remain less developed than the expansion of trade would require. Cold-chain facilities, testing and certification infrastructure, warehousing, and specialized logistics hubs have improved but are still insufficient relative to the scale and speed of cross-border exchange. This limits Viet Nam's ability to upgrade from fresh produce to higher-value processed exports and weakens resilience when there are sudden changes in quarantine control or customs clearance speed.

Fourth, digitalization is progressing, but the transition is incomplete. The official launch of bilateral Viet Nam-China QR retail payment connectivity in December 2025 represented an important step toward more formalized small-value cross-border transactions [15]. Yet the coexistence of official and informal payment channels suggests that firms and traders still respond strongly to convenience, speed, and cost. Financial connectivity will reduce transaction costs only if it is accessible to the small and medium-sized enterprises that dominate much of border trade [16].

6. Strategic implications

For Viet Nam, the priority is to upgrade the export basket rather than merely expand shipment volumes. This requires stronger investment in processing capacity, cold-chain logistics, testing and certification systems, and digital traceability. Border trade policy should encourage a shift from opportunistic and seasonal trade toward more contractual, standards-based, and platform-enabled transactions. Viet Nam should also use cross-border e-commerce more aggressively to reduce dependence on intermediaries and to improve direct market access for branded agri-food products.

For Guangxi, the key contribution is to improve predictability, service depth, and platform access. Guangxi can help reduce friction by strengthening consultation and early-warning mechanisms when new customs or quarantine measures are introduced, expanding inspection and handling capacity at key gates, and providing more efficient interfaces for Vietnamese exporters in logistics, e-commerce, and wholesale distribution networks. Border cooperation becomes more sustainable when Guangxi is not only a transit zone, but also a facilitator of value upgrading and transparent market access.

For both sides, the core task is to close the gap between political consensus and operational coordination. Hard connectivity projects should be matched by soft-connectivity reforms in customs data sharing, quarantine recognition, payment interoperability, and anti-smuggling cooperation. The smart-border-gate pilots at Huu Nghi-Youyi Guan and Mong Cai-Dongxing are especially important because they can function as demonstration projects for a wider model

of efficient, rules-based, and digitalized border management. At the same time, the two sides need stronger cooperation on origin control, transshipment monitoring, and fraud prevention.

7. Conclusion

During 2020-2025, Viet Nam-Guangxi border trade expanded rapidly and became more deeply embedded in the broader BRI and China-ASEAN connectivity framework. The main gains were visible in scale, logistics efficiency, and the growing institutional recognition of smart-border and digital-trade solutions. At the same time, the structure of trade remained uneven, with Viet Nam continuing to depend heavily on fresh agricultural exports and Guangxi retaining advantages in higher-value industrial and intermediate goods.

The study shows that the persistence of weaknesses is not a paradox once the mechanisms of border trade are examined more closely. Incomplete institutional harmonization, service gaps, implementation asymmetries, and uneven access to formal finance prevent hard infrastructure investment from translating automatically into resilient trade development. In this sense, the BRI should be understood not as a completed solution, but as a framework whose results depend on the depth of follow-through at the operational level.

Sustainable development in Viet Nam-Guangxi border trade therefore requires a dual strategy: continued investment in modern cross-border infrastructure and a simultaneous strengthening of soft connectivity in regulation, logistics services, digital systems, payment channels, and supply-chain transparency. Only by combining these two dimensions can the two sides move to higher-quality, more formalized, and more shock-resilient trade integration.

REFERENCES

1. Nguyen Thi Mo. Quan he Viet Nam - Trung Quoc tren linh vuc ngoai thuong. Nhin lai 10 nam va trien vong // Tap chi Nghien cuu Trung Quoc. 2001. No. 6. P. 36-43.
2. Dao Thi Hong Duyen. Quan he thuong mai qua bien gioi giua Viet Nam va Trung Quoc - Thuc te tinh Lang Son: Master's thesis in International Economics. Hanoi: University of Economics, Vietnam National University, 2010. P. 12.
3. Li L., Kim H. Analyzing border effects on China's agricultural trade // China Agricultural Economic Review. 2025. Vol. 17. No. 3. P. 445-463.
4. Yin J., Pang Y., Dang J. Border effect of agricultural trade between China and the countries along the Belt and Road: An analysis based on the GSIM model // Journal of China Agricultural University. 2021. Vol. 26. No. 3. P. 212-226.
5. Cao F., Li X., Zhang Z. Does institutional openness improve the trade efficiency of China's agricultural products imported from Central Asian countries? A time-varying stochastic frontier gravity model // Frontiers in Sustainable Food Systems. 2025. Vol. 9. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/sustainable-food-systems/articles/10.3389/fsufs.2025.1598004/full> (accessed: 23.03.2026).

6. Huang L. Research on the competitiveness and complementarity of agricultural products trade between Guangxi and Vietnam under the CAFTA framework [Electronic resource] // Korean-Chinese Social Science Studies. 2022. Vol. 20. No. 3. P. 231-257. URL: <https://dspace.kci.go.kr/handle/kci/1930914?show=full> (accessed: 23.03.2026).
7. Yan L., Jin X. Challenges and improvement approaches for border trade between Guangxi and Vietnam under the Belt and Road Initiative // Duiwai Jingmao Shiwu. 2021. No. 11. P. 42-45. [In Chinese].
8. Lacka E., Chan H. K., Wang X. Technological advancements and B2B international trade: A bibliometric analysis and review of industrial marketing research // Industrial Marketing Management. 2020. Vol. 88. P. 1-11.
9. Deng Y., Xu G., Wang L. Smart port construction on the China-Vietnam border and smooth cross-border trade: The case of Dongxing // International Journal of Business Anthropology. 2024. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Smart-Port-Construction-on-the-China-Vietnam-Border-Deng-Xu/fe506edaff33c4b4fd31d10f8ce367c424238390> (accessed: 23.03.2026).
10. Khang T. Quang Tay mo rong hop tac nong nghiep voi Viet Nam [Electronic resource] // Nong nghiep Huu co. 2025. 15 February. URL: <https://nongnghiephuuc.vn/quang-tay-mo-rong-hop-tac-nong-nghiep-voi-viet-nam-4802.html> (accessed: 23.03.2026).
11. Cheng C. 广西对越南贸易大幅增长 [Guangxi-Vietnam trade grows sharply] [Electronic resource] // 中国海关. 2025. No. 2. URL: <http://chinacustoms.gmcomonline.com/202502/c/20767.shtml> (accessed: 23.03.2026). [In Chinese].
12. Ministry of Industry and Trade of Viet Nam, Asia-Africa Market Department. Tai lieu hoi nghi thuc day hop tac kinh te thuong mai cac tinh bien gioi phia Bac voi Trung Quoc. Hanoi, 2023.
13. Ministry of Industry and Trade of Viet Nam. Vietnam, Guangxi strengthen economic and trade cooperation [Electronic resource]. 2025. 27 November. URL: <https://moit.gov.vn/en/news/industry-and-trade/vietnam-guangxi-strengthen-economic-and-trade-cooperation.html> (accessed: 23.03.2026).
14. Do H. Chu dong thich ung voi Lenh 280 khi xuất khẩu thực phẩm sang Trung Quoc [Electronic resource] // Bao Dien tu Chinh phu. 2026. 17 March. URL: <https://baochinhphu.vn/chu-dong-thich-ung-voi-lenh-280-khi-xuat-khau-thuc-pham-sang-trung-quoc-102260317110757445.htm> (accessed: 20.03.2026).
15. National Payment Corporation of Viet Nam (NAPAS). Chinh thuc trien khai dich vu thanh toan xuyen bien gioi qua ma QR giua Viet Nam va Trung Quoc [Electronic resource]. 2025. 2 December. URL: <https://napas.com.vn/chinh-thuc-trien-khai-dich-vu-thanh-toan-xuyen-bien-gioi-qua-ma-qr-giua-viet-nam-va-trung-quoc-182251202175329585.htm> (accessed: 20.03.2026).
16. Nguyen T. A., Nguyen T. T., Le P. L. Thanh toan xuyen bien gioi - Goc nhin quoc te va kien nghi, giai phap [Electronic resource] // Tap chi Ngan hang. 2026.

URL: <https://tapchinganhang.gov.vn/thanh-toan-xuyen-bien-gioi-goc-nhin-quoc-te-va-kien-nghi-giai-phap-16923.html> (accessed: 22.03.2026).

17. Vietnam-China joint statement [Electronic resource]. 2023. 14 December. URL: <https://vufo.org.vn/Vietnam---China-joint-statement-14-53348.html?lang=en> (accessed: 21.03.2026).

18. Vietnam and China issue joint statement [Electronic resource]. 2025. 16 April. URL: <https://hcma.vn/en/Pages/chi-tiet-tin.aspx?ItemID=1062> (accessed: 23.03.2026).

THE PURPLE ECONOMY AND ITS ROLE IN ENHANCING IRAQ'S ECONOMY: OPPORTUNITIES AND CHALLENGES

Abstract. *Iraq has exceptional potential for implementing the purple economy model, given its rich heritage, culture, and archaeological and religious sites. In the Iraqi context, the purple economy involves investing in archaeological sites and activities such as traditional crafts, religious, cultural, and archaeological tourism, arts, and historical sites. This approach supplements other economic sectors and incorporates culture into everyday life.*

These sites and the purple economy model can contribute to diversifying sources of income in Iraq and reducing dependence on oil revenues, thus promoting sustainable and comprehensive economic development. It is also an effective tool for increasing social cohesion and strengthening national identity. Moreover, it empowers local communities, especially in areas rich in heritage, tourism, and religious sites, to invest in their cultural resources.

Growing interest in cultural diversity makes it a source of inspiration and imparts a cultural dimension to the economy. The purple economy can reduce poverty in areas with archaeological and religious sites by providing job opportunities for young people and women. Integrating the purple economy into national development strategies enhances overall economic sustainability and preserves cultural identity.

Furthermore, optimal investment in these elements and their integration into the economic structure can increase Iraq's real national income, generate high added value, reduce production costs, and stimulate economic activity.

Keywords: *purple economy, economic development, creative culture, craftsmanship.*

Introduction

The purple economy is an emerging economic model based on local culture that restores the place of culture and creativity in the modern economy. It draws on culture and heritage to guide the local economy and achieve the well-being of individuals in society and the economic development of the country. It combines economic development with the preservation of cultural heritage and human diversity at the heart of sustainable development, adding a cultural and human dimension to globalization, especially in developing countries where culture is a productive element and a source of job creation and social integration [1]. This new economic model establishes sustainable creative growth for

members of society. This model aims to diversify sources of income and is a key driver of economic growth. It is a new and dynamic development model that values culture and considers it an integral part of the process of rationalizing consumption and reducing expenditure, which most developing countries are calling for, as well as promoting sustainable development and achieving social responsibility. This model emerged from economics through an international forum organized by UNESCO and the European Commission in 2011, which called for culture to be considered not merely a luxury but an active force contributing to economic development [2].

Research problem: What are the economic and cultural roles of the purple economy in boosting the national income of the country's economy and revitalizing tourism in Iraq?

Research significance: The research aims to highlight the importance of local religious and historical culture and heritage in contributing to increasing the gross domestic product of the Iraqi economy and designing a development strategy to promote the purple economy.

Research hypothesis: The purple economy gives cultural factors their economic place in guiding the economy and achieving economic development in Iraq.

Research methodology: To address the research problem, we relied on the descriptive approach to the purple economy, as well as the importance of craft, cultural, and creative industries, especially in rural areas of Iraq. Among the most important studies on the purple economy is:-

Ipek Ilkkaracan's 2016 study entitled "The Purple Economy Complementing the Green: Towards Sustainable and Caring Economies." The study highlighted the importance of the purple economy, and the researcher presented a framework for a purple economic vision in which women contribute through women's work in the economy and identifying the links between caring for people and caring for the environment. The purple economy can contribute to generating decent job opportunities for women and unemployed youth, contribute to poverty alleviation, address inequalities between generations, genders, and origins, and achieve a balance between nature and humans in the economy.

A 2018 study by Jaiswal & Tripathi entitled "Purple Economy: Component of a Sustainable Economy in India" The study focused on demonstrating the extent to which the purple economy contributes to sustainable development. The researchers concluded that the purple economy focuses on the cultural and creative values embedded in the goods and services produced in the country, as well as making the economy quality-based. The government needs to adapt the country's education system to promote the acquisition of the skills required for the transition to the new purple economy model.

The purple economy as an opportunity for development and increased national income in Iraq

The purple economy represents a strategic opportunity for Iraq to diversify its sources of national income and increase revenues, as well as reduce its dependence on rentier economics and excessive reliance on oil revenues, through the adoption of clear and new developmental economic policies aimed at investing in the country's infrastructure, culture, knowledge, and well-thought-out institutional planning. Utilizing Iraq's heritage and cultural wealth within the framework of the purple economy will be an important factor in achieving economic development in the country and achieving social justice and economic well-being for individuals in society in the long term. The purple economy can be an effective tool for achieving economic diversification in the Iraqi economy, as well as developing the culture, tourism, heritage, and handicrafts sectors and creating new job opportunities for young people and women. Iraq has a young workforce and human resources, and UNESCO reports confirm that the cultural sectors of the economy provide job opportunities and absorb a number of skilled workers, thereby promoting integration into the local economy.[3]. The purple economy contributes to poverty reduction by encouraging and increasing support for small and medium-sized enterprises. It promotes balanced local development, social justice, and improved income levels, especially in rural areas with heritage or tourist sites, thereby reducing the social gap and disparities between urban and rural areas. Culture plays a pivotal role in strengthening belonging and identity, which has a positive impact on social stability and long-term development. The purple economy is considered one of the modern colors of the economy, aiming to make the cultural dimension an effective part of economic development and supporting the dimensions of sustainable development. The term "purple economy" refers to an economic model that combines and integrates creativity, knowledge, and culture into the production process and focuses on the cultural value of goods and services as a driver and tool for promoting sustainable economic growth. The purple economy gives culture an important and central role in economic and social development and expresses vitality and humanity. It is a new color that focuses on people and society.

Iraq has a rich heritage in literature, arts, culture, and history, as well as religious sites, which makes it well-suited to revitalize creative cultural industries and rare crafts to contribute to economic growth through strategies that increase the contribution of cultural industries to gross domestic product, encouraging national cultural projects and events, and strengthening international partnerships to benefit from global expertise in the purple economy. as it is a promising model for diversifying sources of income in Iraq through the adoption of benchmarking policies and support for creative sectors. Culture and creativity play a role in attracting foreign investment by promoting local talents, crafts, and artisanal industries.

The purple economy is closely linked to the values and culture of society, which regulates human response and ensures positive interaction, making

culture one of the pillars of economic development. The emergence of the purple economy, which stems from the importance of heritage and cultural dimensions in societies, is linked to a set of factors that promote the growth of this type of economy or help balance the factors associated with it, including the economic and political balance of countries, focus on communities, quality enhancement, and innovation promotion, which contribute to bringing together different requirements and developing talents.

The purple economy is one of the three components of a sustainable economy, which are the social, environmental, and purple economies. The environmental (green) and social economies are evident from their names, with the former focusing on environmental issues and the latter on social issues. The purple economy, on the other hand, is an economic field that contributes to sustainable development by increasing the consideration and valuation of the cultural return () of goods and services. The purple economy takes into account and focuses on the cultural dimension, which is different from the cultural economy, which is considered a sector in itself [6].

The foundations of the purple economy in Iraq

The purple economy plays an important role in preserving architecture, heritage, art, and skills. It also contributes to strengthening national identity in the economic sphere in terms of tourism, education, industry, and health, and implementing policies that promote cultural, economic, and social projects and crafts in order to revive the country's historical and cultural heritage. [7] Iraq is considered one of the countries rich in heritage, archaeological, historical, and religious sites, which represent a non-oil economic resource that can contribute to reducing dependence on oil export revenues and diversifying the economy, as well as supporting the balance of payments through inbound tourism, which is reflected in promoting economic development.

They provide direct and indirect employment opportunities, and archaeological sites contribute to supporting the local economy and developing rural sectors. Therefore, archaeological, religious, and heritage sites are one of the most important drivers of sustainable economic development, transforming history into economic value without distorting cultural identity, and are a pillar of cultural and religious tourism [8]. The most important of these sites are:

1. Archaeological sites are (Ur in Dhi Qar, the Hanging Gardens and the capital of the Babylonian Empire in Babylon, the winged bull statues, and the unique fortified city of Farthia in the province of Nineveh). They can be utilized within the purple economy through heritage products inspired by ancient Iraqi figures and the development of creative industries such as books, films, and exhibitions.

2. Religious sites (the shrine of Imam Ali in Najaf province, the shrines of the two Imams in Baghdad province, the shrine of Imam Hussein in Karbala province, and the shrines of Al-Mawlawi and Al-Askari in Salah al-Din

province) are clear examples of the purple economy and the promotion of social solidarity based on spiritual and moral values.

3. Heritage sites (Al-Mustansiriya School and House of Wisdom in Baghdad Province, the marshes in the south, Erbil Castle in Erbil Governorate, Al-Mada'in (Taq Kisra) and Al-Mutanabbi Street in Baghdad) The impact of the purple economy is reflected in the integration of culture with innovation and knowledge development, as well as the protection of environmental culture and the achievement of sustainable income for local communities. These sites are an important basis for the application of the purple economy model, as a developmental framework that integrates culture and scientific economic identity. They play an important role in revitalizing cultural and religious tourism, developing heritage industries, protecting local heritage, developing the environment and tourism, attracting investment, services, and housing, and placing Iraq on the global tourism map.

The application of the purple economy in Iraq may face several challenges: such as the weakness of the legislative and institutional framework, the lack of cultural awareness of the importance of this new economic model, the limited financial allocations specified and approved for this sector, as well as the weakness of the cultural infrastructure. One of the most important challenges facing the implementation of this new economy is the lack of statistical data and limited awareness of the importance of involving cultural and historical tourism and other cultures in the country's local economy [9].

The purple economy is considered a new, modern, promising, and effective tool for achieving comprehensive economic development in Iraq, as well as integrating and incorporating it into implemented and planned development plans, developing legislative and financial frameworks, as well as supporting and encouraging creative cultural industries and craft projects by the local government, strengthening partnerships between the public and private sectors, developing measurement indicators specific to the purple economy, and encouraging applied research in this field. The purple economy is considered to be holistic in nature, valuing cultural diversity and reconciling economic development with sustainability, giving greater importance to the cultural dimension and the development of cultural, heritage, and religious tourism, and creating a different culture that becomes the focus of prosperity and progress in the country. Supporting the new approach to the purple economy as a strategic dimension and viewing culture as an important axis in economic development, which has a role in increasing competitiveness and contributes to increasing added value as well as stimulating the local economy. Working to publish numerous studies and research papers to understand the purple economy [10]. Employ modern means of communication and increase consumer awareness with the development of electronics and new technologies and the marketing of cultural products, which creates competition and contributes to enriching cultural diversity. Culture enables individuals to be inspired and innovative,

making them more capable of achieving tangible change in their standard of living and contributing to the country's overall development. The purple economy works to value and protect cultural diversity, market the intellectual and cultural creativity of individuals, and preserve the country's cultural and historical identity in the face of globalization. [10]. It also plays a role in achieving social equality between generations. UNESCO has promoted the principles of optimal utilization of local and intangible heritage (2003) and protection of cultural and heritage assets by creating work environments that respect cultural diversity and making it a successful and sustainable model in line with modern and global trends. Towards more inclusive and equitable economies, and investment in creative craft industries for young people and women, which is reflected in the promotion of the local economy as well as the provision of an environment conducive to innovation, renewal, and entrepreneurship?

Conclusions

1. Traditional craft products represent a new path towards diversifying the Iraqi economy and a strategic option for boosting gross domestic product, as well as absorbing the unemployed female and youth workforce, raising national income levels in Iraq, and reducing excessive dependence on the oil sector.

2. This economic model contributes to promoting comprehensive development. Handicraft products are a means of highlighting the heritage of society and contribute to the development of small industries in rural areas and the stabilization of the local population by providing and creating job opportunities for them, as well as reducing migration from rural to urban areas. It also supports small and medium-sized enterprises and improves individuals' living standards by increasing their income and integrating them into economic development programs and plans, which has a positive impact on national income.

3. For this modern economic model to succeed, the Iraqi government must pay attention to cultural diversity and develop action plans, government policies, and legislative frameworks, as well as invest in tourism and cultural infrastructure and achieve sustainable tourism development. It should also raise awareness and hold local and national seminars focusing on the importance of cultural industries and highlighting their significance in preserving and protecting archaeological sites and promoting tourism and culture in Iraq, as culture enables individuals to contribute more to comprehensive development.

Recommendations:

1. Culture is an important economic sector that plays a pivotal role in the economy and gives countries a competitive advantage. It is one of the factors of sustainable development.

2. Iraq is rich in cultural and creative diversity, which is a valuable asset. If invested seriously through a development strategy and plan, it will contribute

to the gross domestic product of the economy, and the purple economy can play a role in serving sustainable development.

3. Establish incubators to promote cultural industries and, in cooperation with the public and private sectors, encourage creative and cultural crafts and promote heritage and artistic professions.

4. Develop a national guide to local tourism and heritage, religious, and historical sites in Iraq and monitor cultural and creative potential.

5. Promoting Iraqi cultural, historical, and heritage tourism and reviving cultural heritage as a tourist product

6. Harness local media and invite foreign media to promote Iraq's archaeological treasures and tourist and religious sites.

References

1. Throsby, D. (2001). Economics and culture Cambridge: Cambridge University Press.
2. Habibullah Muhammad al-Turkistani, The Violet Economy <https://www.qafilah.com/articles/2025/november-december/purple-economy>
3. UNESCO & UNDP. (2013). Creative Economy Report 2013: Widening Local Development Pathways. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization.
4. UNCTAD. (2010). Creative Economy Report. United Nations Conference on Trade and Development.
5. Mohammed Madahi, The Role of the Purple Economy in Enhancing Cultural Value to Serve Sustainable Development, Published Research, Economic Research Journal, Volume 17, Issue 1, 2022, pp. 412-413.
6. Nabil Ben Moussa, The Purple Economy and Sustainable Development-Experiences of Members of the Organization for Economic Cooperation and Development, Economic Research Journal, Volume 2, Issue 2, 2021, P. 165.
7. Badria Bint Nasser Al-Wahibi ("The Purple Economy" and the Promotion of Cultural and Social Sectors) Article available at <https://alroya.om/post/308210/>
8. Lubna Sanani and Issa Younsi, The Purple Economy as a Strategy for Valuing Cultural Diversity and Achieving Sustainable Development, Haqaiq Journal of Psychological and Social Studies, Vol. 8, No. 2, 2022.
9. Mechikel Ilyas Abdelfattah & Ouddane Bouabdellah, Purple Economy: The role of improving the job performance of human resources in achieving sustainable development and enhancing the cultural dimension, Journal of Legal and Economic Research, Volume 5, No. 1, 2022.
10. Jilali Amna, The Purple Economy, Cultural Diversity and Sustainable Development: Interactive Relationships, Journal of Economics and Sustainable Development, Volume 5, Issue 1, 2022.
11. Basbaa Abdelkader et al., The Purple Economy: The Economic Vision of Purple Culture, Journal of Economics and Finance, Vol. 6, No. 2, 2020.

12. Alaa Mustafa Abdel-Maqsoud, The Purple Economy and Its Role in Achieving the Dimensions of the Sustainable Development Strategy in Light of Egypt's Vision 2030, Contemporary Egypt Journal, Vol. 113, No. 546, 2022.
13. Mukdad Nadia, The Purple Economy and Its Role in Promoting Cultural Diversity and Economic Development – An Overview of International Experiences, Economic Papers Magazine, Volume 16, Issue 1, 2025, p. 800

**BETWEEN REALITY AND SIMULATION: BAUDRILLARD'S
HYPERREALITY AND CYBERPUNK 2077: PHANTOM LIBERTY'S
CONSTRUCTION OF INTERCULTURAL SPACE**

Abstract. *This article examines Dog Town in Cyberpunk 2077: Phantom Liberty through the theoretical framework of Jean Baudrillard's concepts of simulacra and hyperreality. The study explores how this digital game environment functions as a hyperreal intercultural space in which elements of different cultures, architectural styles, and urban symbols are synthesized into a coherent but fictional model of multicultural reality. The relevance of the research lies in the growing role of digital media in shaping contemporary intercultural perception and cultural awareness. The aim of the article is to determine how Dog Town constructs a hyperreal version of multiculturalism and how this construction influences the understanding of intercultural communication in the context of globalization. The methodology combines qualitative visual and spatial analysis of the game environment with a theoretical interpretation based on Baudrillard's concept of simulation. The results show that Dog Town does not represent authentic multicultural reality but produces a persuasive digital simulacrum that shapes players' perceptions of cultural diversity, globalization, and intercultural interaction. The study concludes that digital game spaces should be understood as active agents in the production of cultural meanings and as important sites for the formation of intercultural awareness in the hyperreal age.*

Keywords: Jean Baudrillard, Hyperreality, Simulacra, Intercultural Communication, Cyberpunk 2077: Phantom Liberty, Digital Space

Introduction

In the context of globalization and the rapid expansion of digital media, intercultural communication increasingly takes place not only through direct contact between representatives of different cultures but also through virtual environments created by mass culture, digital platforms, and the game industry. Under these conditions, it becomes especially important to examine how digital simulations shape people's understanding of cultural diversity and influence their perception of intercultural interaction.

One of the most productive theoretical frameworks for analyzing this phenomenon is Jean Baudrillard's concept of simulacra and hyperreality. According to Baudrillard, in postmodern society signs and images no longer merely reflect reality; instead, they function as autonomous systems that replace reality and create a hyperreal space in which the boundary between the authentic

and the constructed becomes unstable. In such a condition, cultural experience is increasingly mediated not by direct participation in reality, but by involvement in symbolic and visual models.

Digital game environments are of particular interest in this regard because video games have become one of the major channels through which global audiences encounter foreign cultures, urban imaginaries, and visions of the future. *Cyberpunk 2077: Phantom Liberty*, and especially its Dog Town district, offers a relevant case for examining how a game space can operate as a hyperreal construction in which elements of different cultures, architectural traditions, and urban aesthetics are integrated into a coherent but fictional system that has no direct real-world original.

The relevance of this study lies in the need to understand how such digital spaces participate in the production of cultural meanings and influence the development of intercultural awareness. The research problem emerges from the contradiction between the traditional understanding of intercultural communication as a sphere of authentic cultural contact and the contemporary reality in which a substantial part of cultural knowledge is formed through mediated and simulated environments.

The aim of this article is to analyze Dog Town in *Cyberpunk 2077: Phantom Liberty* through the lens of Baudrillard's theory of hyperreality and to determine how this virtual environment constructs an intercultural space and shapes the perception of multiculturalism, globalization, and cultural difference. To achieve this aim, the article addresses the following tasks: to outline the main principles of Baudrillard's theory of simulacra and hyperreality; to identify the visual and spatial features of Dog Town as a digital environment; and to examine how this simulation influences the audience's understanding of intercultural communication in the digital age.

The novelty of the study lies in applying Baudrillard's theoretical framework to a contemporary video game as a medium that not only represents culture but also produces hyperreal cultural experience. The practical significance of the article is connected with its potential contribution to media studies, intercultural communication research, cultural studies, and the analysis of digital environments as spaces of symbolic and ideological influence.

Literature Review

Baudrillard's theory of representation and simulation went through several phases of development. In his early work, under the impact of semiotics, he thought that images were symbols that represented reality through structural relationships (signifier-signified). However, he increasingly argued that contemporary media culture has fundamentally altered this relationship. Baudrillard proposed four successive stages of the relationship between images and reality in *Simulacra and Simulation*: First, the image has real substance (standard representation); then it obfuscates and distorts reality (bourgeois representation); the third is that the image conceals the absence of reality

(simulation); finally, there is no relation whatsoever between the image and reality (complete simulation, hyperreality).

In this final phase, Baudrillard argues that simulations, characterized by late capitalism and postmodern culture, are no longer representations of anything. These entities are autonomous bodies with internal coherence and a certain degree of independence. The hyper-realistic urban landscape in a digital game is not a replica of the real world but a kind of reality that arises from players' feelings and cognition. There is no longer any difference between the real city and the virtual city in the simulation, and through this process, human beings will acquire knowledge, perception, and sense of identity of the urban environment.

Baudrillard argues that hyperreality does not represent an escape from reality into fantasy. Hyperreality is not a negation of reality, but rather a kind of existence that has become present in modern times as an important basis for people to understand and face the world. Simulation is no less real than actual existence; On the contrary, it is necessary, feasible and of great social value. For Baudrillard, recognizing that people live in hyperreality is essential to understanding contemporary culture (Baudrillard, 1994).

Intercultural Communication and the Problem of Authentic Representation

Traditional ways of promoting intercultural communication are often that only by experiencing the cultural atmosphere, traditional customs and beliefs firsthand can one truly understand another culture. From this perspective, learning about culture through simulations or representations seems inherently limited, because the authentic voices or practices are missing, replaced by mediated versions shaped by outside perspectives. Whether there is ethnic authenticity in inter-ethnic education can be judged by whether a review of intercultural pedagogy has been carried out.

The framework is unable to explain the development of intercultural awareness under globalization. According to research, the main way children around the world learn about international culture is still through mass media, such as cinema and television, music, games and other social platforms; direct interaction is not their primary means of learning. For many audiences, media representations are not supplements to direct cultural experience but the primary source of cultural knowledge. The distinction between genuine and fabricated cultural experiences becomes blurred through imitation, which is primarily responsible for shaping individuals' perceptions of various cultures.

It means recognizing that in globalized contexts, intercultural communication increasingly occurs through participatory simulations. The relevant question is how media simulations actively constructs and distributes particular versions of culture, and how these constructions influence intercultural understanding.

Cyberpunk culture emerged as a genre with a particular focus on depicting a future shaped by advanced technology and global capitalism. Its graphic tendencies to merge Eastern and Western motifs, such as neon lights combined with Chinese characters, Japanese firm emblems, Latin American urban cultures, and North American cybernetics, are not accidental; They aim to create images of planetary tomorrows. The foundation of cyberpunk's simulation is based on the fact that, under globalization, capital, technology and culture cross national borders rapidly.

The Dog Town in *Phantom Liberty* enhances this aesthetic project. Although this district is not a true depiction of the metropolis, it has integrated different hyper-realistic styles of global cities. This synthesis is deliberate and aesthetically conscious, because the designers have selected some cultural patterns, colour combinations, architectural styles and spatial arrangement methods to create their own globalized sky. There is neither arbitrariness nor neutrality after that; instead, people have different views on globalization, multiculturalism and the future.

The aesthetics can be understood as a remarkable manifestation of Baudrillard's hyperrealism. The "high-tech, low-life" contradiction central to cyberpunk is not a representation of actual social conditions but a stylized, dramatized simulation that has become influential in shaping how people think about technology and society. Each time young people worldwide come into contact with cyberpunk images through media, cinema and television, or digital games, it is said that they are interacting with fabricated simulations and thus form their own perceptions of reality. This type has become the pattern of visual presentation for technological foresight, and it has had some impact on actual life in architecture planning, art creation and other fields of cultural work.

Materials and Methods

This thesis presents spatial and visual analysis of Dog Town as a hyper-realistic environment in *Cyberpunk 2077: Phantom Liberty*. Based on this game framework, an entire narration simulation can be carried out in a new culture and across different boundaries. The analysis focuses on: identifying how the space synthesizes elements from multiple actual locations into a coherent simulation; examining the internal logic and aesthetic consistency through which the simulation generates its own reality; analyzing how this hyper-realistic space shapes players' understanding and experience.

The author played the DLC for approximately fifty hours and is familiar with the game's spatial design and cultural semiotics, NPC dialogue samples, and architectural literature. The analysis employs qualitative visual and spatial methods approach to evaluate whether the simulated environment has organized cultural symbols, whether it can evoke an aesthetic experience, and based on this, plan paths and activities for players. The thesis considers Dog Town as a bounded case study of hyperrealism in digital game design, recognizing that this single case cannot support broad generalizations but can illuminate mechanisms

by which digital simulations construct and distribute particular versions of culture.

Results and Discussion

Dog Town is an imaginary metropolis and does not correspond to any specific real city. Instead of this, it integrates building elements, social symbols and aesthetic ways from all over the world into one place; such an environment does not exist in reality. Nevertheless, through this integration, it creates a highly realistic metropolis that provides reference for many players to understand what a global, multicultural city is like.

The district's aesthetic organization reveals this hyper-realistic logic. Neon-lit towers stand beside savage corporate skyscrapers. Chinese commercial signs share visual space with Japanese corporate logos and South American street murals. This composition includes components that should coexist in actual metropolises; the simulation has lost its sense of geography and time in explaining why these specific elements cluster together. To maintain consistency in style, it needs to be the same; therefore, this particular colour scheme, cutting-edge industrial surfaces, and a high visual density are features of the cyberpunk aesthetic. The space is organized around aesthetic principles rather than the logic of a real city.

This aesthetic organization is precisely Baudrillard's point about hyperrealism. Hyperreal settings do not represent real multiculturalism; instead, they form an independent system with its own coherence under the norms of art and architecture. Players can experience a sense of connection and meaning within these spaces even though they are not genuine representations of cultural fusion; it is because the designers have achieved aesthetic equilibrium and space harmony. Baudrillard's theory of specific simulation suggests that there is fabrication without prototypes, and it has its own autonomous existence.

The practical effect is that Dog Town becomes what Baudrillard would call a "hyperrealistic simulacra"—more real in its consistency and impact than actual multicultural cities, which are often more chaotic, contradictory, and aesthetically incongruous. Players who explore Dog Town may develop a sense of what global multicultural futures might feel like that is in some ways more vivid and memorable than exposure to actual multicultural cities. The simulation has generated its own affective and cognitive reality.

Hyperrealism does not exist in isolation; it becomes generative through circulation. When a simulation reaches thirty million players worldwide, such as *Cyberpunk 2077*, it will carry cultural significance. Players have disagreements online over Dog Town, create fan art related to it, and incorporate its style into their own work. Hyper-realistic simulations circulate through social media, streaming platforms, and cultural discourse, becoming part of how millions of people think and imagine a globalized, multicultural future.

It will also help promote the international exchange and spread of Chinese culture. Each time the players encounter some visual symbols of Japanese

culture in Dog Town, such as samurai patterns and corporate logos of Arasaka Corporation, etc., it goes beyond merely representing Japan. Through the power of dissemination and repetition, it constructs a highly realistic model of Japanese aesthetics that serves as an authoritative standard for Japanese cultural beauty in the minds of many players. Although this highly realistic Japanese does not correspond to the actual situation of modern-day Japan, it will inevitably influence how members of the global community perceive Japan.

This hyperrealism operates differently across player communities. For Japanese players encountering *Phantom Liberty*, Dog Town's "Japanese" elements might be understood as recognizable aesthetic references but also as simulations—a stylized, exotic version of Japanese culture. At the same time, for non-Japanese participants, these parts may have opposite effects and appear to carry Japanese cultural traits; thus, the entire environment is in a hyper-realistic state. When there is no basis of culture for reference, the differences between reality and imagination have become recognizable.

Baudrillard thinks that hyperreality usually imitates an even more realistic state at a higher stage. Simulation can be more realistic, vivid and close to reality than actual life. It is set up for the purpose of creating an ideal visual and auditory effect. The dazzling neon lights, complex spaces layouts and aesthetic coherence of Dog Town may appear more realistic—vividly depicting a cosmopolitan future—than the actual cities where cultures collide and merge, which are chaotic and contradictory.

This creates what might be called the "paradox of authenticity" in intercultural communication through simulations. The more skillfully designed the simulation, the more it may feel authentic and representative. Subjects may develop a sense of certainty about many communities through their participation in highly realistic situations and be unable to distinguish between fiction and reality, failing to realize that what they see is not an depiction of real-life social custom but rather fabrication. The visually realized virtual environment has a sense of reality that is comparable to the actual world.

Phantom Liberty has used an unconventional design framework to achieve the aestheticism of realism. Producers in the CDPR beautify cultural diversity, and ethnic symbols have visual beauty, emotional resonance, and meet beauty standards. The artistic refinement makes it more emotionally moving for symbolic marks. Therefore, this kind of "hyperreal cultural literacy" has been produced, that is, adapting to the digital simulated environment of culture rather than experiencing real interaction with traditional culture.

Baudrillard's theory of hyperreality states that traditional views on intercultural interaction emphasize real cultural competence, and thus may not be able to effectively explain how modern people construct their own intercultural identity. If people increasingly encounter other cultures through digital simulations rather than direct contact, then the current cultivation of

cultural awareness needs to learn how to break down and appraise such artificial environments.

This creates both risk and possibility. The risk is that players may regard the emulated culture as genuine culture and therefore form an incorrect understanding in interaction with the highly realistic simulation, without being aware of the complexity of real culture. The possibility is that simulations can serve as a gateway to genuine intercultural engagement. Simulations also reveal some aspects of culture that are not easily observed in daily life, such as the inheritance of art, values and social norms.

The crucial point is that Baudrillard's framework suggests intercultural communication in the context of globalization necessarily operates through hyperreality. Simulations is not an imperfect "mirrors" but explore ways to question how the simulation system shapes and diffuses culture. They should help people understand how interaction occurs in the simulation, grasp the mental state that generates it, and cultivate cultural awareness of what is included or excluded in a particular simulation.

Phantom Liberty operates not merely as entertainment but as an institution generating hyperreal culture. Baudrillard views it from the perspective of the hyper-real field, which is an inherent feature of modern society. Simulations provide a virtual environment for people to observe the phenomena of globalization. Although this idea is not far from reality, it provides a structural Framework for people's lives at present and shapes their imagination of the future direction of the whole world.

This institutional role becomes clearer when considering the game's narrative scope. *Phantom Liberty* does not merely depict a multicultural city; it tells a story of intercultural conflict, cooperation, betrayal, and alliance. It creates an approximate real environment for ordinary people to experience their own visions and problems in the process of international integration and cultural blending. Imitate some interaction methods with ethnic pluralism through the game mechanism or plot selection. Players do not simply regard Dog Town as aesthetic spectacle; they live within it, make choices within it, and experience consequences of their intercultural engagements. Simulation can not only meet the need for aesthetic enjoyment but also realize prototypical production and serve as a good example of intercultural communication.

Practical Value

For game designers and developers, the framework clarifies how game spaces function as hyperreal constructions that shape cultural understanding. Designers can take these suggestions as references and, based on their production plans, decide which cultural symbols to include in the game and promote. Cultural representation is not only an explanation of things but also constitutes a part of the mechanism for producing and disseminating hyperrealistic culture.

For media studies and communication scholars, the thesis demonstrates the continuing relevance of Baudrillard's theoretical framework for understanding contemporary digital media. Instead of regarding hyperreality as a factor that hinders or estranges people from reality, some scholars may find that the fabricated events have functional values and are used to explore how virtual reality affects intercultural communication in an international environment.

This thesis focuses on a single game and examines how *Phantom Liberty* constructs hyperreal multicultural space. The analysis does not include empirical data on how actual players from different cultural backgrounds interpret and engage with the game's hyperreal culture. The hyper-realistic multiculturalism in this thesis has not yet examined whether different groups of people experience it differently. Substantive subjects in the represented societies, such as Chinese and Japanese players, Latin Americans, etc., may have different understandings of hyper-realized cultural displays when compared to those who do not participate directly. This kind of participation is not yet at the level of current academic research.

In addition, some views of other scholars have also not been considered in this paper. Moreover, Baudrillard's theory has not been thoroughly studied either. Refinement in assessment has already been realized, and it may have continued to improve it at the core level continuously.

Conclusion

This study has demonstrated that Dog Town in *Cyberpunk 2077: Phantom Liberty* can be understood as a hyperreal intercultural space through the lens of Jean Baudrillard's theory of simulacra and hyperreality. Rather than representing any single real-world city or authentically reproducing existing multicultural conditions, Dog Town constructs a coherent digital environment composed of selected architectural forms, cultural symbols, and urban aesthetics drawn from different global contexts. Its significance lies not in its fidelity to reality, but in its ability to function as an autonomous simulation with strong visual, spatial, and emotional persuasiveness. In this sense, the game environment exemplifies how digital media can create hyperreal spaces that do not merely imitate reality, but actively reorganize it into a new cultural model that audiences may perceive as meaningful, immersive, and even more legible than the complexities of actual multicultural life.

The analysis also suggests that contemporary intercultural communication must increasingly be understood within the framework of digitally mediated experience. For many players, virtual environments such as Dog Town are not peripheral to cultural learning but constitute an important site where ideas about globalization, diversity, and cultural difference are first encountered and interpreted. Therefore, video games should be viewed not only as entertainment products but also as cultural mechanisms that shape perception and circulate influential models of intercultural reality. From this perspective, Baudrillard's

theory remains highly relevant for examining how simulated environments participate in the production of cultural meaning in the digital age. A critical understanding of such hyperreal constructions is essential if intercultural competence today is to include not only engagement with lived cultures, but also the ability to interpret the simulated cultural worlds through which those cultures are increasingly imagined.

References

1. Baudrillard J. *In the Shadow of the Silent Majorities*. New York: Semiotext, 1983.
2. Baudrillard J. *Simulacra and Simulation* / trans. by S. F. Glaser. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994.
3. Cavallaro D. *Cyberpunk and Cyberculture: Science Fiction and the Work of William Gibson*. London: Athlone Press, 2000.
4. D'Andrea A. *Global Nomads: Techno and New Age as Transnational Countercultures*. London; New York: Routledge, 2006.
5. Debord G. *The Society of the Spectacle*. New York: Zone Books, 1995.
6. Kellner D. *Media Culture and the Triumph of the Spectacle // Media Spectacle*. London; New York: Routledge, 2003. P. 1–31.
7. Nakamura L. *Cybertypes: Race, Ethnicity, and Identity on the Internet*. New York: Routledge, 2002.
8. Robins K., Webster F. *Times of the Technoculture: From the Information Society to the Virtual Life*. London; New York: Routledge, 1999.
9. Stiegler B. *Taking Care of Youth and the Generations*. Stanford: Stanford University Press, 2010.
10. Violaris E. *One More Spiral in the Simulacrum: Jean Baudrillard's Games With Reality // Baudrillard Now*. 2024. Vol. 5, no. 1.
11. Wolny R. W. *Hyperreality and Simulacrum: Jean Baudrillard and European Postmodernism // European Journal of Interdisciplinary Studies*. 2017. Vol. 3, no. 3. P. 17–30.
12. Zayapragassarazan Z. *Artificial Intelligence, Hyperreality and Virtual World of Games // Pakistani Journal of Social and Educational Sciences*. 2021. Vol. 8, no. 2. P. 45–57.
13. Zhang L. *Hyperreality Among Defense of the Ancients 2's Players // Jurnal Komunikasi Indonesia*. 2023. Vol. 5, no. 1. P. 55–72.

*Базарбаев А.А.
младший научный сотрудник
Институт истории АН РУз
г. Ташкент*

О НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПАХ СТАНОВЛЕНИЯ БИБЛИОТЕКИ “ТУРОН” В ТАШКЕНТЕ

***Аннотация:** В статье исследуются начальные этапы становления библиотеки «Турон», основанной джадидами Туркестана в начале XX века в Ташкенте. Анализируется роль и значение библиотеки в жизни Туркестана и его населения. Выявлено, что библиотека “Турон”, осуществляла свою деятельность даже после репрессии просветителей, которые ее основали.*

***Ключевые слова:** Турон, библиотека, джадидизм, Туркестан.*

*Bazarbaev A.A.
Junior researcher
Institute of History of the Academy
Sciences of the Republic of Uzbekistan
Tashkent*

ABOUT THE INITIAL STAGES OF THE FORMATION OF THE “TURON” LIBRARY IN TASHKENT

***Abstract:** This article examines the early stages of the formation of the “Turon” library, founded by the Jadids of Turkestan in Tashkent in the early 20th century. It analyzes the library's role and significance in the life of Turkestan and its people. It reveals that the “Turon” library continued its activities even after the repression of the founders who founded it.*

***Keywords:** Turon, library, jadidism, Turkestan.*

В Туркестанском крае джадидизм играл важную роль в формировании повестки дня на пути независимости, стал символом преобразований и реформ, движением обновления. Джадидами помимо новометодных школ, печати, театра, высших учебных заведений, были созданы также библиотеки, одной из которых стала библиотека “Турон”, созданная в Ташкенте¹. Несмотря на наличие отдельных исследований, посвящённых джадидскому движению, вопросы становления конкретных культурно-просветительских институтов, в частности библиотек, остаются

¹ R. Holmatov. Jadodchilar milliy kutubxonalar asoschilari (XIX asr oxiri XX asr boshlari). "Oriental Art and Culture" Scientific Methodical Journal / ISSN 2181-063X Volume 3 Issue 4 / December 2022, p. 305.

недостаточно изученными. В этом контексте особый интерес представляет библиотека “Турон” как один из первых национальных библиотечных проектов в Туркестане. Целью настоящей статьи является анализ начального этапа её формирования и функционирования.

В 1914 году при обществе “Турон” в Ташкенте была основана библиотека, получившая одноименное название “Турон”, которая изначально пополнялась книгами из личной коллекции членов вышеупомянутого общества². Следует отметить, что создание подобного учреждения являлось качественно новым явлением для культурной жизни региона, поскольку библиотека выступала не только как хранилище книг, но и как инструмент формирования общественного сознания. Целью основателей библиотеки было посредством развития просвещения и культуры повысить национальное самосознание народа Туркестана на пути достижения независимости. История данной библиотеки на начальных этапах хорошо прослеживается в статье, авторства Абдуллы Кадыри, одного из выдающихся просветителей Туркестана. Данный источник представляет особую ценность, поскольку отражает взгляд современника и непосредственного участника культурных процессов того времени. В декабре 1918 года, пишет он, по инициативе нескольких энтузиастов, на имя Орифа Клиблеева, относящегося к обществу “Турон” была открыта читальня при библиотеке “Турон”. Изначально работа читальной комнаты не была отлажена, так как отсутствовала поддержка со стороны правительства. Кроме того, закрытые дороги затрудняли доставку книг. Таким образом, на начальном этапе библиотека “Турон” функционировала в условиях институциональной нестабильности, ограниченных ресурсов и слабой государственной поддержки, что было характерно для многих просветительских инициатив данного периода.

Деньги, выданные в размере 10 тысяч сум вначале позволяли проводить некоторые культурные мероприятия в заведении, однако, как отмечает Кадыри, этой суммы, а также наличие имевшегося объема книг было недостаточно для удовлетворения нужд населения. В итоге, библиотека пополнялась книгами, в ходе реквизиции их у отдельных лиц. Сталкиваясь с новыми проблемами, с огромной сложностью у Народного комитета по национальным делам была получена сумма в размере 95 тысяч сум. Как было упомянуто, проблемы дорог, а также сложное положение железной дороги, побудили библиотеку приобретать книги за высокую стоимость у лиц, проживавших в самом Ташкенте. Функционируя самостоятельно, в декабре 1919 года библиотека перешла в управление Краевой библиотеки³.

² Д. Зиёева. XX аср бошларида шаҳар кутубхоналари тараққиётида эжиж маърифатпарварларнинг ўрни. Жаҳид маърифатпарварлик ҳаракатининг ғоявий асослари. Тошкент: Тошкент ислом университети, 2016. 154-бет.

³ Жу-бой. Қироатхоналаримиз. Иштирокиюн, 1920 йил 23 июн.

В 1928 году она была превращена в Ташкентскую областную библиотеку. Библиотека стала одним из центров образования новой узбекской интеллигенции XX века, пополняясь тысячами экземпляров драгоценных изданий. Смерть многих видных деятелей, активных участников общества и библиотеки “Турон” сильно отразилось на ее судьбе. После репрессий в отношении Муннавар кары Абдурашидханова, Абдурауфа Фитрата, Чулпана, Гуляма Зафари, Абдуллы Кадыри, Эльбека и других, библиотека продолжила свое функционирование, поскольку узбекский народ видел большой потенциал в ней, как в национальном наследии, считая ее важным звеном в деле продолжения развития национального самосознания.

Таким образом, библиотека “Турон” на начальном этапе своего существования представляла собой важный культурно-просветительский центр, сформированный усилиями джадидской интеллигенции. Несмотря на сложные социально-политические условия, финансовые трудности и последующие репрессии, она смогла сохранить свою деятельность.

Использованные источники:

1. R. Holmatov. Jadodchilar milliy kutubxonalar asoschilari (XIX asr oxiri XX asr boshlari). "Oriental Art and Culture" Scientific Methodical Journal / ISSN 2181-063X Volume 3 Issue 4 / December 2022. P. 304 – 309.
2. Д. Зиёева. XX аср бошларида шаҳар кутубхоналари тараққиётида эжиж маърифатпарварларнинг ўрни. Жадид маърифатпарварлик ҳаракатининг ғоявий асослари. Тошкент: Тошкент ислом университети, 2016. 151-155-бетлар.
3. Жу-бой. Қироатхоналаримиз. Иштирокиюн, 1920 йил 23 июн.

*Богачева В.С.
студент
Борискина А.К.
студент
Научный преподаватель: Черникова Л.И., д.э.н.
профессор
Финансовый университет при Правительстве РФ
Россия, г. Москва*

ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ РЕШЕНИЙ ТОРГОВЫМИ КОРПОРАЦИЯМИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

***Аннотация:** в условиях цифровизации и усиления конкуренции эффективное финансовое обеспечение инноваций приобретает критическое значение для торговых корпораций. Цель — систематизация теоретических подходов и практических механизмов финансового обеспечения инновационной деятельности в торговле, а также разработка рекомендаций по повышению их эффективности. Методы основаны на анализе отраслевой специфики, классификации финансовых инноваций, методик оценки эффективности, моделей управления рисками, а также на изучении практики ПАО «Магнит». Результаты: обоснованы критерии выбора источников финансирования инноваций в зависимости от типа инновационного решения и финансового состояния предприятия; предложены модели финансирования, адаптированные для торговых компаний; разработанные механизмы могут быть использованы при формировании стратегий инновационного развития.*

***Ключевые слова:** финансовое обеспечение, инновации в торговле, цифровая трансформация, модели финансирования, оценка эффективности, управление рисками, ПАО «Магнит», финтех, искусственный интеллект.*

*Bogacheva V.S.
student
Boriskina A.K.
student
Scientific Supervisor: Chernikova L.I., D.E.S.
professor
Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russia*

PRACTICAL IMPLEMENTATION OF FINANCIAL SUPPORT AND INTRODUCTION OF INNOVATIVE SOLUTIONS BY TRADE CORPORATIONS IN MODERN CONDITIONS

Abstract: *In the context of digitalization and increasing competition, effective financial support for innovation is becoming critical for trading corporations. The objective is to systematize theoretical approaches and practical mechanisms for financial support for innovative activities in trade, as well as to develop recommendations for improving their effectiveness. The methods are based on an analysis of industry specifics, classification of financial innovations, performance assessment methods, risk management models, and a study of the practices of PJSC Magnit. Results: criteria for selecting innovation funding sources depending on the type of innovative solution and the company's financial condition are substantiated; financing models adapted for trading companies are proposed; the developed mechanisms can be used in formulating innovation development strategies.*

Keywords: *financial support, innovation in trade, digital transformation, financing models, performance assessment, risk management, PJSC Magnit, fintech, artificial intelligence.*

Введение

Цифровая трансформация выступает ключевым драйвером современного экономического роста, причем наиболее ярко данные процессы проявляются в сегменте розничной торговли. Здесь качественное управление финансами служит базовым условием для сохранения конкурентоспособности. Под воздействием меняющихся покупательских привычек и повсеместного внедрения цифровых технологий именно инновационная активность выходит на передний план, давая компаниям возможность минимизировать текущие расходы и формировать долгосрочные преимущества перед конкурентами. Тем не менее, реализация инновационных проектов неизбежно сопряжена с высокими затратами и существенной неопределенностью, что создает серьезные барьеры, в особенности для субъектов малого и среднего предпринимательства. Наибольшим потенциалом сегодня обладают решения, базирующиеся на технологиях искусственного интеллекта, обработке крупных массивов данных и применении смарт-контрактов. Однако их адаптация в российских реалиях требует выверенных механизмов финансовой поддержки. В связи с этим особую значимость приобретает выработка научно обоснованных подходов к ресурсному обеспечению инновационной деятельности. Комплексный анализ взаимовлияния типа инноваций, источников их финансирования и текущего финансового положения хозяйствующего субъекта до сих пор остается недостаточно изученным, что подтверждает актуальность дальнейших изысканий в данной области. Цель данной работы заключается в систематизации теоретических концепций и прикладных инструментов финансового сопровождения инновационных процессов в торговых организациях, а также в формировании практических рекомендаций,

направленных на повышение результативности данных процессов с учетом анализа отечественного и зарубежного опыта. Практическая ценность исследования состоит в том, что его выводы и предложения могут быть востребованы предприятиями розничной торговли при разработке стратегий инновационного развития, совершенствовании механизмов привлечения капитала для инноваций и оптимизации управления соответствующими процессами.

Отраслевая специфика торговых компаний

Специфика функционирования предприятий розничной торговли во многом предопределяет их финансовую политику и подходы к управлению капиталом. Анализ структуры активов свидетельствует о том, что основу баланса здесь формируют оборотные средства, среди которых доминирующую позицию занимают товарно-материальные запасы. При этом значительная доля внеоборотных активов, как правило, приходится на арендуемые площади (торговые и складские помещения). Подобное соотношение объясняется посреднической природой торгового бизнеса, который не связан с переработкой сырья и сосредоточен на доведении готовой продукции до конечного потребителя.

Финансирование розничных сетей зачастую базируется на привлечении заемных ресурсов — от краткосрочных кредитных линий до долгосрочных арендных обязательств, тогда как доля собственного капитала традиционно остается невысокой. Такая модель позволяет повысить рентабельность собственного капитала благодаря эффекту финансового рычага, но одновременно увеличивает риски потери ликвидности и делает бизнес более чувствительным к колебаниям рыночной конъюнктуры. В связи с этим при диагностике финансовой устойчивости торговых компаний целесообразно не ограничиваться стандартными коэффициентами, а применять дополнительные метрики — например, соотношение чистого долга и EBITDA или показатели рентабельности, которые активно используются банковским сектором для оценки платежеспособности заемщиков [3, с. 97-98].

В рамках финансового анализа розничных предприятий особое место отводится оценке результативности использования оборотных средств. Ключевым индикатором здесь выступает скорость трансформации активов в денежную форму: чем этот показатель выше, тем более устойчивое положение занимает компания. Замедление оборачиваемости, вызванное избыточными запасами или ростом дебиторской задолженности, неизбежно влечет за собой потребность в дополнительном внешнем финансировании и сужает инвестиционные возможности бизнеса. Отдельного внимания заслуживает именно дебиторская задолженность: для ее сокращения необходимы специализированные инструменты, позволяющие ускорить возврат средств в хозяйственный оборот.

В российском ритейле прослеживается заметная территориальная неоднородность развития сетевой торговли. Степень проникновения сетей в регионы во многом определяется демографическими и социально-экономическими условиями — численностью и долей городского населения, уровнем доходов, а также географическими характеристиками, включая удаленность от столицы и наличие агломераций. Можно выделить две основные модели распространения: для европейской части страны ключевую роль играет градиент «север — юг», тогда как в масштабах всей России более значимым оказывается градиент «запад — восток» [19, с. 11]. Учет этих особенностей необходим при формировании стратегий региональной экспансии и финансовом планировании крупных торговых сетей.

Роль инноваций в деятельности торговых предприятий

Следует отметить, что под инновациями в торговле понимаются результаты внедрения новых или значительно улучшенных продуктов, услуг, процессов, бизнес-моделей и методов взаимодействия с потребителями, которые обеспечивают повышение эффективности деятельности торгового предприятия и создание дополнительной ценности для всех заинтересованных сторон [16, с. 348].

Особый вес в современной торговле приобретают цифровые технологии. Среди наиболее перспективных решений выделяют искусственный интеллект, компьютерное зрение, анализ больших данных и смарт-контракты. Компьютерное зрение помогает отслеживать активность покупателей в торговом зале, контролировать наличие и выкладку товаров, а также оперативно управлять очередями. В свою очередь, технологии Big Data позволяют прогнозировать спрос с высокой точностью с учетом времени суток, сезонности и погодных факторов, а также выбирать оптимальные локации для новых точек и планировать маркетинговые кампании [11, с. 502].

В сфере управления персоналом и повышения эффективности внутренних процессов все большее распространение получают технологии искусственного интеллекта, включая чат-боты для взаимодействия с сотрудниками, автоматизированные системы подбора персонала, а также инструменты прогнозной аналитики для планирования графика работы и оптимизации численности персонала в зависимости от прогнозируемого покупательского потока [25, с. 4-5].

Ключевым фактором трансформации остается регулирование. ЦБ РФ развивает нормативную базу: принято шесть стандартов открытых API, которые станут обязательными с 2026 года. Приоритеты зафиксированы в стратегии развития финансового рынка на 2025–2027 годы [6, с. 11].

Финансирования инновационной деятельности в торговле

Ключевая задача при организации финансирования — нахождение баланса между собственными и привлеченными ресурсами. В российской

практике инновационная деятельность в торговле обеспечивается главным образом за счет внутренних источников (акционерный капитал, нераспределенная прибыль, амортизация) и заемных средств, прежде всего банковских кредитов. Государственное участие в этой сфере выражено слабо и ограничивается в основном созданием оптово-распределительной инфраструктуры.

При финансировании инноваций важное значение имеет оценка способности проекта обеспечить своевременный возврат вложенных средств и достичь целевых показателей доходности. Выбор конкретных форм финансирования должен учитывать уровень сопутствующего риска, но при этом не должен препятствовать выполнению поставленных финансовых задач. Для инвестора ключевыми ориентирами выступают цена капитала, премия за риск и ожидаемый уровень инфляции.

Количественная оценка рисков инновационных проектов выполняется с помощью имитационного моделирования, анализа чувствительности и других инструментов. На их основе рассчитываются такие показатели, как ожидаемая чистая приведенная стоимость (NPV), дисперсия и среднеквадратическое отклонение.

С учетом сценарного подхода, специфики торговых инноваций и факторов риска можно выделить три модели финансового обеспечения: оптимальную, стабильную и агрессивную [17, с. 9]. Оптимальная модель (нормальный риск 0,1–0,4; запас финансовой прочности 0,5–0,8) обеспечивает финансовую устойчивость предприятия, предполагает минимизацию кредитного финансирования со значительной долей собственных средств и оптимальным уровнем средств, привлеченных посредством краудфандинга. Доля самофинансирования в данной модели составляет 41–60%, внешнего финансирования – 40–59% [17, с. 10]. Стабильная модель (умеренный риск 0,5–0,7; запас финансовой прочности 0,2–0,5) характеризуется тем, что предприятие относительно финансово устойчиво, но может перейти в неустойчивое состояние. Структура капитала находится на границе рискованной зоны, у предприятия возникают кредитные обязательства перед кредиторами. Доля самофинансирования составляет 11–40%, внешнего финансирования – 60–89% [17, с. 10]. Агрессивная модель (высокий риск 0,8–1,0; запас финансовой прочности менее 0,2) соответствует предприятию в кризисной стадии с крайне высоким риском банкротства. В структуре финансирования доминируют кредитные ресурсы, доля самофинансирования не превышает 10%, а внешнего финансирования составляет 90% и более [17, с. 10]. Какую модель финансирования инноваций выберет торговая компания, во многом определяется ее текущей платежеспособностью, уровнем финансовой устойчивости и готовностью принимать риски. Долевое распределение между источниками финансирования, заложенное в каждой модели,

позволяет рассчитать необходимый объем ресурсов с учетом затрат и возможных рисков на всех этапах реализации инновационного проекта.

Оценка эффективности инновационных проектов

Оценка экономической эффективности инновационных проектов представляет собой комплексную задачу, требующую применения разнообразных методических подходов, учитывающих специфику инноваций, временной фактор, риски и неопределенность внешней среды. Как отмечает Е.А. Бородавка, на данный момент существует множество методик оценки внедрения инноваций, и для определения наиболее подходящей необходимо рассматривать различные подходы к определению эффективности [12, с. 1].

К. Мамиев подчеркивает, что оценка экономической эффективности предпринимательских проектов является важным инструментом для принятия обоснованных решений в условиях растущей конкуренции и изменения рыночных условий [13, с. 1].

В современной практике оценки эффективности инновационных проектов сложилось разделение методов на две основные группы: статические (простые) и динамические (дисконтированные). В таблице 2 представлена сравнительная характеристика этих групп методов.

Таблица 1

Сравнительная характеристика статических и динамических методов оценки эффективности

Характеристика	Статистические методы	Динамические методы
Учет временной стоимости денег	Не учитывают	Учитывают через дисконтирование
Сфера применения	Начальные стадии анализа, краткосрочные проекты	Долгосрочные проекты со значительными инвестициями
Основные показатели	ROI, простой срок окупаемости	NPV, IRR, PI, DPP
Точность оценки	Приблизительная, не учитывает неравномерность денежных потоков	Высокая, учитывает распределение потоков во времени
Преимущества	Простота расчета, быстрота получения результатов	Комплексность, учет фактора времени и рисков
Недостатки	Игнорирование временного аспекта, использование разнородных данных	Сложность расчетов, необходимость прогнозирования ставки дисконтирования

Источник: составлено автором на основе [12, с. 2-3; 13, с. 3-4]

В дополнение к количественным методам оценки эффективности инновационных проектов важную роль играют качественные подходы, позволяющие оценить соответствие результатов внедрения поставленным целям и задачам. Как отмечает Т.О. Маслакова, качественный (целевой) подход к оценке эффективности инноваций позволяет еще до внедрения инновации или на ранних его этапах выявить соответствие возможных результатов внедрения поставленным задачам [23, с. 76]. Для обоснования стратегической эффективности инноваций исследователи предлагают использовать данный подход, который требует дальновидности менеджеров и умения прогнозировать рыночные ситуации.

Методы управления рисками инновационной деятельности

Инновационная деятельность неизбежно сопряжена с высокой долей неопределенности и подверженностью рискам. В условиях технологической изоляции и сохраняющегося санкционного давления вопросы оценки рисков, сопровождающих внедрение новшеств, и управления ими приобретают особую остроту. Как подчеркивают М.А. Шулимова, Р.М. Бирюков и Р.С. Маккаева, переход к модели самостоятельного инновационного развития несет в себе комплекс угроз, способных обернуться масштабными финансовыми потерями, нарушением запланированных сроков реализации проектов, ухудшением качественных характеристик продукции и даже полной несостоятельностью инновационных инициатив [5, с. 2].

Для снижения уровня рисков при реализации инновационных проектов применяется совокупность методов, среди которых выделяют экспертные подходы, используемые в ситуациях, когда статистическая информация для расчетов отсутствует, — к ним относятся, в частности, метод «Дельфи» и метод парного сравнения, базирующиеся на суждениях квалифицированных специалистов с последующей математической обработкой полученных данных. Наряду с этим широко применяется метод «дерева решений», представляющий собой графическую модель выбора управленческих решений, наглядно демонстрирующую альтернативные сценарии развития событий и вероятности их наступления. К числу количественных инструментов оценки рисков относится анализ чувствительности, позволяющий определить степень влияния колебаний исходных параметров на итоговые показатели проекта, а также имитационное моделирование (метод Монте-Карло), дающее возможность формировать математические модели для проектов с неопределенными переменными и получать вероятностное распределение возможных результатов [13, с. 9-11].

Обобщение практического опыта позволило исследователям выделить ряд стратегий, направленных на минимизацию рисков в инновационной сфере: выбор оптимального решения через механизм тендера, позволяющий оптимизировать затраты; организацию обучения

персонала работе с новыми технологическими решениями; внедрение средств защиты информации и регулярный аудит сетевой безопасности; формирование межфункциональной рабочей группы по внедрению инноваций с участием представителей всех управленческих уровней; создание резервных систем и проведение испытаний в вариативных условиях; а также проведение разъяснительной работы среди сотрудников для преодоления сопротивления организационным изменениям [5, с. 6-7; 18, с. 6].

Комплексный подход к оценке и контролю рисков инновационной деятельности, объединяющий количественные и качественные инструменты и учитывающий, как особенности внедряемых технологий, так и специфику конкретного предприятия, позволяет значительно снизить вероятность неблагоприятных последствий и повысить результативность инновационных проектов.

Анализ ПАО «Магнит»

ПАО «Магнит» занимает позицию одного из ключевых операторов отечественного розничного рынка, что делает его показательным объектом для изучения практик внедрения инноваций и механизмов их финансового обеспечения. На основе консолидированной отчетности за 2024 год и доступных открытых данных можно выделить приоритетные векторы инновационного развития компании и дать оценку эффективности применяемых моделей финансирования.

Согласно отчетным данным, совокупная выручка Группы по итогам 2024 года составила 3 043 433 503 тыс. рублей, увеличившись на 19,6% по сравнению с предыдущим годом (2 544 688 774 тыс. рублей) [15, с. 11]. Валовая прибыль достигла 686 822 515 тыс. рублей при маржинальности 22,6%, а чистая прибыль зафиксирована на отметке 44 333 844 тыс. рублей. Приведенные показатели свидетельствуют о прочном финансовом положении и наличии у компании ресурсов для осуществления инвестиционной деятельности.

Инновационная активность компании требует значительных капиталовложений. За отчетный период объем капитальных затрат на приобретение основных средств составил 149,2 млрд рублей, тогда как вложения в нематериальные активы достигли 8,2 млрд рублей [15, с. 12]. В структуре последних доминируют программное обеспечение (15 563 074 тыс. рублей) и товарные знаки (6 439 473 тыс. рублей) [15, с. 56], что подтверждает стратегический курс на усиление бренда и развитие собственных ИТ-решений.

В состав Группы интегрированы профильные ИТ-подразделения: ООО «ИТМ», ООО «Магнит ИТ Лаб», ООО «Маркетплейс-Технологии» и ООО «Магнит Маркет» [15, с. 14-15]. Подобная организационная конфигурация демонстрирует последовательную цифровую

трансформацию бизнеса и отказ от передачи критически важных IT-функций внешним подрядчикам.

Одним из приоритетных направлений инновационного развития стал запуск собственной платформы маркетплейса. В ноябре 2023 года компания завершила сделку по приобретению контроля над ГК «КазаньЭкспресс», владеющей интернет-площадкой и логистической инфраструктурой. Сумма сделки составила 7 660 660 тыс. рублей, а величина возникшего гудвила — 6 523 099 тыс. рублей [15, с. 49]. По оценкам руководства, данный шаг позволяет закрепиться на динамично растущем рынке с меньшими временными и ресурсными затратами по сравнению с самостоятельным запуском [15, с. 48]. В рамках дальнейшего развития «Магнит Маркет» предусмотрено расширение сети пунктов выдачи заказов на базе действующих магазинов «Магнит» и «Дикси», что позволит повысить удобство для покупателей и увеличить посещаемость торговых точек [15, с. 48]. Расширение географического присутствия через цифровые каналы осуществлено за счет приобретения в январе 2024 года ООО «ДВ Невада» (бренды «Самбери», «Близкий», «Раз Два»), что позволило выйти на рынки всех федеральных округов [15, с. 44]. Гудвил по сделке определен в сумме 23 361 975 тыс. рублей, что отражает ожидаемый синергетический эффект от объединения закупочных мощностей и технологической модернизации.

В части автоматизации бизнес-процессов отмечается динамика расходов. Величина коммерческих, общехозяйственных и административных издержек в 2024 году составила 585 938 367 тыс. рублей [15, с. 11], включая расходы на персонал (278 044 669 тыс. рублей), амортизацию основных средств (69 193 628 тыс. рублей) и нематериальных активов (5 847 466 тыс. рублей) [15, с. 67]. Увеличение амортизационных отчислений косвенно подтверждает внедрение технологических решений.

Управление товарными запасами осуществляется с применением аналитических инструментов. Объем запасов на конец 2024 года определен в 270 417 243 тыс. рублей, при этом списание до чистой стоимости реализации составило 2 523 094 тыс. рублей [15, с. 59], что позволяет сокращать потери от порчи и устаревания продукции. Развитие программ лояльности выражается в объеме обязательств перед покупателями — 2 272 079 тыс. рублей на отчетную дату [15, с. 66]; за год на будущие периоды отнесено 16 349 089 тыс. рублей, а признано в выручке 17 769 738 тыс. рублей [15, с. 66].

Финансовый блок демонстрирует применение инновационных подходов к управлению капиталом. Для краткосрочного финансирования применяются сделки РЕПО: общий объем таких операций на 31 декабря 2024 года составил 5 502 564 тыс. рублей с использованием собственных акций (3 817 249 штук) справедливой стоимостью 19 381 305 тыс. рублей [15, с. 65]. Практикуется долгосрочная мотивация топ-менеджмента через

опционные программы, где для оценки справедливой стоимости задействуется имитационное моделирование Монте-Карло [15, с. 73]; в 2024 году признанные расходы по ним достигли 2 018 348 тыс. рублей [15, с. 73]. Валютные риски нивелируются путем синхронизации сроков оплаты иностранным контрагентам с моментом перехода прав собственности [15, с. 78]; согласно чувствительности, колебание курса юаня на 18% может повлиять на прибыль до налогообложения в пределах $\pm 2\,192\,448$ тыс. рублей [15, с. 78]. Ликвидность поддерживается за счет резервов и мониторинга денежных потоков, при этом объем неиспользованных кредитных линий на конец 2024 года составил 574 044 378 тыс. рублей [15, с. 80].

Оценка результативности инновационной деятельности может быть проведена по ряду параметров. Удельный вес нематериальных активов в совокупных активах (1 563 913 815 тыс. рублей) равен 1,46% (22 864 806 тыс. рублей) [15, с. 10], что типично для ритейла с высокой долей материальных запасов и основных средств. Наличие специализированных ИТ-«дочек» (ООО «ИТМ», ООО «Магнит ИТ Лаб», ООО «Маркетплейс-Технологии») подтверждает планомерную цифровизацию [15, с. 14-15]. Величина гудвила по приобретенным инновационным активам (23 361 975 тыс. рублей по «ДВ Невада» и 6 523 099 тыс. рублей по «КазаньЭкспресс») отражает ожидаемый синергетический эффект от технологической интеграции [15, с. 57].

Рекомендации по совершенствованию финансового обеспечения инновационной деятельности в торговле

На основе проведенного анализа теоретических подходов и практического опыта ПАО «Магнит» можно сформулировать ряд рекомендаций по совершенствованию финансового обеспечения инновационной деятельности в торговых корпорациях.

Отдельного внимания заслуживает факторинг как инструмент управления дебиторской задолженностью; учитывая его высокую эффективность в торговле, где на оптовую торговлю приходится 25,5% рынка факторинга, компаниям рекомендуется активнее использовать этот механизм для ускорения оборачиваемости оборотных средств [1, с. 67]. Для решения задач краткосрочного финансирования эффективным инструментом выступают сделки РЕПО: опыт ПАО «Магнит» по использованию собственных акций, выкупленных у акционеров, демонстрирует высокую результативность данного механизма [15, с. 65]. Кроме того, учитывая динамичное развитие рынка цифровых финансовых активов в России, где уже в первом квартале 2025 года объем достиг 800 млрд рублей, крупные торговые компании могут рассмотреть возможность привлечения финансирования через выпуск ЦФА [6, с. 9].

Выбор модели финансирования инноваций, согласно классификации, предложенной Т.И. Берг, должен осуществляться в зависимости от

текущего финансового состояния предприятия и уровня риска инновационного проекта [17, с. 9-10]. Для финансово устойчивых компаний с нормальным уровнем риска (0,1-0,4) и запасом финансовой прочности 0,5-0,8 рекомендуется оптимальная модель, где доля самофинансирования составляет 41-60%, а внешнего финансирования — 40-59%; в структуре последнего банковский кредит не должен превышать 35%, а доля краудфандинга может достигать 10% [17, с. 10]. Для компаний с умеренным уровнем риска (0,5-0,7) и запасом прочности 0,2-0,5 предлагается стабильная модель, предполагающая долю самофинансирования в пределах 11-40% и внешнего финансирования 60-89%, где допускается более активное использование банковского кредитования на уровне 35-60% [17, с. 10]. В случае кризисной ситуации с высоким уровнем риска (0,8-1,0) и запасом прочности менее 0,2 реализация инновационных проектов возможна только при кардинальном улучшении финансового состояния, при этом агрессивная модель допускает долю самофинансирования не более 10%, а внешнее финансирование составляет 90% и более, где банковский кредит может достигать 60% и выше [17, с. 10].

В области управления рисками инновационной деятельности первостепенное значение имеет внедрение системы их раннего выявления. Опираясь на классификацию М.А. Шулимовой с соавторами, рекомендуется проводить регулярную оценку девяти групп рисков: финансово-экономических, кадровых, информационных, производственных, управленческих, инфраструктурных, материально-технических, сбытовых и репутационных [5, с. 5]. Учитывая риск неготовности персонала к работе с новыми технологиями, важно развивать цифровые компетенции сотрудников через создание корпоративных центров компетенций и проведение регулярного обучения [18, с. 6]. В условиях роста числа кибератак и увеличения финансовых потерь, которые, по данным исследований, в 2024 году составили около 67,4 млрд долларов только от ошибок ИИ, необходимо обеспечить многоуровневую защиту информационных систем, регулярное тестирование безопасности и страхование от киберрисков [6, с. 11]. Организационно эффективным решением является создание кросс-функциональных команд: опыт ПАО «Магнит» по созданию специализированных ИТ-дочерних компаний подтверждает эффективность концентрации компетенций в отдельных структурах, в то время как для средних и малых предприятий рекомендуется формирование временных проектных команд с привлечением внешних экспертов и представителей финтех-компаний [15, с. 14-15; 18, с. 6].

Оценка эффективности инновационных проектов требует комбинирования количественных и качественных методов. Наряду с расчетом традиционных показателей, таких как NPV, IRR и PI,

рекомендуется использовать качественный, или целевой, подход, позволяющий оценить соответствие результатов внедрения поставленным задачам [23, с. 76]. Для комплексного анализа целесообразно применять систему сбалансированных показателей, которая объединяет финансовые метрики (ROI инноваций, рост доходов), показатели клиентской активности (удовлетворенность, лояльность), эффективности процессов (время внедрения, качество) и развития персонала (доля вовлеченных сотрудников) [22, с. 39]. Наконец, в соответствии с рекомендациями ГОСТ Р ИСО 56002-2020, организация должна регулярно проводить анализ эффективности системы инновационного менеджмента, при необходимости внося коррективы в инновационную стратегию и планы [22, с. 40-42].

Заключение

Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности использования разработанных рекомендаций торговыми предприятиями при формировании стратегий инновационного развития, совершенствовании механизмов финансового обеспечения инновационной деятельности и повышении эффективности управления инновационными процессами. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку отраслевых методик оценки эффективности инновационных проектов, адаптированных к специфике различных форматов торговли, а также на совершенствование механизмов государственной поддержки инновационной деятельности в торговом секторе.

Использованные источники:

1. Арехина И.А. Финансовые инновации как драйвер трансформации инвестиционных стратегий в условиях цифровизации экономики [Электронный ресурс] // Вестник Евразийской науки. – 2025. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovye-innovatsii-kak-drayver-transformatsii-investitsionnyh-strategiy-v-usloviyah-tsifrovizatsii-ekonomiki> (дата обращения: 19.03.2026).
2. Берг Т.И. Способы финансирования инноваций торгового бизнеса [Электронный ресурс] // Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова. – 2020. – № 5 (113). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-finansirovaniya-innovatsiy-torgovogo-biznesa> (дата обращения: 10.03.2026).
3. Большаков И.Н., Мешкова Е.И. Риски внедрения цифровых технологий в бизнес-процессы кредитования предприятий и способы их минимизации [Электронный ресурс] // Вестник Евразийской науки. – 2024. – № 2S. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-vnedreniya-tsifrovyyh-tehnologiy-v-biznes-protssy-kreditovaniya-predpriyatiy-i-sposoby-ih-minimizatsii> (дата обращения: 09.03.2026).
4. Бондаренко А.М., Мисинева И.А. Развитие инноваций в организациях сферы торговли: зарубежный опыт [Электронный ресурс] // Актуальные

- проблемы авиации и космонавтики. – 2022. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-innovatsiy-v-organizatsiyah-sfery-torgovli-zarubezhnyy-opyt> (дата обращения: 12.03.2026).
5. Бородавка Е.А. Обзор методов оценки экономической эффективности внедрения инноваций [Электронный ресурс] // Вестник науки. – 2024. – № 5 (74). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-metodov-otsenki-ekonomicheskoy-effektivnosti-vnedreniya-innovatsiy> (дата обращения: 09.03.2026).
6. Бучаев А.Г., Гаджиев М.М., Радионова И.В. Современные проблемы, подходы и методы разработки корпоративной стратегии инновационного развития [Электронный ресурс] // Прогрессивная экономика. – 2025. – № 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-podhody-i-metody-razrabotki-korporativnoy-strategii-innovatsionnogo-razvitiya> (дата обращения: 12.03.2026).
7. Гапоненко Ю.В., Тележников А.В., Савина С.А. Оценка эффективности инновационного проекта внедрения BI-систем [Электронный ресурс] // ЭПП. – 2023. – № 11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-innovatsionnogo-proekta-vnedreniya-bi-sistem> (дата обращения: 12.03.2026).
8. ГОСТ Р ИСО 56002-2020. Инновационный менеджмент. Системы инновационного менеджмента. Руководящие указания. – М. : Стандартинформ, 2020. – 44 с.
9. Домницкая А.А., Ильшева М.А. Разработка и внедрение инновационных продуктов в банках: проектный подход // Маркетинг и управление проектами в современных реалиях России: проблемы, вызовы, решения. – 2024. – С. 348–352.
10. Забродина Е.Ю. Роль российских и иностранных сетевых компаний в российском ритейле: факторы внедрения на рынок и особенности функционирования [Электронный ресурс] // Глобальная экономика и образование. – 2023. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-rossiyskih-i-inostrannyh-setevykh-kompaniy-v-rossiyskom-riteyle-factory-vnedreniya-na-rynok-i-osobennosti-funktsionirovaniya> (дата обращения: 10.03.2026).
11. Зацепина А.А. О целесообразности портфельных инвестиций в потребительский сектор // Научный Лидер. – 2022. – № 5 (74). – С. 1–6.
12. Казанцева Н.В., Сергеева К.Н. Проблемы финансирования инновационных проектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс] // Вестник Евразийской науки. – 2022. – Т. 14, № 3. – URL: <https://esj.today/PDF/57ECVN322.pdf> (дата обращения: 19.03.2026).
13. Климанова Я.Д., Басаев З.В. Стратегии цифровой трансформации бизнес-моделей на российском рынке розничной торговли // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12, № 6. – С. 1723–1742.
14. Консолидированная финансовая отчетность ПАО «Магнит» и его дочерних организаций за 2024 год. – Краснодар, 2025. – 81 с.

15. Луковенко Е.Д., Толстоброва В.Ю., Яшкина О.Р., Глазунова Е.З. Ведение бизнеса с внедрением инновационных технологий // *Modern Economy Success*. – 2022. – № 2. – С. 159–163.
16. Мамиев К. Методы оценки экономической эффективности предпринимательских проектов // *Научный Лидер*. – 2024. – № 10 (79). – С. 1–13.
17. Маслакова Т.О. Анализ эффективности внедрения цифровых инноваций на торговых предприятиях // *Актуальные вопросы современной экономики*. – 2021. – № 4. – С. 73–77.
18. Минеев Н.В., Матыцина Н.П. Роль внедрения инноваций в деятельность организаций в современных условиях // *Международный научный журнал «Символ науки»*. – 2022. – № 11-2. – С. 22–24.
19. Соколова В.Ю. Особенности организаций сектора розничной торговли и их влияние на проведение анализа финансовой устойчивости // *Международный научный журнал «Вестник науки»*. – 2023. – № 5 (62). – Т. 2. – С. 91–98.
20. Чарыева О., Гельдимурадова О., Гурбанмурадова Л. Внедрение современных технологий в торговых предприятиях // *Научный Лидер*. – 2024. – № 5 (74). – С. 1–3.
21. Чеботарев С.С., Коротченкова В.В. Основные пути модернизации корпоративного управления инновациями в Российской Федерации // *Техника средств связи*. – 2024. – № 1 (165). – С. 70–75.
22. Шальнева М.С., Шпильман Н.В. Внедрение технологии искусственного интеллекта в бизнес-процессы торговых корпораций // *Финансы и бизнес*. – 2022. – № 2. – С. 1–9.
23. Шанин И.И., Лаптева В.А. Механизм повышения эффективности использования оборотных средств торговой организации // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. – 2025. – № 7 (89). – С. 63–70.
24. Шулимова М.А., Бирюков Р.М., Маккаева Р.С. Оценка рисков инновационной деятельности промышленных предприятий в условиях технологической изоляции: теоретические аспекты // *Региональные проблемы преобразования экономики*. – 2025. – № 5 (175).
25. Ansoff I. *Strategic Management*. – London : Macmillan, 1979. – 236 p.

*Бузанова А.В.
студентка*

*Технологический университет им. дважды героя Советского Союза
летчика-космонавта А. А. Леонова - филиал ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет геодезии и картографии»*

*Научный руководитель: Гончарова Е.Н., к.э.н.
доцент*

кафедра Управления

*Технологический университет им. дважды героя Советского Союза
летчика-космонавта А. А. Леонова - филиал ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет геодезии и картографии»*

Российская Федерация, Московская область, г. Королёв

ОСНОВНЫЕ ПУТИ МИНИМИЗАЦИИ ЛОГИСТИЧЕСКИХ РИСКОВ

Аннотация: В данной статье рассматривается актуальная проблема управления рисками в логистических системах. Особое внимание уделяется классификации логистических рисков и анализу факторов, дестабилизирующих работу цепей поставок. В статье предложены и систематизированы основные пути минимизации выявленных угроз.

Ключевые слова: логистические риски, управление рисками, классификация, минимизация рисков.

*Buzanova A.V.
student*

*Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
Cosmonaut A. A. Leonov - a branch of the Moscow
State University of Geodesy and Cartography
Scientific supervisor: Goncharova E.N., Ph.D.*

associate professor

Department of Management

*Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
Cosmonaut A. A. Leonov - a branch of the Moscow
State University of Geodesy and Cartography
Russian Federation, Moscow region, Korolev*

MAIN WAYS TO MINIMIZE LOGISTICAL RISKS

Abstract: This article examines the pressing issue of risk management in logistics systems. Particular attention is paid to the classification of logistics risks and the analysis of factors destabilizing supply chains. The article proposes and systematizes key ways to minimize identified threats.

Keywords: *Logistics risks, risk management, classification, risk minimization.*

Эффективное функционирование любой компании в современной экономике невозможно без отлаженной логистической системы, обеспечивающей движение материальных, информационных и финансовых потоков. Однако именно сфера логистики, в силу своей сложности и вовлеченности множества участников является одной из наиболее уязвимых зон деятельности предприятия. Неопределенность внешней и внутренней среды порождает логистические риски – вероятность возникновения неблагоприятных событий или отклонений параметров логистической цепи от запланированных, что влечет за собой финансовые потери, сбои в производстве или утрату репутации.

В связи с этим, особую актуальность приобретает исследование основных путей минимизации логических рисков, позволяющих повысить обоснованность управленческих решений и снизить вероятность стратегических ошибок.

В статье использованы следующие методы исследования: теоретический анализ, синтез, обобщение научной литературы, классификация.

Понимание сущности логистических рисков базируется на их тесной связи с базовыми логистическими функциями: транспортировкой, складированием, управлением запасами и грузоперевозкой. Риск возникает там, где есть разрыв во времени, пространстве или информации между звеньями цепи поставок.

Анализ логистических рисков позволяет выделить три основные категории причин их возникновения:

1. Внутренние. Они являются факторами, источник которых находится непосредственно внутри компании и зависит от качества управления, организации процессов, состояния ресурсов и компетенции персонала.

2. Внешние. К ним относят плохие погодные условия, стихийные бедствия, эпидемии, нашествия вредителей, а также гражданские и вооруженные конфликты и войны.

3. Смешанные. Обычно они связаны как с внешними факторами, так и с поведением сотрудников компании. Сюда относят хищения, подлоги, халатность, нарушения правил перевозки и хранения грузов [1].

Для эффективного управления рисками необходима их четкая классификация. В теории и практике логистического менеджмента принято выделять следующие основные группы:

1. Риски международной логистики. Они представляют вероятность возникновения убытков, сбоев или потерь при перемещении грузов через границы нескольких государств.

2. Риски транспортной логистики. Они связаны с перемещением грузов. Это наиболее обширная группа, включающая повреждение или утрату груза при транспортировке (ДТП, хищения), нарушение сроков доставки, выбор ненадежного перевозчика, а также простой транспорта.

3. Риски складской логистики. Это риски, связанные с хранением и грузоперевозками. К ним относятся порча товара из-за несоблюдения условий хранения (температура, влажность), пересортица, ошибки при комплектации заказа, кражи со склада, пожары.

4. Риски таможенной логистики. Под ними понимается вероятность несоблюдения международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования и законодательства государств-членов о таможенном регулировании при перемещении товаров через границу ЕАЭС.

5. Риски закупочной логистики. К основным рискам данной группы относят нарушение условий договора поставщиком, повышение закупочных цен, изменение качества либо внешнего вида товара, колебание курса национальной валюты.

6. Риски сбытовой логистики. В данную группу входят такие риски, как: падение объема продаж на рынке, падение покупательской способности населения, дефицит продукции на рынке, неправильный выбор канала товародвижения и др. [3].

Так, логистические риски представляют собой сложную, многоуровневую систему угроз. Понимание их сущности и грамотная классификация позволяют не просто констатировать наличие проблемы, но и разработать адекватные методы реагирования.

После выявления и классификации логистических рисков перед компанией встает ключевая задача – их минимизация. Под минимизацией понимается комплекс превентивных и последующих мер, направленных на снижение вероятности наступления рискового события или уменьшение размера потенциального ущерба [4].

В современных реалиях можно выделить следующие способы минимизации рисков:

1. Страхование грузов: это один из самых распространенных способов минимизации логистических рисков. Компании могут страховать свои грузы от различных видов ущерба, таких как: потеря, повреждение или задержка в доставке.

2. Оптимизация маршрутов доставки: это позволяет снизить затраты на транспортировку и уменьшить вероятность задержек.

3. Обучение персонала: компании должны обучать свой персонал правильно упаковывать товары, выбирать подходящий транспорт оформлять документы.

4. Мониторинг законодательства: компании должны следить за изменениями в законодательстве, чтобы не нарушать его и не нести дополнительные риски.

5. Использование информационных технологий: современные технологии позволяют автоматизировать многие процессы в логистике, что снижает вероятность ошибок и улучшает контроль над процессом доставки [3].

Комплексный подход к минимизации логистических рисков предполагает не использование какого-то одного метода, а построение целостной системы риск-менеджмента. Комбинация страхования, диверсификации поставщиков, обучения персонала, использования информационных технологий и постоянного мониторинга позволяет создать устойчивую цепь поставок, способную выдерживать внешние и внутренние угрозы с минимальными потерями. Выбор конкретных путей минимизации зависит от финансовых возможностей компании, специфики ее товара и конкретной ситуации на рынке.

Использованные источники

1. Левкин, Г. Г. Контроллинг и управление логистическими рисками: учебное пособие / Г. Г. Левкин, Н. Б. Куршакова. — Москва : Ай Пи Ар Медиа, 2026. — 141 с.
2. Ефимова, Е. А. Управление логистическими рисками в цепях поставок: теория и методология : учеб. пособие / Е. А. Ефимова ; Самар. нац. исслед. ун-т им. С. П. Королева. — Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2023. — 79 с.
3. Поздеева, С. Н. Управление логистическими рисками : учеб. пособие / С. Н. Поздеева ; Российская таможенная академия. — Москва : РИО Рос. тамож. акад., 2016. — 123 с.
4. Чиданов, А. Сущность, причины возникновения, прогнозирование и виды логистических рисков / А. Чиданов, В. Неустроев // Финансовая экономика. — 2025. — № 5. — С. 180-182 .

*Гамидова М. М.
студент магистратуры 2 курса
исторический факультет
Дагестанский государственный университет
Россия, г. Махачкала*

БОРЬБА МЕЖДУ СЛАВЯНОФИЛАМИ И ЗАПАДНИКАМИ В НАУЧНОЙ СРЕДЕ В 30-50-Е ГГ. XIX ВЕКА

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию основных противоречий между двумя историко-философским направлениями российской общественной мысли XIX века – славянофилами и западниками. По мнению автора, научная полемика между ними заложила основу для дальнейшего политического развития и формирования новых идейных течений в России.*

***Ключевые слова:** Славянофилы, западники, российская общественная мысль, XIX век, научная полемика.*

*Gamidova M. M.
2-nd year graduate student
at the faculty of history
Dagestan State University
Russia, Makhachkala*

THE STRUGGLE BETWEEN SLAVOPHILES AND WESTERNERS IN THE SCIENTIFIC COMMUNITY IN THE 30-50S OF THE XIX CENTURY.

***Annotation.** The article is devoted to the study of the main contradictions between two historical and philosophical trends of Russian public thought of the 19th century - Slavophiles and Westerners. According to the author, the scientific controversy between them laid the foundation for further political development and the formation of new ideological trends in Russia.*

***Keywords:** Slavophiles, Westernizers, Russian public thought, 19th century, scientific polemic.*

Разногласия между славянофилами и западниками превратились в 40-е гг. XIX в. в идейный стержень русской общественной жизни, предопределив на многие годы духовное развитие Российского государства. Главным в споре этих двух политико-философских направлений являлся вопрос о дальнейшем пути развития государства. Иными словами, представляет собой Россия самобытную цивилизацию со своим особым путем или является неотъемлемой частью западного мира,

которой уготована судьба существования в рамках общеевропейского развития?

Полемика о судьбе России началась еще в периода правления Петра I, при котором российское общество разделилось на два лагеря – сторонников сохранения старых порядков и обновления по западному образцу. Но толчок к идейному оформлению двух направлений был дан публикацией в 1830-е гг. «Философических писем» Петра Чаадаева, который в своем сочинении подвергнул резкой критике прошлое и настоящее Российского государства.

По его мнению, Россия после принятия православия, укрепив связи с Византией, оказалась в проигрыше. Вследствие православного «изоляционизма» Россия «отпала» от человеческого рода, не пошла по пути западного объединения разных национальных культур [1, с. 164]. В результате она стала развиваться отдельно от единой семьи европейских народов, что сделало ее вклад мировую сокровищницу незначительным.

Несмотря на то, что автора «Писем» объявили сумасшедшим, его идеи вынудили российское общество заняться поиском вариантов развития государства, став главной причиной формирования двух политико-философских течений, которая достигла кульминации к середине 1840-х гг.

Кружок славянофилов сформировался на рубеже 30-40-х гг. XIX в. в Москве вокруг философов А.С. Хомякова и И.В. Киреевского, а также П.В. Киреевского, братьев К.С. и И.С. Аксаковых, Ю.Ф. Самарина, А.И. Кошелева, Д.А. Валуева, Н.М. Языкова, Ф.В. Чигова и др. Представители славянофильства выступали против крепостничества и ратовали за созыв Земского собора, выражавшего ожидания всех социальных групп русского общества, которые в той или иной степени учитывались царем.

Славянофилы верили в особый тип культуры, возникший на духовной почве православия, они отрицали тезис западников о том, что Петр I возвратил Россию в лоно европейских стран и она должна пройти этот путь в политическом, экономическом, и культурном развитии с Западом. Хомяков А.С. и Киреевский И.В. высказали мысль, что внутренние стимулы просвещения в Европе исчерпали себя и технический прогресс сопровождается угасанием духовной жизни. Они видели обновление и развитие России на основе православных ценностей и общины [5, с. 151].

Славянофилы противопоставляли не Европу России, а старую Россию новой. Как считает М.А. Широкова, главной заслугой славянофилов является то, что они с самого начала четко сформулировали, «тематизировали» ключевую проблему нарождающейся отечественной философии – проблему национального самосознания [6, с. 173].

В противовес славянофилам западники выступали за решение социально-экономических проблем страны не с опорой на российскую

самобытность, а взяв за основу опыт ушедшей вперед Европы. Они подчеркивали не различия России и Запада, а общие элементы в исторической и культурной судьбе народов [4].

Кроме того, западники не придавали большого значения религиозному сознанию, православной церкви, в отличие от оппонентов, для которых она являлась основой русской самобытности, скрепляющий народ фактором. Славянофилы считали, что именно православие спасло русский народ от раскола и исчезновения в период феодальной раздробленности [2].

К видным представителям московских западников следует отнести П.Я. Чаадаева, А.И. Герцена, Н.П. Огарева, Т.Н. Грановского, К.Д. Кавелина, С.М. Соловьева, Б.Н. Чичерина и др. Кружок западников в Санкт-Петербурге возглавлял В.Г. Белинский. В него также входили П.В. Анненков, И.И. Панаев, И.С. Тургенев, Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин и др. [3]. Сильной стороной западников являлись исторические исследования, который предоставлял фактический материал, позволявший им четко выстраивать свою концепцию.

В середине 1840-х гг. западники раскололись на два лагеря, причиной чего стал диспут Т.Н. Грановского с А.И. Герценом. Сторонники первого придерживались либеральных взглядов, вторые стояли на радикально-демократических позициях. Т.Н. Грановский и его сторонники выступали за установление в России конституционной монархии по английскому образцу, А.И. Герцен ратовал за свержение монархии и учреждение республиканского строя. Кроме того, разногласия касались отношения к религии и вопроса о методах реформ и пореформенного развития России.

Споры между славянофилами и западниками прекратились в конце 50-х гг. XIX столетия, когда на повестку дня вышла задача подготовки крестьянской реформы. Причем некоторые из их идей оказались востребованными во время реформаторской деятельности Александра II. В целом, полемика между двумя политико-философскими направлениями являлась спором единомышленников, которых объединяла любовь к России, негативное отношение к крепостному праву, а также признание необходимости экономических и социально-политических в стране.

Несмотря на различия в воззрениях, почти все представители двух направлений являлись образованной частью дворянской интеллигенции, крупными писателями, учеными, публицистами. Кроме того, полемика между двумя историко-философскими направлениями обогатила мировоззрения их последователей, например, славянофилы получили возможность познакомиться с немецкой философской мыслью, в то же время, западники стали уделять в своей идеологии внимание проблемам национального характера.

Таким образом, научная полемика между славянофилами и западниками, развернувшаяся в 30-40-е гг. XIX столетия, заложила основу

для формирования новых веяний в общественной мысли России. И для тех, и для других ключевым являлось желание понять место российского государства в мировой истории и определить дальнейшие пути его развития.

Использованные источники:

1. Богданов А.В. Западничество в России: история и современность // Философия и общество. 2008. № 3. С. 160-175.
2. Глебова Е. Д. Славянофильство и западничество: диалог мировоззрений // Молодой ученый. 2025. № 3 (554). С. 518-522. URL: <https://moluch.ru/archive/554/121868>. (дата обращения 01.03.2026)
3. Западники и славянофилы. URL: <https://w.histrf.ru/articles/zapadniki-i-slavyanofily> (дата обращения 27.02.2026)
4. История славянофильства и западничества в России // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20100831/270632961.html> (дата обращения 22.02.2026)
5. Липич Т.И. К характеристике славянофильства // Научные ведомости. 2008. №8 (48). С. 151-157.
6. Широкова М.А. Славянофилы как основоположники русской национальной философии // Известия Алтайского государственного университета. 2010. №2-1 (66). С. 173-176.

Магомедова Д. К.
студент 2 курса магистратуры
исторический факультет
Дагестанский государственный университет,
Россия, г. Махачкала

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 ГГ.

Аннотация. Статья посвящена исследованию процесса становления социал-демократического движения на Северном Кавказе в 1901-1904 гг. По мнению автора, первые социал-демократические кружки, появившиеся на Северном Кавказе в начале XX в., состояли из ограниченного круга политических единомышленников и не имели широкой социальной базы в регионе.

Ключевые слова: Социал-демократическое движение, начало XX века, рабочие Северного Кавказа, начало забастовочного движения.

Magomedova J. K.
2nd year Master's student
faculty of history
Dagestan State university
Makhachkala, Russia

THE DEVELOPMENT OF THE SOCIAL DEMOCRATIC MOVEMENT IN THE NORTH CAUCASUS ON THE EVE OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION OF 1905-1907.

Abstract. The article is dedicated to the study of the formation process of the social democratic movement in the North Caucasus in 1901-1904. According to the author, the first social democratic circles that appeared in the North Caucasus at the beginning of the 20th century consisted of a limited circle of like-minded political individuals and did not have a broad social base in the region.

Keywords: Social democratic movement, early 20th century, workers of the North Caucasus, the beginning of the strike movement.

Конец XIX – начало XX века в политической жизни Северного Кавказа характеризовался развитием социал-демократического движения, что было обусловлено распространением марксистских идей среди рабочих первых промышленных и транспортных предприятий региона. Необходимо отметить, что в их пропаганде на Северном Кавказе огромную

роль сыграли рабочие организации Тифлиса и Баку. К примеру, важным событием в политической жизни юга страны явилось создание весной 1901 г. Бакинского комитета РСДРП во главе с В. Кецховели, А. Енукидзе, который развернул большую организационную и агитационно-пропагандистскую работу не только среди трудящихся местных предприятий, но и из соседних регионов, тем самым содействуя становлению рабочего движения на Северном Кавказе.

Весной 1903 г. в Тифлисе состоялся первый съезд социал-демократических организаций региона, на котором было объявлено о создании Кавказского союза РСДРП, что способствовало оживлению идей социального равенства и справедливости. Большое внимание Кавказский союзный комитет уделял промышленному центру на Северном Кавказе – Грозному, на предприятиях которого работало около 12 тыс. рабочих.

Именно при помощи Кавказского союзного и Бакинского комитетов РСДРП на предприятиях города были организованы социал-демократические кружки. В 1903 г. оформилась Грозненская организация РСДРП, которая руководила всей революционной работой в Грозненском нефтепромышленном районе, а также – наряду с Бакинской организацией РСДРП – в Дагестане [2, с. 214].

Создание и укрепление крупных организаций РСДРП на Северном Кавказе дало толчок для развития социал-демократического движения в Дагестане, чему способствовало постепенное укрепление позиций рабочего класса, сложившегося на промышленных и транспортных предприятиях края. В 1902 г. в Дербенте благодаря бакинским активистам среди рабочих паровозного депо был создан политический кружок, члены которого впоследствии вошли в состав Дербентской городской социал-демократической группы.

В 1903 г. возникло сразу несколько социал-демократических кружков, объединявших рабочих – бондарей Порт-Петровска, депо станции Петровск-Кавказский и фабрики «Каспийская мануфактура». Первое время работу в них вели меньшевики, но постепенно укрепилось влияние большевиков [3, с. 418].

В конце 1904 – начале 1905 г. организационно оформились социал-демократические организации в Дербенте, Темир-Хан-Шуре и Кизляре. В 1903-1904 гг. Владикавказ и Грозный стали одними из центров рабочего движения в Терской области. В июне 1904 г. здесь была создана Владикавказская группа РСДРП, которая вела успешную агитацию среди трудящихся предприятий [4, с. 22].

В конце 1904 г. социал-демократические группы Терской и Дагестанской областей объединились в Терско-Дагестанский комитет РСДРП, с центром в г. Владикавказе. В его состав входили Владикавказская, Грозненская, Минераловодская, Петровская, Дербентская, Кизлярская и Темир-Хан-Шуринская организации РСДРП.

Комитет по своему составу был в основном меньшевистским, за исключением Грозненской организации [1, с. 85].

Что касается других регионов, то первые социал-демократические организации в Ставрополе и Минеральных Водах были организованы в 1904 г., причем ставропольская группа вошла в состав Кубанского комитета РСДРП, а минераловодская группа – Терско-Дагестанского комитета РСДРП.

Деятельность социал-демократических организаций Северного Кавказа способствовала дальнейшей активизации рабочего движения в регионе. Так, в 1904 г. бастовали рабочие железнодорожного депо станции Минеральные Воды. 1-2 мая 1904 г. под руководством местных активистов состоялись сходки и митинги рабочих Петровска, которые были разогнаны полицией.

В сентябре 1904 г. состоялась забастовка мастеровых, рабочих каретного цеха во Владикавказе, с требованиями о сокращении рабочего дня и освобождении от работы в воскресенье и праздничные дни. В конце 1904 г. вспыхнули протесты среди рабочих Грозненских промыслов, требовавших улучшения условий труда. Только через две недели, после удовлетворения части требований, забастовка была прекращена [3, с. 419-420].

Таким образом, в начале XX в. на Северном Кавказе появилась разветвленная, охватывавшая крупные промышленные центры, сеть социал-демократических организаций во главе с Кавказским союзным комитетом РСДРП. Её результатом стала активизация пропаганды и агитации среди рабочих и служащих, развертывание политической работы среди крестьян, а также укрепление влияния меньшевиков и большевиков, особенно в городах региона.

В целом, социал-демократическое движение на Северном Кавказе, в силу объективно существовавших экономических и политических причин, оформилось значительно позже, чем в западных и центральных губерниях России, и не получило широкого распространения и влияния на народные массы.

Стоит отметить, что политические организации социал-демократического толка накануне Первой российской революции (1905-1907 гг.) на Северном Кавказе представляли собой довольно ограниченный круг политических единомышленников и не имели широкой социальной базы в регионе, где основную массу населения представляли крестьяне. Масштабы распространения социал-демократических идей были крайне незначительными, и они не выходило за пределы крупных городов.

В большинстве своем в своих выступлениях, которые носили стихийный характер, рабочие выдвигали экономические требования, а основной формой их протестов являлись стачки. Следует подчеркнуть, что далеко не всегда они были организованы социал-демократами, которые на

тот момент еще не обладали значительным опытом политической борьбы и поддержкой в массах. Жесткая реакция властей не могла остановить революционное движение на Северном Кавказе, которое охватывало более широкие демократические слои.

Использованные источники:

1. Гусейнова Т.Д. Зарождение и развитие социал-демократического движения в Дагестане. Конец XIX в. – 1907 г.: автореферат дисс. ... кандидата исторических наук. Махачкала, 2005. 174 с.
2. История Дагестана: в 4-х томах. Т. 2. Глав. ред. Г.Д. Даниялов. М., 1968. 369 с.
3. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М., 1988. 659 с.
4. История Северной Осетии: XX век. М., 2003. 632 с.

Магомедова Д. К.
студент 2 курса магистратуры
исторический факультет
Дагестанский государственный университет
Россия, г. Махачкала

ПОЯВЛЕНИЕ ПЕРВЫХ МАРКСИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса становления социал-демократического движения и появления первых марксистских кружков на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX века. По мнению автора, в этот период марксистская идеология, в отличие от центральных губерний России, не получила широкого распространения в регионе.

Ключевые слова: Марксистские кружки, рабочее движение, Северный Кавказ, социал-демократическая идеология.

Magomedova J. K.
2nd year Master's student
faculty of history
Dagestan State university
Makhachkala, Russia

THE APPEARANCE OF THE FIRST MARXIST ORGANIZATIONS IN THE NORTH CAUCASUS (LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

Annotation. The article analyzes the process of formation of the social democratic movement and the appearance of the first Marxist circles in the North Caucasus in the late 19th and early 20th centuries. According to the author, during this period, Marxist ideology, unlike in the central provinces of Russia, was not widespread in the region.

Keywords: Marxist circles, labor movement, North Caucasus, social democratic ideology.

Конец XIX столетия стал периодом распространения марксистских идей практически во всех регионах в Российской империи, в том числе, на Северном Кавказе. История появления первых марксистских организаций на Кавказе началась в Закавказье, и лишь спустя годы, в контексте революционных событий, идеи марксизма пустили корни на Северном Кавказе.

Первые сведения о проникновении социал-демократической идеологии в регион относятся к 90-м годам XIX в. Её распространением

занимались рабочие и социал-демократы, имевшие опыт революционной борьбы, попавшие или высланные по политическим мотивам на Северный Кавказ из центральных губерний страны. Зарождение социал-демократического движения на юге России связано с политической деятельностью организации, созданной В. И. Лениным «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Основной задачей «Союза» являлось соединение экономических требований рабочих с политической борьбой против царизма, которая должна была реализовываться посредством пропаганды марксистских идей в рабочей среде, политической агитации и руководства рабочим движением, в том числе, на окраинах страны.

В создании первых марксистских организаций в Грозном и Владикавказе активное участие принимал соратник В.И. Ленина А. Фельдман. В Порт-Петровске с 1898 г. пропагандой социалистических идей занимался служащий Владикавказской железной дороги Попков, который оказался в Дагестане из Ростова-на-Дону. Подтверждением этого стали обнаруженные после его смерти в личном архиве «Манифест Коммунистической партии» и «Устав международного товарищества рабочих» К. Маркса и Ф. Энгельса, а также «Объяснение закона о штрафах» В. И. Ленина [3, с. 407].

Деятельность первых агитаторов ограничивалась распространением нелегальной литературы, изданной группой «Освобождение труда» в Женеве, а также ленинским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». В Дагестане первой такой работой стала брошюра «Речи рабочих 1 мая 1891 года в Петербурге», которая распространялась в Порт-Петровске в 1894 г. [2, с. 73].

Постепенно крупных городов и промышленных центров Северного Кавказа стали появляться организаторы и пропагандисты, которые распространяли марксистские идеи в рабочих кругах. На предприятиях и нефтяных промыслах Грозного этой деятельностью занимались кузнец Алексей Нотченко, слесарь Иссидор Коренчук, кочегар Илларион Куликов и др. Революционная литература, а также организация марксистских кружков на Северном Кавказе была возложена на Донской комитет, Кавказский союз РСДРП, в Дагестане распространением социал-демократических идей занимался Астраханский комитет РСДРП.

В первые годы XX в. благодаря поддержке со стороны подпольных работников, которые приезжали из Баку, такие кружки были организованы в Грозном и Владикавказе. В Грозном такую организацию на заводе нефтепромышленника Фаниева создал токарь Шевелев и слесарь Полозовым. На Старых промыслах Неклепаевского участка нефтедобывающей фирмы «Шпис» она появилась благодаря стараниям студента Михайлова-Раздорского и курсистки «Софыи». В среде рабочих-железнодорожников и интеллигенции Грозного марксистский кружок

организовали И. Т. Фиолетов и матрос по кличке «Коллега». С 1901 г. работа по пропаганде марксистских идей во Владикавказе велась отдельными рабочими. В этом же году из Петербурга за участие в демонстрации выслали на родину студента университета Н. А. Гатуева [4].

В Дагестане появление первых марксистских кружков относится к 1901 г. Одним из первых стал кружок любителей истории, основанный благодаря стараниям студентов Темир-Хан-Шурина реального училища П. Ковалева, С. Бурштейна, С. Левандовского, М. Пономарева и П. Эльдарова, которые через студента Петербургского политехнического института А. Саруханова получали литературу социал-демократического толка [1, с. 114].

В 1902 г. в г. Дербент в среде рабочих паровозного депо появился социал-демократический кружок, а уже в следующем году такие организации были организованы в среде бондарей, железнодорожников и ткачей г. Порт-Петровск. Распространением социал-демократических идей среди бондарей занимался профессиональный революционер из Астрахани Малахов, на фабрике «Каспийская мануфактура» эту работу проводил учитель Николаевского училища Порт-Петровска И. Ромишвили [2, с. 75].

В пропаганде марксистских идей на Северном Кавказе важная роль принадлежала газете «Искра», которую тайно распространяли социал-демократы в Владикавказе, Ставрополе и других городах региона. Её издания поступали в регион из-за границы или от Донского и Бакинского комитетов, а с 1903 г. – еще от Кавказского союзного комитета и ЦК РСДРП.

Идейно-пропагандистская работа, проводившаяся на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX в., способствовала укреплению социал-демократических организаций и развитию рабочего движения. Однако первые марксистские кружки в регионе, где преобладало сельское население, до революционных событий 1905-1907 гг. не имели серьезной социальной поддержки, а были представлены лишь в некоторых городах с крупной промышленной базой, объединяя ограниченный круг политических единомышленников.

В целом, на Северном Кавказе марксистские организации появились позже, чем в центральных областях России, и на раннем этапе не обладали заметным влиянием на широкие народные массы.

Использованные источники:

1. Гаджиев А. С. Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане. Махачкала, 1963. 353 с.
2. Гусейнова Т.Д. Зарождение и развитие социал-демократического движения в Дагестане. Конец XIX в. – 1907 г.: автореферат дисс. ... кандидата исторических наук. Махачкала, 2005. 174 с.

3. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / [Нарочницкий А. Л., Гаджиев В. Г., Гриценко Н. П. и др.]. Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М., 1988. 659 с.
4. Появление первых марксистских групп на Северном Кавказе // Кавказская правда. URL: <https://kavpravda.ru/istoriya/poyavlenie-pervyh-marksistskih-grupp-na-severnom-kavkaze/> (дата обращения 01.02.2026)

Магомедова Д. К.
студент 2 курса магистратуры
исторический факультет
Дагестанский государственный университет,
Россия, г. Махачкала

А.М. ГОРЧАКОВ И БОРЬБА ЗА ОТМЕНУ СТАТЕЙ ПАРИЖСКОГО МИРА 1856 ГОДА

Аннотация. В статье анализируется деятельность крупного политического деятеля России, ставшего у руля внешнеполитического ведомства страны в непростое время, после поражения в Крымской войне. Благодаря его дипломатическим талантам, в течении двух десятков лет Россия вернула себе статус одного из ключевых игроков на международной арене, а также право иметь флот на Черном море.

Ключевые слова: Россия, А.М. Горчаков, отмена унижительных статей Парижского мира, Восточный вопрос.

Magomedova J. K.
2nd year Master's student
faculty of history
Dagestan State university
Makhachkala, Russia

A.M. GORCHAKOV AND THE STRUGGLE FOR THE ABOLITION OF THE ARTICLES OF THE PARIS PEACE OF 1856

Annotation. The article analyzes the activities of a major Russian politician who became at the helm of the country's foreign ministry during a difficult time, after the defeat in the Crimean War. Thanks to his diplomatic talents, over the course of two decades, Russia regained its status as one of the key players in the international arena and the right to have a fleet on the Black Sea.

Keywords: Russia, A.M. Gorchakov, the abolition of the humiliating articles of the Paris Peace, the Eastern Question.

Неудачный результат Крымской войны 1853-1856 гг., в которой России противостояла коалиция европейских стран, стала не только военным, но и тяжелейшим дипломатическим ударом по Петербургу. В результате заключенного в 1856 г. Парижского трактата Российская империя лишилась права иметь военно-морской флот, а также обязалась уничтожить военные укрепления на Черном море. Таким образом,

российское государство было вычеркнуто из числа ведущих мировых держав, оказавшись в международной изоляции.

В этих сложных условиях Александр II назначил на пост министра иностранных дел А. М. Горчаков, который понимал, что для возвращения былого величия России нужна не просто смена внешнеполитической тактики, а принципиально новая стратегия. В циркулярных нотах, направленных послам европейских государств новый министр подчеркнул, что Россия больше не будет вести активных действий в Европе ради интересов других государств и жертвовать своими интересами ради принципов Священного союза [7, с. 65-66].

А.М. Горчаков прекрасно понимал, что главной проблемой в восстановлении авторитета России являются ведущие европейские державы. Первоначально он сделал ставку на сближение с Францией, рассчитывая расколоть прежнюю англо-французскую коалицию, а также сыграть на противоречиях между Австрией и Францией.

В результате в 1859 г. был подписан русско-французский договор о нейтралитете и сотрудничестве, оказавшийся, однако, недолговечным. Причиной его непрочного характера стали действия западных стран, выступавшие, несмотря на разделявшие их разногласия, согласованно против шагов Петербурга. К примеру, в начале 1860-х гг. Франция и Австрия выступили против инициативы России о проведении реформ в христианских провинциях Османской империи [3].

Решающим фактором, изменившим внешнеполитическую ориентацию Петербурга, стало польское восстание 1863 г., когда Франция и Англия попытались вмешаться во внутренние дела России под предлогом защиты поляков. Россия, в лице А.М. Горчакова, проявившего твёрдость с заявлением о недопустимости постороннего вмешательства, получила поддержку от Пруссии, которая разрешила преследовать польских повстанцев на своей территории.

Таким образом, Россия нашла союзника в лице Прусского государства, с которым в 1863 г. была заключена военная конвенция, позволившая царскому правительству подавить польское восстание. В качестве ответного шага А.М. Горчаков поддержал стремление Пруссии, в лице канцлера О. фон Бисмарка, к объединению германских земель. В результате прусская армия одержала ряд побед в войнах с Данией в 1864 г., Австрией в 1866 г. и Францией в 1870-1871 гг. [2].

Воспользовавшись тем, Франция была занята войной с Пруссией и не могла оказать активного противодействия российским планам, 31 октября 1870 г. А.М. Горчаков издал циркуляр, в котором были перечислены нарушения другими странами Парижского трактата. Он заявил, что отныне Россия отказывается признавать статьи, ограничивавшие ее права на Черном море [7, с. 93].

Отмена нейтрализации Чёрного моря стала дипломатической победой А.М. Горчаков, которая привела к укреплению позиций России на Ближнем Востоке и в Европе и восстановлению ее авторитета на международной арене. Заслуги канцлера по праву были признаны в России, так к титулу князя, решением Александра II был добавлен почетный титул «светлейший» [5, с. 452].

После отмены нейтрализации Черного моря в 1871 г. Россия довольно успешно восстанавливала свое влияние на Балканах. Значительное внимание А. М. Горчаков уделял поддержке стремления балканских народов к независимости от Османской империи. Российский дипломат обеспечил дипломатическую подготовку русско-турецкой войны 1877-1878 гг., главным результатом которой стало появление на карте Европы автономного Болгарского княжества и независимых государств – Сербии, Румынии, Черногории [1].

Именно благодаря дипломатическому искусству А.М. Горчакова был обеспечен нейтралитет европейских держав в русско-турецкой войне. Таким образом, Россия решила сложнейшую задачу, поддержав балканских славян, и при этом избежав прямого столкновения с Австро-Венгрией [4, с. 19].

Однако по результатам Берлинского трактата 1878 г., на котором Англия, Франция, Германия и Австро-Венгрия выступили единым фронтом, были значительно урезаны достижения Сан-Стефанского мира. Западные державы стремились к ослаблению влияния России и укреплению своих позиций на Ближнем Востоке. Одновременно с этим они добивались подчинения вновь созданных славянских государств на Балканах западному влиянию.

В результате, под нажимом западных держав Россия вынуждена была согласиться на раздел на две части Болгарии, оккупацию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, а также возврат Османской империи Баязета и Эрзерума. Одновременно подтверждались независимость Сербии, Черногории и Румынии, но их территории были значительно сокращены [6, с. 188-189].

Но, несмотря на это, А.М. Горчаков остался в истории как крупный государственный деятель, получивший пост главы российского внешнеполитического ведомства в непростое для России время, после поражения в Крымской войне. Именно благодаря его таланту Россия отказалась от дискриминационных ограничений в свободе судоходства в Черном море, подтвердила суверенное право на строительство и содержание военного флота, а в результате русско-турецкой войны 1877-1878 гг. еще и приобрела новые территории, вернув себе статус мировой державы.

Использованные источники:

1. Александр Михайлович Горчаков. URL: <https://exhib.updk.ru/gorchakov> (дата обращения 08.03.2026)
2. Внешняя политика России во второй половине XIX века. URL: https://de.ifmo.ru/bk_netra/page.php?index=148&tutindex=16 (дата обращения 09.03.2026)
3. Горчаков Александр Михайлович. URL: https://www.mid.ru/ru/about/professional_holiday/history/1713858/ (дата обращения 10.03.2026)
4. Дамшин М. В. Александр Михайлович Горчаков: Российская империя до и после // Новизна. Эксперимент. Традиции. 2023. Т. 9. Вып. 3 (23). С. 15-21.
5. История России XIX – начала XX в. Учебник. Под ред. В.А. Федорова. М., 2004. 864 с.
6. Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А. История России. М., 2004. 520 с.
7. Протопопов А.С., Козьменко В.М., Шпаковская М.А. История международных отношений и внешней политики России. 1648-2010. М., 2012. 384 с.

Магомедова Д. К.
студент 2 курса магистратуры
исторический факультет
Дагестанский государственный университет,
Россия, г. Махачкала

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.М. ГОРЧАКОВА И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию внешнеполитической деятельности А.М. Горчакова, стоявшего у руля российской дипломатии в 1856-1882 гг. Именно благодаря его гибкому внешнеполитическому курсу Россия отменила унизительные статьи Парижского мира 1856 г., вышла из международной изоляции, а также укрепила отношения со странами Дальнего Востока и Южной Америки.*

***Ключевые слова:** XIX век, Россия, Крымская война, Парижский мир, А.М. Горчаков, международная политика России.*

Magomedova S.A.
Graduate student
of the faculty of history,
Dagestan State university,
Makhachkala, Russia

DIPLOMATIC ACTIVITY OF A.M. GORCHAKOV AND RUSSIA'S FOREIGN POLICY IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

***Annotation.** The article is devoted to the study of the foreign policy activities of A.M. Gorchakov, who stood at the helm of Russian diplomacy in 1856-1882. It was thanks to his flexible foreign policy that Russia abolished the humiliating articles of the Paris Peace of 1856, emerged from international isolation, and strengthened relations with the countries of the Far East and South America.*

***Keywords:** 19th century, Russia, the Crimean war, the Paris peace, A.M. Gorchakov, Russia's international policy.*

Александр Михайлович Горчаков встал у руля российского внешнеполитического ведомства в самый кризисный период, когда Российская империя переживала не самые лучшие времена. Это было обусловлено ее поражением в Крымской войне, где ей противостояла коалиция ведущих европейских держав, поддержавших Османскую империю военным и дипломатическим путем.

Результатом войны стало подписание в марте 1856 г. Парижского мира, по условиям которого Россия вынуждена была согласиться с потерей возможности защиты своих интересов в регионе с помощью флота и утратой преобладающего влияния на Балканах. Ключевым пунктом международного трактата стала нейтрализация Черного моря, которая делала беззащитными южные морские рубежи, препятствовала развитию южных областей и тормозила расширение внешней торговли России.

Поэтому основным направлением дипломатии Российского государства при новом министре являлось восстановление международного авторитета страны, позиций Черноморского флота и решение восточного вопроса, для чего требовались колоссальные усилия по отмене статей Парижского договора.

Для решения всех этих задач требовались надежные союзники, что в условиях ослабления России стало нелёгкой задачей. Самым опасным противником России из-за противостояния на Кавказе и Средней Азии являлась Британская империя. На нее ориентировалась в своей политике Османская империя. Австрия предпринимала меры для укрепления влияния на Балканах. Позиции Пруссия на международной арене пока еще были слабыми. В этой связи России, для выхода из международной изоляции, было выгодно сближение с Францией, которая конкурировала с Великобританией в Средиземноморье [2].

В 1857 г. состоялась встреча монархов и министров иностранных дел России и Франции в Штутгарте. Каждая из сторон предлагала к обсуждению те вопросы, которые находились в сфере ее интересов. Для Франции это был, прежде всего, итальянский вопрос и положение в Дунайских княжествах. Александр II и Горчаков старались сконцентрировать внимание французского императора на необходимости пересмотра статей Парижского договора о нейтрализации Черного моря. Хотя никаких договоров и соглашений подписано не было, эта встреча положила начало тесному дипломатическому сотрудничеству между странами.

По инициативе А.М. Горчакова в 1859 г. был заключен русско-французский договор, по условиям которого Россия обязывалась соблюдать благожелательный нейтралитет в случае войны Франции и Сардинского королевства против Австрии. Как отмечают отечественные исследователи, «подписание этого соглашения в какой-то мере означало выход России из изоляции» [5, с. 67].

В дальнейшем убедившись, что Парижа не высказывает большого желания предоставить гарантии для поддержки интересов Петербурга на Востоке, А.М. Горчаков вынужден был пересмотреть свою позицию и переключиться на сближение с Пруссией. Причиной этого стало Польское восстание 1863-1864 гг., когда Франция вместе с Великобританией и Австрией потребовали от России предоставить полякам независимость. В

улучшении русско-пруссских отношений был заинтересован и Берлин, который опасался распространения польского восстания с российской на прусскую территорию.

Кроме того, усилению российско-пруссских контактов способствовали родственные связи между двумя правителями. Так, прусский король Вильгельм I являлся родным дядей российского императора Александра II. В результате в 1863 г. между двумя странами была заключена военная конвенция, позволившая России подавить Польское восстание. Петербург поддержал стремление Пруссии к объединению германских земель, что содействовало ее победам в войнах с Данией в 1864 г., Австрией в 1866 г. и Францией в 1870-1871 гг. В свою очередь, Пруссия в лице канцлера О. Бисмарка выступила на стороне России в вопросе об отмене нейтрального статуса Черного моря.

В октябре 1870 г. А. М. Горчаков разослал «циркулярную ноту» европейским державам, в котором заявил об отказе от обязательств не иметь военный флот на Черном море. Лондон и Вена осудили одностороннее решение Петербурга, а ослабленная в войне с Пруссией Франция не имела возможности протестовать. Лондонская конференция великих держав 1871 г. закрепила отмену нейтрализации Черного моря. Россия вернула право иметь военный флот, военно-морские базы и укрепления на Черноморском побережье [4, с. 185]. В результате основная задача российской дипломатии была выполнена, и Россия вновь стала полноправной великой мировой державой, вернув утраченные после в Крымской войны позиции.

Стоит отметить, что российский министр стремился укрепить позиции России не только в Европе, но также на Дальнем Востоке и Латинской Америке. Так, благодаря его дипломатии были нормализованы русско-китайские и русско-японские отношения, расширены международные контакты со странами Южной Америки. Россия признала независимость Мексики, Бразилии, Аргентины и Венесуэлы, причем А.М. Горчаков впервые отправил в эти страны консульские миссии [3, с. 7].

Таким образом, именно А.М. Горчакову принадлежит главная роль в укреплении позиций России на международной арене и восстановлении ее статуса как ведущей морской державы. Следует согласиться с мнением А.А. Анискина, который выделил в качестве основных принципов деятельности А.М. Горчакова, такие как «преданность России, готовность к патриотическому служению ее государственным интересам, неразрывная связь личной судьбы с судьбами своего Отечества. Именно в этом видится основное значение творческого наследия великого российского дипломата, актуальное для всех этапов новейшей истории страны» [1, с. 178].

В истории международных отношений российский министр иностранных дел, канцлер Александр Михайлович Горчаков навсегда

останется примером искусного использования традиционных и новых методов ведения дипломатии, мирной трансформации внешней политики, и одновременно, сохранения достоинства на международной арене.

Использованные источники:

1. Анискин А. А. Принципы внешней политики российского государства в наследии А. М. Горчакова // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХИГС. Т. 4. №1 (8). С. 168-178.
2. Внешняя политика России во второй половине XIX в. URL: https://de.ifmo.ru/--books/0048/8_10_3.HTM (дата обращения 01.03.2026)
3. Диалог вместо пушек: завещание великого дипломата //Российские регионы: взгляд в будущее. Вып. 4 (5). 2015. С. 1-18. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25058487> (дата обращения 028.02.2026).
4. Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А. История России. М., 2004. 520 с.
5. Протопопов А.С., Козьменко В.М., Шпаковская М.А. История международных отношений и внешней политики России. 1648-2010. М., 2012. 384 с.

*Маматова М. Н.
профессор
СамГМУ
Расулова М. Р.
доцент
ЗарМЕДУ
Аламова Ф.С.
ассистент
ЗарМЕДУ
Самарканд, Узбекистан*

ЛАБОРАТОРНАЯ ДИАГНОСТИКА ИНТРАЭПИТЕЛИАЛЬНЫХ И ИНВАЗИВНЫХ РАКОВ ШЕЙКИ МАТКИ

***Аннотация.** Для выявления ранних форм рака шейки матки и особенно доклинических стадий профилактические осмотры женщин, проводимые только врачом-гинекологом или онкологом, недостаточны. При обычном визуальном обследовании с помощью зеркал и пальпации надвлагалищной части шейки матки невозможно обнаружить начальных, клинически не проявляющихся бессимптомных поражений шейки матки. В этой работе мы стремились оценить на практике достоинства и недостатки люминесцентно-цитологического метода при профилактических осмотрах женщин и сопоставить результаты исследования, полученные люминесцентно-цитологическим методом и основным методом окраски мазка.*

***Ключевые слова:** рак шейки матки, интраэпителиальный, инвазивный рак, надвлагалищной части шейки матки, люминесцентно-цитологический метод.*

*Mamatova M. N.
professor
SamSMU
Rasulova M. R.
associate professor
ZarMEDU
Alamova F. S.
assistant
ZarMEDU
Samarkand, Uzbekistan*

LABORATORY DIAGNOSTICS OF INTRAEPITHELIAL AND INVASIVE CERVICAL CANCERS

Summary: Preventive examinations of women by a gynecologist or oncologist alone are not sufficient to detect early forms of cervical cancer and especially preclinical stages. Routine visual examination with mirrors and palpation of the supravaginal part of the cervix cannot detect initial, clinically asymptomatic cervical lesions. In this work, we sought to evaluate in practice the advantages and disadvantages of the luminescence-cytological method in preventive examinations of women and to compare the results obtained by the luminescence-cytological method and the basic smear staining method.

Key words: cervical cancer, intraepithelial, invasive cancer, supravaginal part of the cervix, fluorescent cytological method.

Введение. Цитологическая диагностика как метод отбора онкологических больных при профилактических осмотрах пользуется известным признанием. Однако ее роль как вспомогательного метода при обследовании уже отобранных по клинической картине больных обычно недооценивают. В то же время правильное решение этого вопроса имеет большое организационно-методическое значение.

Цель и методы исследования. Для выяснения ценности цитологических исследований в диагностике рака шейки матки были сопоставлены результаты первичных цитологических и гистологических диагнозов у 132 женщин, обследованных в Самаркандской многопрофильной больнице. За окончательный диагноз принимали тот, который ставили после тщательного обследования в поликлинике, а при необходимости и в условиях стационара. Кроме того, этот диагноз проверяли последующим наблюдением за больной в течение одного года. По возрасту больные распределялись следующим образом: до 30 лет было 29 человек, от 31 года до 40 лет - 35 и старше 41 года - 68.

У этих больных произведено 160 цитологических исследований методом люминесцентной микроскопии. Из 132 больных у 19 диагностирован интраэпителиальный и у 11- инвазивный рак, т. е. злокачественные процессы у женщин, до применения у них хирургического и лучевого лечения, выявлены у 15,4 % (табл. 1).

**Анализ цитологических диагнозов интраэпителиальных и
инвазивных раках шейки матки**

Окончательный диагноз	Общее число случаев	Правильные цитологические диагнозы			Ложноотрица- тельные цитологичес- кие диагнозы		Общее число гистологических первично-отрицательных диагнозов	Правильные диагнозы при использовании гистологических и цитологических исследований
		из общего числа	при отрицательных гистологических	при отрицательных гистологических и клинических данных	из общего числа	при отрицательных гистологических данных		
Интраэпителиальные раки Число случаев (абс.) (%)	19	16 84,2	4 21,0	2 10,5	3 15,7	4 10,5	6 31,6	18 94,7
Инвазивные раки Число случаев (абс.) (%)	11	11 100,0	2 18,1	1 0,9	0 0	0 0	2 18,1	11 100,0
Всего число случаев (абс.) (%)	30	27 90,0	6 20,0	2 6,7	2 6,7	1 3,3	7 23,3	29 96,6

Цитологически правильный диагноз поставлен в 91,5 % случаев, в том числе при интраэпителиальном раке в 84,2 % и при инвазивном в 100 % случаев. Первично ложноотрицательные цитологические диагнозы отмечены в 7 случаях интраэпителиального рака (8,5 %). Из них в 4 случаях гистологический диагноз также был ложноотрицательным на том или ином этапе обследования. Мы проанализировали причины ошибочных диагнозов. У 3 больных, у которых даже при повторных биопсиях не получено положительных результатов, оказался интраэпителиальный рак преимущественно цервикального канала. В то же время содержимое заднего свода влагалища и шейечного канала у этих женщин не исследовали. В другом случае интраэпителиального рака с отрицательными результатами исследования конуса после диатермоэксцизии также следует думать о дефекте взятия материала, тем более, что препарат был крайне беден клеточными элементами. У остальных 3 женщин цитологический диагноз был первоначально сомнительно отрицательным и при повторном исследовании у 2 из них, больных интраэпителиальным раком, на фоне лейкоплакии найдены

атипические клетки (у 3-й больной, у которой первоначально обнаружили неясные клетки и подозревали молочницу исследования не повторяли).

Таким образом, у 4 из 7 больных ложноотрицательные цитологические диагнозы можно объяснить дефектом взятия материала и лишь в отношении 3 можно думать, что врач-цитолог недооценил имеющиеся данные.

Гистологические данные в связи с недостаточно прицельным взятием материала оказались первоначально ложноотрицательными в 24,4 % случаев, в том числе при интраэпителиальном раке в 31,6 % и при инвазивном в 17,7 % случаев.

Из 9 случаев, в которых цитологически обнаружили несомненные признаки злокачественного заболевания или подозревали его при первоначально отрицательных гистологических данных, в 4 (47,2 %) оказался интраэпителиальный или инвазивный рак.

Из 4 больных этой группы у одного был интраэпителиальный или инвазивный рак шеечного канала, а цитологический диагноз ставили по материалу, взятому с эктоцервикса. Например, у больной, поступившей с подозрением на рак шейки матки, трижды производили биопсию и ни разу элементы опухоли не обнаруживали. Одновременно цитологически дважды выявили несомненные признаки злокачественного процесса. После выскабливания цервикального канала установлен интраэпителиальный рак, который подтвержден и после удаления матки.

У одного больного этой группы и клинически установлены доброкачественные заболевания (псевдоэрозия или кольпит), сначала подтвержденные при биопсии. Ввиду того что в цитологических препаратах имелись признаки злокачественного процесса, продолжали тщательные исследования и при прицельной биопсии с помощью кольпоскопа обнаружили интраэпителиальный рак. Клинически не выявленный инвазивный рак оказался у одной больной с явлениями кольпита. Цитологически в этом случае дважды обнаружены несомненные признаки рака при отрицательных результатах первоначальной биопсии.

У остальных 5 больных положительные цитологические данные гистологически не подтвердились. Это составляет 4,2 % всех женщин, у которых отвергнуто злокачественное заболевание шейки матки. У одной из них был трихомонадный кольпит, который, по-видимому, явился причиной неправильной или неточной диагностики. Из этих 5 больных только у одной цитологически обнаружены атипичные клетки. У остальных 4 женщин отмечали лишь подозрительные на атипичные клетки. При повторных исследованиях в среднем через 27 дней подозрение на карциному не оправдалось. Эти данные указывают на необходимость повторных цитологических исследований для наблюдения патологического процесса в динамике в тех случаях, когда возникают трудности при диагностике.

У одной больной клинически ставили диагноз рака шейки матки, в то время как результаты цитологического и гистологического исследования были отрицательными, что позволило исключить этот диагноз.

Подводя итог, можно сказать, что на каждые 100 женщин, с заболеванием шейки матки неясного характера, у одной больной цитологически обнаружены атипичные клетки, несмотря на первоначально отрицательные гистологические данные (табл. 2).

Табл. 2

Распределение интраэпителиальных и инвазивных раков шейки матки среди обследованных женщин

Окончательный диагноз	Среди обследованных больных женщин выявлено		
	с помощью гистологических и цитологических исследований	только с помощью цитологических исследований при отрицательных гистологических данных	с помощью цитологических исследований при отрицательных клинических и гистологических данных
Интраэпителиальные раки			
Число случаев (абс.)	38	9	4
(%)	7,3	1,7	0,75
Инвазивные раки			
Число случаев (абс.)	44	8	1
(%)	8,5	1,5	0,19
Всего число случаев (абс.)	82	17	5
(%)	15,4	3,2	0,94

У одной больной не было и клинических признаков, которые бы позволили подозревать злокачественный процесс. Это соответствует среднему проценту первично выявленных раков шейки матки при профилактических осмотрах с применением цитологических исследований.

К сожалению, нет единого мнения о подсчете показателей, характеризующих тот или иной метод. Например, процент ложноотрицательных диагнозов вычисляют по отношению к числу больных раком, сумме больных раком и больных с ложноположительными цитологическими диагнозами, общему числу обследованных [3, 4].

Поэтому мы сделали попытку оценить в битах количество информации, получаемой с помощью цитологического метода, и сравнить его с гистологическим. В каждом методе оценивали самое важное, самое характерное, то, что может быть в принципе определено во всех случаях. С этих позиций информацию, получаемую при цитологическом исследовании о

наличии или отсутствии инвазии, не учитывали, так как при массовых обследованиях инвазивный и преинвазивный рак цитологически обычно не дифференцируется, а в условиях онкологического диспансера, куда больные в ряде случаев поступают со вторичными изменениями слизистой оболочки после биопсий и поверхностных соскобов с шейки матки, произведенных в районных онкологических пунктах, по цитологическим данным особенно часто нельзя ответить на этот вопрос даже при наличии явных признаков злокачественного процесса [6, 7, 8]. Из полученных данных видно, что на вопрос, есть ли у больной атипизм эпителия, цитологический метод дает значительно больше информации, чем гистологический. Совместное использование цитологического и гистологического методов в этом отношении почти не увеличивает информацию. Этим лишний раз подтверждается высокая эффективность цитологического метода при профилактических осмотрах для отбора больных, внушающих подозрение ввиду обнаружения у них атипичных клеток.

Результаты исследования. Учитывая, что гистологический диагноз позволяет получить еще информацию о наличии или отсутствии инвазии, общая информация, полученная с его помощью, значительно больше полученной цитологическим методом. Однако при использовании обоих методов эта информация увеличивается на 33,11 % (0,503 бита) и позволяет получить 1,519 бит информации, т. е. 93,19 % максимально возможной.

Для выявления ранних форм рака шейки матки и особенно доклинических стадий профилактические осмотры женщин, проводимые только врачом-гинекологом или онкологом, недостаточны. При обычном визуальном обследовании с помощью зеркал и пальпации надвлагалищной части шейки матки невозможно обнаружить начальных, клинически не проявляющихся бессимптомных поражений шейки матки, укладывающихся в морфологическое понятие начальная форма *Carcinoma in situ* (рак на месте), *Carcinoma colli uteri* (рак шейки матки). Вот почему при профилактических осмотрах здоровых женщин использование цитологического метода приобретает особое значение.

Как следует из отечественной и зарубежной литературы [9, 10, 11], для быстроты просмотра мазков, взятых у женщин для цитологического исследования во время профилактических осмотров, может быть применен люминесцентный метод. Однако многие авторы [2, 5] считают этот метод не строго специфичным для установления раковой природы атипичных эпителиальных клеток. Для интерпретации клеток наряду со свечением учитывать и их морфологические особенности требует квалификации цитоморфолога, на что указывают многие авторы [1, 3, 4].

В этой работе мы стремились оценить на практике достоинства и недостатки люминесцентного метода при профилактических осмотрах женщин и сопоставить результаты исследования, полученные люминесцентным методом и основным методом окраски мазка гематоксилин-

эозином (гематоксилин Гарриса+азур эозин). Для сопоставления мы избрали методику просмотра одних и тех же препаратов сначала с помощью люминесцентного микроскопа, а затем переокрашенных гематоксилин-эозином.

Для выяснения ценности данных исследований провели профилактический осмотр 115 женщин 20-60 лет. Подсохшие мазки соскоба, не фиксируя, окрашивали 5-10 мин. акридиновым оранжевым в разведении 1:20 000 на физиологическом растворе (рН 6,8). После просмотра соскоба с шейки матки в люминесцентном микроскопе, подробной записи характера свечения и морфологической характеристики, а также составления заключения мазки переокрашивали гематоксилин-эозином.

Клинические диагнозы были следующими: здоровы 75 человек, эрозия шейки матки у 2; кольпит у 5; эндоцервицит у 2; воспаление придатков (острое и хроническое) у 3; опущение стенок влагалища и опущение матки, климакс, киста яичника, дисфункция яичников, фиброматоз, полип шейки матки у 7; беременность у 3, опухоль матки у 2 человек.

Свечения, характерного для рака, не обнаружено ни разу; нормальное свечение клеток было у 102 женщин, сомнительный характер свечения эпителиальных клеток - у 11 (10 %).

Из 11 клеток, у 2-х женщин обнаружили свечения ядер или цитоплазмы цилиндрических клеток, у остальных 10 наблюдался сомнительный характер свечения ядер или цитоплазмы клеток плоского эпителия различных слоев слизистой оболочки, чаще промежуточного слоя.

Изучая морфологические особенности этих клеток, мы не отметили признаков атипии. В препаратах, переокрашенных гематоксилин-эозином, среди женщин с сомнительным характером свечения клеток у 2 женщин при изучении морфологии установлены признаки, позволившие дать заключение о начале малигнизации.

У одной из них при гистологическом исследовании обнаружен Cg in situ, а у другой - эпидермизация желез атипичным плоским эпителием с атипией клеток, гиперхромией ядер с единичными митозами. Клинически у первой было опущение влагалища, у второй - полип шейки матки.

Следовательно, в препарате, просматриваемом в люминесцентном микроскопе, не всегда могут быть уловлены те морфологические особенности, которые определяются в препарате, окрашенном гематоксилин - эозином. У 2 женщин, у которых обнаружен нормальный характер свечения клеток, в препаратах, переокрашенных гематоксилин-эозином, найдены элементы, подозрительные на рак, что не подтвердилось гистологическим исследованием кусочка ткани, взятой путем биопсии. Гистологический диагноз у первой - лейкоплакия шейки матки, у второй - аденоматозный полип цервикального канала, железистая гиперплазия эндометрия.

Дальнейшее наблюдение за больными выявит течение патологического процесса. Клинически эти женщины были здоровы по заключению

гинеколога, и только данные цитологического исследования позволили определить здоровых и явно больных раком (характерное для рака свечение и морфология клеток).

Выводы.

1. Люминесцентно-цитологический метод исследования, несмотря на простоту, позволяет получить результаты не хуже, чем при использовании окрашенных препаратов.

2. Для оценки цитологического метода особенно полезным оказалось использование теории информации. При цитологическом методе получен 0,503 бит информации, при гистологическом 1,016 бит, а при совместном использовании обоих методов - 1,519 из 1,629 бит максимально возможной информации.

3. На данном материале у каждой 5-й больной интраэпителиальным или инвазивным раком шейки матки цитологическое исследование способствовало постановке окончательного диагноза.

4. Люминесцентный метод может быть использован при профилактических осмотрах как менее трудоемкий для быстрого отбора здоровых и явно больных раком (характерное для рака свечение и морфология клеток).

5. Для выявления ранних доклинических форм и внутриэпителиального рака необходимо все мазки с сомнительным характером свечения вне зависимости от морфологической характеристики клеток переокрасить гематоксилин-эозином и определить патологическое состояние эпителия только по переокрашенным препаратам.

Использованные источники:

1. Маматова М.Н. Гистологическая диагностика неэффективного эритропоэза // Ж. Бухоро Т.И. Тиббиётда янги кун. 2024, 7 (69).
2. Кадилов Ж.Ф., Ризаев Ж.А., Маматова М.Н. и др. Влияние полиморфизма влияния полиморфизма RS8084 гена HLA-DRA на течение ВИЧ1 инфекции // Журнал теоретической и клинической медицины. Ташкент, - 2025, С. 11-17.
3. Шайкулов Х.Ш., Исокулова М.М., Маматова М.Н. Степень бактериоциногенности антибиотикорезистентных штаммов стафилококков, выделенных в Самарканде // Eurasian journal of medical and natural sciences. 2023, № 3(1).
4. Мамедова Л.Т. Факторы прогноза и отдаленные результаты лечения рака шейки матки // Вестн. РОНЦ им. Н. Блохина РАМН. 2002, №2.
5. Муродхужаев Н., Худойкулов Т., Жураев М. Онкология // Тошкент, Абу Али Ибн Сино номидаги тиббиёт нашриёти. 2002, 241-246 б.
6. Нечушкина В.М., Кузнецов В.В., Лазарева Н.И., Морхов К.Ю. Современные представления о лечении рака тела матки // Сибирский онкологический журнал. 2007. Источник: cyberleninka.ru.
7. Козаченко В. П. Клиническая онкогинекология: руководство // 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: БИНОМ, 2016.

8. Руководство по ранней диагностике рака [Guide to cancer early diagnosis] // Женева: Всемирная организация здравоохранения; 2018. Лицензия: CC BY-NC-SA 3.0 IGO.
9. Oboskalova T.A., Kononova I.N., Voroshilina E.S., Kuzina T.V. The effectiveness of rehabilitation measures after destructive methods of scratching in patients with cervical pathology associated with human papillomavirus infection // Obstetrics and gynecology. 2012, No. 2. P- 86-89.
10. International Conference on Advance Research in Humanities, Applied Sciences and Education Hosted from New York, USA <https://conferencea.org> October, 28th 2023, 34.
11. Machida H., Blake E.A., Eckhardt S.E. et al., Trends in single women with malignancy of the uterine cervix in United States. // J Gynecol Oncol. 2018 Mar;29(2): e24. doi: 10.3802/jgo.2018.29. e24. Epub 2017 Dec 27.

Маслова М.В.

студент

Аксёнова А.К.

студент

Научный руководитель: Черникова Л.И., д.э.н.

профессор

Финансовый университет при Правительстве РФ

Россия, г. Москва

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРПОРАЦИИ: АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ

***Аннотация.** Настоящая работа посвящена комплексному рассмотрению источников финансирования корпоративной деятельности в современных экономических условиях. Анализируются собственные, заёмные и привлечённые средства как основные категории финансового обеспечения, исследуются механизмы их формирования, критерии выбора и практические ограничения применения. Особое внимание уделяется оценке доступности отдельных инструментов финансирования для российских корпораций в условиях санкционного давления и трансформации финансовых рынков 2022–2025 годов. Рассматривается взаимосвязь структуры капитала с финансовой устойчивостью, стоимостью привлечения ресурсов и инвестиционной привлекательностью компании. Работа опирается на актуальную отечественную и зарубежную литературу, статистические данные Банка России, Росстата и профессиональных аналитических агентств. Практическая значимость исследования определяется возможностью применения полученных выводов при разработке финансовой политики корпорации в нестабильной рыночной среде.*

***Ключевые слова:** корпоративные финансы, источники финансирования, структура капитала, заёмный капитал, собственный капитал, эмиссия ценных бумаг, облигационный займ, банковское кредитование, финансовая устойчивость.*

Maslova M.V.

student

Aksenova A.K.

student

Scientific Supervisor: Chernikova L.I., D.E.S.

professor

Financial University under the Government of the Russian Federation

Moscow, Russia

SOURCES OF CORPORATE FINANCING: ANALYSIS AND ASSESSMENT OF OPPORTUNITIES

Abstract: *This paper provides a comprehensive examination of corporate financing sources in the current economic environment. It analyzes equity, borrowed, and raised funds as the main categories of financial support, exploring the mechanisms for their formation, selection criteria, and practical limitations of their use. Particular attention is paid to assessing the availability of individual financing instruments for Russian corporations in the context of sanctions pressure and financial market transformation in 2022–2025. The relationship between capital structure, financial stability, the cost of raising resources, and a company's investment attractiveness is examined. The study draws on current domestic and international literature, statistical data from the Bank of Russia, Rosstat, and professional analytical agencies. The practical significance of the study lies in the potential application of the findings in developing corporate financial policies in an unstable market environment.*

Keywords: *corporate finance, funding sources, capital structure, debt capital, equity capital, securities issuance, bond issue, bank lending, financial stability.*

Введение

Проблема финансирования корпоративной деятельности остаётся одной из наиболее содержательных в теории и практике финансового менеджмента. Независимо от масштаба бизнеса, отраслевой принадлежности и стадии жизненного цикла, каждая компания периодически сталкивается с необходимостью привлечения ресурсов — для поддержания текущей деятельности, реализации инвестиционных программ или преодоления кассовых разрывов. При этом выбор конкретного инструмента финансирования далеко не тривиален: он определяется совокупностью факторов, включая доступность рынков капитала, стоимость привлечения средств, требования к обеспечению, налоговый режим и временной горизонт потребности.

Для российских корпораций актуальность данной тематики существенно возросла после февраля 2022 года, когда резкое ужесточение санкционного режима фактически закрыло доступ к западным финансовым рынкам, а внутренние условия кредитования претерпели радикальные изменения. В этих обстоятельствах вопросы диверсификации источников финансирования и оценки их реальной доступности перешли из разряда теоретических в категорию операционных управленческих задач⁴.

Мировая финансовая наука накопила значительный массив знаний относительно оптимальной структуры капитала. Теоремы Модильяни–Миллера, компромиссная теория (trade-off theory), теория иерархии источников (pecking order theory) и ряд других концепций задают

⁴ Меркушева В. С., Перков Е. А. Об актуальности трансформации корпоративных стратегий компаний в условиях санкционных ограничений // ЭВ. 2025. № 1 (40). С. 128–132.

аналитические рамки для понимания логики финансовых решений. Тем не менее применение этих теорий к российским реалиям требует определённой корректировки, поскольку институциональная среда, налоговое законодательство и уровень развития финансовых рынков в России существенно отличаются от условий, в которых формировались классические модели⁵.

Цель настоящей работы — провести системный анализ источников финансирования корпоративной деятельности, оценить возможности их применения в современных российских условиях и выявить ключевые тенденции, определяющие финансовую политику крупных компаний в 2022–2025 годах.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- Рассмотреть теоретические основы классификации источников финансирования;
- Проанализировать собственный капитал как первичного источника финансового обеспечения;
- Провести исследование заёмного финансирования в его основных формах — банковского кредита и облигационных займов;
- Оценить инструменты привлечённого финансирования, включая эмиссию акций и государственную поддержку;
- Проанализировать практику формирования структуры капитала крупнейших российских корпораций.

Объектом исследования выступают российские корпорации как субъекты финансовых отношений, предметом — совокупность источников финансирования их деятельности и механизмы выбора между ними.

Методологическую базу работы составляют методы системного анализа, сравнительного исследования, статистической обработки данных, а также финансового моделирования. Информационная основа — данные Банка России, Росстата, Московской биржи, годовые отчёты публичных компаний и научные публикации 2022–2025 годов.

1. Теоретические основы классификации источников финансирования корпораций

Финансирование корпорации представляет собой процесс формирования денежных ресурсов, необходимых для осуществления хозяйственной деятельности, реализации инвестиционных проектов и выполнения обязательств перед контрагентами. В широком смысле под финансированием понимается не только привлечение средств извне, но и генерация финансовых ресурсов внутри самой организации — через

⁵ Лукасевич И. Я. Финансовый менеджмент : учебник и практикум для вузов / И. Я. Лукасевич. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2026. — 680 с.

аккумуляцию нераспределённой прибыли, управление амортизационными отчислениями и оптимизацию оборотного капитала⁶.

Корпорация как особая форма организации бизнеса обладает рядом специфических черт, предопределяющих её финансовые возможности. Во-первых, акционерная форма собственности позволяет привлекать капитал широкого круга инвесторов через эмиссию ценных бумаг. Во-вторых, ограниченная ответственность акционеров снижает персональные риски и тем самым расширяет инвестиционную базу. В-третьих, юридическая самостоятельность корпорации как субъекта права открывает доступ к кредитным рынкам на условиях, принципиально отличающихся от индивидуального предпринимательства⁷.

Вместе с тем крупный масштаб деятельности корпораций порождает и специфические финансовые риски: агентские конфликты между менеджерами и акционерами, асимметрию информации на рынке капитала, зависимость от рейтинговых оценок. Всё это делает проблему выбора источников финансирования не просто техническим, но стратегическим вопросом корпоративного управления⁸.

В финансовой науке сложилось несколько подходов к классификации источников финансирования корпораций. Наиболее распространённым является деление по критерию происхождения средств: внутренние (собственные) и внешние (заёмные и привлечённые)⁹. Данная классификация отражает принципиальное различие в правовом статусе ресурсов и степени финансовой зависимости, которую они создают для компании.

Внутренние источники формируются в процессе хозяйственной деятельности и не требуют привлечения сторонних финансовых агентов. К ним относятся нераспределённая прибыль, амортизационные отчисления, средства от продажи активов и высвобождение ресурсов из оборота вследствие оптимизации управления запасами и дебиторской задолженностью. Принципиальное достоинство внутренних источников заключается в отсутствии транзакционных издержек привлечения и сохранении операционной независимости¹⁰.

Внешние источники подразделяются на заёмные — предполагающие возврат средств и уплату процентов (банковские кредиты, облигационные займы, лизинг) — и привлечённые, связанные с изменением структуры собственности (дополнительная эмиссия акций, взносы в уставный капитал,

⁶ Незамайкин В. Н. Финансовый менеджмент : учебник для вузов / В. Н. Незамайкин, И. Л. Юрзинова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2026. — 382 с.

⁷ Леонтьев В. Е. Корпоративные финансы : учебник для вузов / В. Е. Леонтьев, В. В. Бочаров, Н. П. Радковская. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2026. — 341 с.

⁸ Дамодаран А. Инвестиционная оценка: инструменты и методы оценки любых активов : практическое руководство / А. Дамодаран. — 5-е изд. — Москва : Альпина Паблишер, 2026. — 1339 с.

⁹ Чопанова Я. М., Пирлиева С. М. Источники финансирования и финансовые ресурсы // Вестник науки. 2023. № 4 (61). С. 121–123.

¹⁰ Рынок лизинга по итогам 2023 года : аналитический обзор / Рейтинговое агентство «Эксперт РА». — Режим доступа: <https://raexpert.ru/researches/leasing/2023/> (дата обращения: 20.03.2026).

венчурное финансирование)¹¹. Каждая из этих групп обладает собственным профилем рисков, налоговых последствий и требований к финансовому состоянию заёмщика.

Параллельно существуют классификации по срочности (краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные источники), по целевому назначению (финансирование текущей деятельности, капитальных вложений, инновационных проектов), а также по степени доступности для компаний различного масштаба. Последний критерий приобрёл особое значение в условиях финансовой турбулентности 2022–2024 годов, поскольку доступность ряда инструментов оказалась жёстко детерминирована рейтингом эмитента и наличием международного статуса¹².

Теория структуры капитала является одним из центральных разделов корпоративных финансов. Её фундамент был заложен работами Ф. Модильяни и М. Миллера, которые в 1958 году сформулировали знаменитую теорему: в условиях совершенного рынка структура капитала не влияет на стоимость компании. Хотя это утверждение носит абстрактный характер и базируется на ряде нереалистичных допущений, именно оно задало исследовательскую программу для последующих поколений учёных¹³.

Введение в модель налогового щита по процентным выплатам — налоговых преимуществ, возникающих при использовании долгового финансирования, — кардинально изменило выводы. В модифицированной версии теоремы Модильяни–Миллера стоимость компании возрастает по мере увеличения долга, поскольку налоговая экономия на процентных выплатах прибавляется к операционной стоимости¹⁴. Однако практика показывает, что безграничное наращивание долговой нагрузки невозможно — в какой-то момент издержки финансовых затруднений начинают перевешивать налоговые выгоды.

Компромиссная теория (trade-off theory) формализует именно это противоречие. Согласно ей, оптимальная структура капитала достигается в точке равновесия между налоговыми преимуществами долга и ожидаемыми издержками финансовой нестабильности. Теория иерархии источников (pecking order theory), предложенная С. Майерсом и Н. Мэйлафом, описывает иную логику: менеджеры, действующие в условиях информационной асимметрии, отдают предпочтение внутренним источникам перед долговым финансированием и только в последнюю очередь прибегают к эмиссии акций¹⁵.

¹¹ Дерзаева Г. Г. Зарубежный опыт формирования информации об операциях с ценными бумагами СУКУК // Международный бухгалтерский учет. 2025. Т. 28. № 4. С. 81–96.

¹² Романов В. В., Асхабалиев И. Ч. Актуальные аспекты проведения финансового анализа в современном периоде // Региональная и отраслевая экономика. 2024. № 6. С. 47–51.

¹³ Неклюдов С. В. Глобальные финансовые катаклизмы и их влияние на систему корпоративных финансов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2025. № 2. С. 39–60.

¹⁴ Гребенников П. И. Корпоративные финансы : учебник и практикум для вузов / П. И. Гребенников, Л. С. Тарасевич. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2026. — 252 с.

¹⁵ Myers S. C. The Capital Structure Puzzle // Journal of Finance. — 2022. — Vol. 77, No. 3. — P. 134–201.

Для российских корпораций обе концепции имеют практическое значение, хотя их применение осложняется рядом институциональных факторов. Высокий уровень концентрации собственности, слабая защита миноритарных акционеров и ограниченная ликвидность фондового рынка существенно сужают практические возможности эмиссионного финансирования, смещая предпочтения корпораций в сторону банковского кредита и нераспределённой прибыли¹⁶.

2. Собственный капитал как источник финансирования корпораций

Собственный капитал корпорации представляет собой совокупность финансовых ресурсов, сформированных за счёт вложений собственников и результатов хозяйственной деятельности. В соответствии с российским бухгалтерским законодательством в состав собственного капитала включаются уставный капитал, добавочный капитал, резервный капитал и нераспределённая прибыль¹⁷.

Уставный капитал акционерного общества определяет минимальный размер имущества, гарантирующего интересы кредиторов. Его величина фиксируется в учредительных документах и изменяется лишь посредством специальных корпоративных процедур. Для публичных акционерных обществ минимальный размер уставного капитала составляет 100 000 рублей, хотя фактически размер уставного капитала крупных корпораций на несколько порядков превышает этот минимум¹⁸.

Нераспределённая прибыль является наиболее динамичным компонентом собственного капитала и вместе с тем — ключевым внутренним источником финансирования. Её объём определяется разницей между чистой прибылью отчётного периода и суммой выплаченных дивидендов. Решение о распределении прибыли является одним из центральных в дивидендной политике корпорации: увеличение нераспределённой прибыли усиливает внутренние финансовые ресурсы, но может снижать привлекательность акций для инвесторов, ориентированных на текущий доход¹⁹.

Амортизационные отчисления традиционно рассматриваются в составе внутреннего финансирования, хотя формально они не входят в собственный капитал по балансовой классификации²⁰. Их роль определяется тем, что амортизация, включаясь в себестоимость продукции, обеспечивает денежный приток без соответствующего оттока — в отличие от прибыли, не обременённой налоговыми обязательствами в момент начисления. Для

¹⁶ Хайруллин Б. А. Цифровые инструменты корпоративного финансирования // Экономика и предпринимательство. 2025. № 8 (181). С. 1176–1179.

¹⁷ Вылегжанина Е. В., Дубовка К. Р. Понятие и источники формирования финансовых ресурсов корпораций // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 10 (128). С. 72–76.

¹⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) : от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 22.03.2026).

¹⁹ Незамайкин В. Н. Финансовый менеджмент : учебник для вузов / В. Н. Незамайкин, И. Л. Юрзинова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2026. — 382 с.

²⁰ Абдулаева З. М., Кудусов Л., Алиев Р. И. Анализ финансовой отчетности и его роль в управлении финансами // Индустриальная экономика. 2022. № 5. С. 814–817.

капиталоёмких производств амортизация становится сопоставимым с прибылью источником инвестиционных ресурсов.

Политика самофинансирования, основанная на реинвестировании прибыли, имеет очевидные достоинства: отсутствие транзакционных издержек, сохранение контроля над компанией и независимость от конъюнктуры финансовых рынков. Именно поэтому в рамках теории иерархии источников внутреннее финансирование занимает верхнюю строку в иерархии предпочтений менеджеров.

Тем не менее самофинансирование имеет ряд существенных ограничений. Во-первых, возможности реинвестирования жёстко ограничены объёмом генерируемой прибыли. Во-вторых, в периоды активного роста или реализации крупных инвестиционных программ внутренних ресурсов оказывается недостаточно. В-третьих, чрезмерное удержание прибыли может сигнализировать рынку об отсутствии у менеджмента прибыльных инвестиционных возможностей, что негативно сказывается на рыночной капитализации.

Данные по крупнейшим российским корпорациям свидетельствуют о том, что доля нераспределённой прибыли в структуре финансирования инвестиций варьируется в широком диапазоне — от 30 до 75% в зависимости от отрасли и финансового состояния компании. В сырьевом секторе, характеризующемся высокой рентабельностью, самофинансирование традиционно доминирует, тогда как в телекоммуникациях и ритейле компании активнее прибегают к внешним источникам²¹.

Таблица 1

Структура источников финансирования инвестиций крупнейших российских компаний
нефинансового сектора, 2022–2023 гг., %

Источник финансирования	2022 г.	2023 г.
Собственные средства (в т.ч. прибыль и амортизация)	56,3	58,7
Банковские кредиты	22,1	20,4
Облигационные займы	8,4	9,1
Бюджетные средства и субсидии	7,2	7,9
Прочие привлечённые средства	6,0	3,9

Источник: составлено на основе данных Росстата и Банка России [17, с. 47; 18, с. 23].

Приведённые данные демонстрируют устойчивое преобладание собственных средств в структуре корпоративных инвестиций. Примечательно, что в 2023 году их доля незначительно выросла по сравнению с 2022 годом, что может объясняться как высокими ценами на сырьевые товары, обеспечившими рекордную прибыль ряда экспортёров, так и ужесточением условий кредитования на фоне повышения ключевой ставки Банка России. Одновременно наблюдается сокращение доли прочих привлечённых средств,

²¹ Росстат. Инвестиции в России — 2024 : стат. сборник / Федеральная служба государственной статистики. — Москва : Росстат, 2024. — 287 с.

что отчасти отражает снижение иностранного участия в финансировании российских корпораций.

Добавочный капитал формируется за счёт переоценки внеоборотных активов, эмиссионного дохода (разницы между ценой размещения акций и их номинальной стоимостью), а также курсовых разниц по вкладам в уставный капитал в иностранной валюте. Его роль в финансировании текущей деятельности невелика, однако он служит буфером финансовой прочности и учитывается при расчёте показателей финансовой устойчивости²².

Резервный капитал создаётся в обязательном порядке для акционерных обществ — в размере не менее 5% от уставного капитала — и предназначен для покрытия убытков, а также для погашения облигаций и выкупа акций в случае отсутствия иных источников. На практике многие корпорации формируют резервный капитал в объёмах, превышающих законодательный минимум, рассматривая его как инструмент управления финансовыми рисками²³.

3. Заёмное финансирование корпораций

Банковское кредитование исторически является одним из ключевых инструментов внешнего финансирования для российских корпораций. Его популярность объясняется относительной доступностью, гибкостью условий и отсутствием требований к публичному раскрытию информации, которые неизбежно возникают при выходе на рынок ценных бумаг. Вместе с тем стоимость банковского кредита напрямую зависит от монетарной политики Банка России, что делает этот источник весьма волатильным в периоды изменения процентных ставок²⁴.

В 2022–2024 годах условия банковского кредитования для российских корпораций претерпели значительные трансформации. После резкого повышения ключевой ставки до 20% в феврале–марте 2022 года и последующего её снижения до 7,5% к середине 2023 года, Банк России вновь приступил к циклу ужесточения — в результате к концу 2023 года ключевая ставка достигла 16%, а в 2024 году была повышена до 21%. Столь высокий уровень ставок существенно увеличил стоимость кредитных ресурсов и ограничил возможности долгового финансирования для компаний с невысокой рентабельностью²⁵.

Тем не менее корпоративное кредитование демонстрировало устойчивый рост в абсолютном выражении. По данным Банка России, объём кредитов, предоставленных нефинансовым организациям, увеличился с 49,5

²² Вылегжанина Е. В., Дубовка К. Р. Понятие и источники формирования финансовых ресурсов корпораций // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 10 (128). С. 72–76.

²³ Чопанова Я. М., Пирлиева С. М. Источники финансирования и финансовые ресурсы // Вестник науки. 2023. № 4 (61). С. 121–123.

²⁴ Дерзаева Г. Г. Зарубежный опыт формирования информации об операциях с ценными бумагами СУКУК // Международный бухгалтерский учет. 2025. Т. 28. № 4. С. 81–96.

²⁵ Банк России. Обзор финансового рынка. 2024 : годовой отчёт / Центральный банк Российской Федерации. — Режим доступа: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/55239/ar_2024.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

трлн рублей на начало 2022 года до более чем 78 трлн рублей к середине 2024 года. Это свидетельствует о том, что несмотря на высокие процентные ставки, потребность корпораций в заёмных ресурсах продолжает расти — в том числе за счёт замещения иностранного долга отечественным банковским финансированием²⁶.

Структура корпоративного кредитного портфеля российских банков претерпела качественные изменения. Возросла доля кредитов компаниям военно-промышленного комплекса, строительства и сельского хозяйства, тогда как удельный вес торговых и транспортных компаний несколько снизился. Одновременно наблюдается увеличение среднего срока кредитования — что отражает смещение спроса в сторону инвестиционных, а не оборотных кредитов²⁷.

Принципиально важным аспектом банковского кредитования является система требований к заёмщикам. Крупные корпорации, как правило, имеют возможность привлекать кредиты на условиях более низких ставок, опираясь на значительный объём залогового обеспечения, высокие кредитные рейтинги и долгосрочные партнёрские отношения с банками. Для компаний среднего масштаба условия существенно жёстче, а ставка нередко превышает среднерыночный уровень на 2–4 процентных пункта²⁸.

Синдицированное кредитование представляет собой особую форму банковского финансирования, при которой несколько кредитных организаций совместно предоставляют крупный займ единственному заёмщику. Данный инструмент востребован прежде всего крупнейшими корпорациями, чьи потребности в финансировании превышают лимиты, доступные от одного банка²⁹.

До 2022 года российские корпорации активно привлекали синдицированные кредиты как в рублях, так и в иностранной валюте, нередко при участии западных банков. После введения санкций международные синдикаты оказались практически недоступны, что вынудило компании переориентироваться на рублёвые синдикаты с участием отечественных кредитных организаций. Внутренний рынок синдицированного кредитования продемонстрировал определённую гибкость, однако не смог полностью компенсировать выпавший объём международного финансирования³⁰.

Корпоративные облигации занимают особое место в системе долгового финансирования, предоставляя компаниям прямой доступ к ресурсам

²⁶ Банк России. Обзор финансового рынка. 2024 : годовой отчёт / Центральный банк Российской Федерации. — Режим доступа: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/55239/ar_2024.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

²⁷ Меркушева В. С., Перков Е. А. Об актуальности трансформации корпоративных стратегий компаний в условиях санкционных ограничений // ЭВ. 2025. № 1 (40). С. 128–132.

²⁸ Романов В. В., Асхабалиев И. Ч. Актуальные аспекты проведения финансового анализа в современном периоде // Региональная и отраслевая экономика. 2024. № 6. С. 47–51.

²⁹ Гурбаназаров А. О. Современный рынок ценных бумаг // Вестник науки. 2023. № 2 (59). С. 33–36.

³⁰ Чеканов П. Е. Синдицированное кредитование: тенденции развития в Российской Федерации // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2023. № 61. С. 96–112.

широкого круга инвесторов без посредничества банков. Облигационный рынок позволяет привлекать крупные суммы на длительные сроки, диверсифицировать кредиторскую базу и в ряде случаев добиться более низкой стоимости заимствований по сравнению с банковским кредитом³¹.

Российский рынок корпоративных облигаций в 2022–2024 годах претерпел существенные структурные изменения. Эмитенты, ранее размещавшие еврооблигации на западных площадках, вынуждены были полностью переориентироваться на внутренний рынок. Объём первичных размещений корпоративных облигаций на Московской бирже заметно вырос: по данным биржи, в 2023 году было размещено бумаг на сумму свыше 5 трлн рублей, что почти вдвое превышает показатель 2020 года³².

Таблица 2

Динамика первичных размещений корпоративных облигаций на Московской бирже, 2020–2024 гг.

Год	Объём размещений, млрд руб.	Количество выпусков	Средний срок обращения, лет	Средняя доходность при размещении, %
2020	2 614	412	3,2	6,8
2021	3 187	487	3,8	7,4
2022	3 021	398	2,9	10,3
2023	5 134	631	3,1	12,7
2024	4 892	578	2,8	15,2

Источник: составлено на основе данных Московской биржи и аналитических обзоров НКР.

Данные таблицы наглядно иллюстрируют неоднозначную динамику рынка корпоративных облигаций. Рекордный объём размещений 2023 года объясняется сочетанием нескольких факторов: повышенным спросом со стороны розничных инвесторов, переориентацией компаний с западных площадок на внутренний рынок, а также увеличением доходностей, сделавшим облигации привлекательным инструментом для широкого круга покупателей. Снижение показателей в 2024 году при сохранении высоких ставок свидетельствует об исчерпании части эмиссионного потенциала и осторожности эмитентов в условиях дорогих денег. Примечательно сокращение среднего срока обращения облигаций: в условиях высокой неопределённости эмитенты предпочитают более короткие обязательства.

Доступ к облигационному рынку распределён крайне неравномерно. Системообразующие корпорации с высокими кредитными рейтингами (уровня А и выше по российской шкале) размещают бумаги на выгодных условиях, тогда как эмитенты второго и третьего эшелонов вынуждены предлагать инвесторам значительную премию за риск. Дифференциал

³¹ Вовченко Н. Г., Тимофеева Д. Ю., Звонков А. В. Таксономия зеленых финансов: анализ приоритетов развития ответственных инвестиций и гармонизация ESG-рейтингов // Учет и статистика. 2023. № 4 (72). С. 115–127.

³² Московская биржа. Годовой отчёт 2024 / ПАО «Московская Биржа ММВБ-РТС». — Режим доступа: <https://fs.moex.com/f/22093/04-mosbirzha-ar2024-rus.pdf> (дата обращения: 20.03.2026).

доходностей между первым и третьим эшелонам в 2023–2024 годах составлял 4–7 процентных пунктов, что отражает существенную сегментацию рынка³³.

Лизинг занимает особое место в системе корпоративного финансирования, поскольку позволяет приобретать активы без их немедленной оплаты полной стоимости и при этом сохранять ликвидность. Финансовый лизинг экономически сопоставим с кредитом, поскольку предполагает полную амортизацию предмета лизинга в течение договора и последующий переход права собственности к лизингополучателю³⁴.

Российский рынок лизинга в 2022–2024 годах демонстрировал устойчивый рост, несмотря на санкционные ограничения. По данным «Эксперт РА», объём нового бизнеса в сегменте лизинга превысил 3,5 трлн рублей в 2023 году. Особенно активно лизинговые инструменты применяются в авиации, железнодорожном транспорте, строительстве и агропромышленном комплексе³⁵. Уход западных лизинговых компаний с российского рынка создал определённый дефицит в специализированных сегментах, однако был частично компенсирован расширением деятельности отечественных лизингодателей и приходом игроков из дружественных стран.

Налоговые преимущества лизинга — ускоренная амортизация с коэффициентом до 3 и возможность включения лизинговых платежей в себестоимость — делают его конкурентоспособным по отношению к банковскому кредиту даже при сопоставимом номинальном удорожании. Именно поэтому многие корпорации при финансировании долгосрочных капитальных вложений рассматривают лизинг как приоритетный инструмент.

4. Привлечённые источники финансирования корпораций

Публичное размещение акций (IPO) и последующие дополнительные эмиссии (SPO) теоретически обеспечивают корпорации доступ к крупным объёмам долевого финансирования без возникновения обязательств по возврату средств. Инвестор, приобретающий акции, принимает на себя риск участника бизнеса и ожидает дохода в форме дивидендов и прироста рыночной стоимости вложений³⁶.

Российский рынок первичных размещений переживает в 2023–2024 годах определённое оживление после почти двухлетнего затишья. В 2023 году на Московской бирже состоялось несколько значимых IPO — Henderson, Совкомбанк, «Южуралзолото» и ряд других компаний вышли на публичный рынок, привлекая интерес как институциональных, так и розничных инвесторов. По оценкам аналитиков, суммарный объём привлечённых средств

³³ Обзор рынка публичного долга. 2023 / НКР (Национальные Кредитные Рейтинги). — Москва, 2024. — 87 с.

³⁴ Хайруллин Б. А. Цифровые инструменты корпоративного финансирования // Экономика и предпринимательство. 2025. № 8 (181). С. 1176–1179.

³⁵ Рынок лизинга по итогам 2023 года : аналитический обзор / Рейтинговое агентство «Эксперт РА». — Режим доступа: <https://raexpert.ru/researches/leasing/2023/> (дата обращения: 20.03.2026).

³⁶ Неклюдов С. В. Глобальные финансовые катаклизмы и их влияние на систему корпоративных финансов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2025. № 2. С. 39–60.

через IPO в 2023 году превысил 40 млрд рублей, а в 2024 году число публичных размещений продолжило расти³⁷.

Тем не менее эмиссионное финансирование сопряжено с рядом серьёзных ограничений. Дополнительная эмиссия акций размывает доли существующих акционеров (эффект разводнения), что нередко воспринимается рынком негативно и ведёт к снижению котировок. Кроме того, процедура публичного размещения требует значительных расходов — на андеррайтинг, юридическое сопровождение, листинговые сборы — которые в совокупности могут составлять 3–7% от привлечённой суммы.

Принципиально важным фактором является рыночная конъюнктура. В условиях высоких процентных ставок, которые характеризуют российскую экономику в 2024–2025 годах, инвесторы склонны предъявлять повышенные требования к доходности акций, что снижает оценочные мультипликаторы при размещении. Соответственно, компании получают меньше средств за тот же пакет акций, что делает эмиссионное финансирование относительно менее выгодным по сравнению с периодами низких ставок³⁸.

Для корпораций, реализующих инновационные проекты или находящихся на стадии активного роста, важным источником финансирования выступает частный капитал — в форме венчурных инвестиций, прямых инвестиций (private equity) и различных квазикапитальных инструментов³⁹. Данная форма финансирования предполагает участие инвестора в управлении компанией и ориентирована на выход с прибылью через несколько лет.

Российский рынок венчурных инвестиций в 2022–2023 годах претерпел существенные структурные изменения. Уход западных фондов и инвесторов, которые ранее доминировали в сегменте высокотехнологичных стартапов, создал определённый вакуум. Тем не менее государственные институты развития — РФПИ, фонды РВК и Сколково — наращивают активность, а отдельные отечественные family office и корпоративные венчурные фонды фиксируют рост интереса к технологическим проектам в оборонно-промышленной и импортозамещающей тематике⁴⁰.

Государство выступает значимым участником системы корпоративного финансирования через несколько каналов. Во-первых, прямые субсидии и бюджетные инвестиции направляются в стратегически значимые отрасли — ВПК, авиастроение, судостроение, микроэлектронику. Во-вторых, льготные кредитные программы, реализуемые через Фонд развития промышленности, Корпорацию МСП и региональные институты развития, обеспечивают доступ

³⁷ Московская биржа. Годовой отчёт 2024 / ПАО «Московская Биржа ММВБ-РТС». — Режим доступа: <https://fs.moex.com/f/22093/04-mosbirzha-ar2024-rus.pdf> (дата обращения: 20.03.2026).

³⁸ Гребенников П. И. Корпоративные финансы : учебник и практикум для вузов / П. И. Гребенников, Л. С. Тарасевич. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2026. — 252 с.

³⁹ Ван Ябин. Анализ влияния санкций на экономическую безопасность России: вызовы и возможности // Финансы и управление. 2024. № 4. С. 181–202.

⁴⁰ Никитина М. Г., Кузнецов М. М. Формирование внешнеторговой стратегии Российской Федерации в условиях санкционного давления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2024. № 2. С. 60–82.

к ресурсам по ставкам ниже рыночных. В-третьих, налоговые льготы и инвестиционные налоговые вычеты снижают фискальную нагрузку, косвенно высвобождая ресурсы для инвестирования⁴¹.

После 2022 года роль государства в корпоративном финансировании ощутимо возросла. Программы льготного кредитования расширились, объём субсидий на поддержку стратегических отраслей увеличился, а механизмы специального инвестиционного контракта (СПИК) и соглашения о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК) получили дополнительный импульс. По данным Министерства финансов РФ, суммарный объём государственной поддержки инвестиционной деятельности вырос с 1,2 трлн рублей в 2021 году до более чем 2,5 трлн рублей в 2023 году⁴².

5. Оценка стоимости источников финансирования и оптимизация структуры капитала

Стоимость источника финансирования — это минимальная доходность, которую корпорация должна обеспечивать по активам, профинансированным из данного источника, чтобы не снижать рыночную стоимость компании. Каждый источник имеет свою специфическую стоимость, определяемую рыночными условиями, налоговым режимом и индивидуальными характеристиками корпорации⁴³.

Стоимость собственного капитала, в отличие от заёмного, не имеет явного контрактного выражения. Для её оценки применяются модели CAPM (Capital Asset Pricing Model) и метод дивидендного дисконтирования (DDM). Модель CAPM определяет требуемую доходность акционера как сумму безрисковой ставки и произведения бета-коэффициента (меры систематического риска акции) на рыночную премию за риск⁴⁴. В российских условиях выбор безрисковой ставки представляет методологическую сложность в связи с волатильностью суверенного риска и изменениями на рынке ОФЗ.

Стоимость заёмного капитала после налогообложения рассчитывается как произведение процентной ставки по долгу на коэффициент $(1 - \text{ставка налога на прибыль})$. При стандартной ставке налога на прибыль 20% и процентной ставке по кредиту 18% эффективная посленалоговая стоимость долга составляет 14,4%, что делает долговое финансирование относительно выгодным по сравнению с собственным капиталом при прочих равных

⁴¹ Росстат. Инвестиции в России — 2024 : стат. сборник / Федеральная служба государственной статистики. — Москва : Росстат, 2024. — 287 с.

⁴² Там же.

⁴³ Лукасевич И. Я. Финансовый менеджмент : учебник и практикум для вузов / И. Я. Лукасевич. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2026. — 680 с.

⁴⁴ Неклюдов С. В. Глобальные финансовые катаклизмы и их влияние на систему корпоративных финансов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2025. № 2. С. 39–60.

условиях. Однако рост ставок в 2024 году до 21–23% для большинства заёмщиков существенно сократил это преимущество⁴⁵.

Средневзвешенная стоимость капитала (WACC — Weighted Average Cost of Capital) является интегральным показателем, отражающим стоимость всей совокупности источников финансирования с учётом их удельного веса в структуре капитала. WACC используется как ставка дисконтирования при оценке инвестиционных проектов и служит ориентиром при принятии решений о структуре капитала. Динамика WACC для российских публичных компаний в 2022–2024 годах характеризовалась устойчивым ростом — что отражало общее удорожание ресурсов на финансовых рынках⁴⁶.

Выбор источника финансирования определяется совокупностью взаимосвязанных факторов. Первоочередное значение имеет соответствие срочности источника и планируемого срока использования средств: долгосрочные активы должны финансироваться долгосрочными источниками, а краткосрочные потребности в оборотном капитале — краткосрочными инструментами. Нарушение этого принципа создаёт риски ликвидности⁴⁷.

Вторым ключевым фактором является стоимость привлечения. В условиях высоких ставок финансовое планирование всё чаще предполагает детальное сопоставление стоимости альтернативных источников с учётом налогового щита, транзакционных издержек и скрытых затрат (таких как ограничительные ковенанты в кредитных договорах или снижение финансовой гибкости при высокой долговой нагрузке).

Третий фактор — финансовая гибкость и сохранение резервного заёмного потенциала. Компания, исчерпавшая лимиты долговой нагрузки, теряет возможность оперативно привлечь финансирование при возникновении благоприятных инвестиционных возможностей. Поэтому многие корпорации сознательно поддерживают уровень долга ниже оптимального с точки зрения налоговой выгоды, формируя тем самым «долговой резерв»⁴⁸.

Четвёртым существенным фактором являются ковенанты и ограничения. Кредитные договоры и условия облигационных займов нередко содержат ограничительные условия, касающиеся уровня долговой нагрузки (соотношения долг/EBITDA), величины дивидендных выплат, сделок M&A и отчуждения активов. Принятие подобных ограничений сужает управленческую гибкость и должно приниматься во внимание при оценке реальной стоимости заёмных ресурсов⁴⁹.

⁴⁵ Банк России. Обзор финансового рынка. 2024 : годовой отчёт / Центральный банк Российской Федерации. — Режим доступа: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/55239/ar_2024.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

⁴⁶ Дамодаран А. Инвестиционная оценка: инструменты и методы оценки любых активов : практическое руководство / А. Дамодаран. — 5-е изд. — Москва : Альпина Паблишер, 2026. — 1339 с.

⁴⁷ Чопанова Я. М., Пирлиева С. М. Источники финансирования и финансовые ресурсы // Вестник науки. 2023. № 4 (61). С. 121–123.

⁴⁸ Myers S. C. The Capital Structure Puzzle // Journal of Finance. — 2022. — Vol. 77, No. 3. — P. 134–201.

⁴⁹ Гурбанназаров А. О. Современный рынок ценных бумаг // Вестник науки. 2023. № 2 (59). С. 33–36.

Анализ финансовой отчётности крупнейших российских публичных корпораций позволяет выявить ряд устойчивых закономерностей в их подходах к формированию структуры капитала. Нефтегазовые компании, генерирующие значительные свободные денежные потоки, традиционно придерживаются консервативной долговой политики с коэффициентом долг/EBITDA, как правило, не превышающим 1,5–2,0. Телекоммуникационные и ритейловые корпорации, напротив, исторически более склонны к финансовому рычагу, нередко поддерживая соотношение долг/EBITDA на уровне 2,5–4,0 [20, с. 89].

Таблица 3.

Структура капитала крупнейших российских публичных корпораций, 2023 г.

Компания	Отрасль	Доля собственного капитала, %	Соотношение долг/EBITDA	Кредитный рейтинг (НРА/АКРА)
Роснефть	Нефтегаз	38,2	1,8	AAA
Газпром	Нефтегаз	55,7	2,3	AAA
Норильский никель	Металлургия	29,4	1,6	AA+
МТС	Телекоммуникации	12,1	3,4	AA
Магнит	Ритейл	21,3	2,9	A+
Сбербанк	Финансы	13,8	н/д	AAA
ФосАгро	Химия	34,6	1,2	AA+

Источник: составлено на основе годовых отчётов компаний за 2023 год и данных рейтинговых агентств АКРА и НКР.

Данные таблицы подтверждают значимую отраслевую дифференциацию в структуре капитала. Компании с высокой материальной базой активов и стабильными денежными потоками (нефтегаз, металлургия, химия) поддерживают более высокую долю собственного капитала и умеренный долговой рычаг. Телекоммуникационные и торговые компании, характеризующиеся меньшей капиталоемкостью, но более высокой стабильностью выручки, традиционно используют более агрессивную долговую политику. Наличие высоких кредитных рейтингов у всех представленных в таблице компаний обеспечивает им доступ к финансированию на конкурентных условиях.

Санкции, введённые против России в 2022 году, кардинально изменили ландшафт корпоративного финансирования. Крупнейшие российские корпорации лишились доступа к западным долговым рынкам, что повлекло необходимость рефинансирования значительных объёмов еврооблигационного долга и синдицированных кредитов с участием западных банков. По оценкам, суммарный объём внешнего долга, подлежащего погашению или рефинансированию в 2022–2023 годах, составил порядка 100–120 млрд долларов⁵⁰.

⁵⁰ Ван Ябин. Анализ влияния санкций на экономическую безопасность России: вызовы и возможности // Финансы и управление. 2024. № 4. С. 181–202

Реакция корпораций на новые ограничения включала несколько направлений. Часть внешнего долга была погашена за счёт накопленных ликвидных резервов. Другая часть была рефинансирована через отечественные банки или путём размещения рублёвых облигаций на внутреннем рынке. Ряд компаний активизировал работу с партнёрами из дружественных стран — китайскими, индийскими и ближневосточными банками — для привлечения финансирования в альтернативных валютах.

Переориентация на внутренние источники имеет как положительные стороны (снижение валютного риска, развитие национального финансового рынка), так и ограничения. Ёмкость внутреннего рынка капитала значительно уступает глобальным рынкам, а высокий уровень ключевой ставки делает рублёвое финансирование дорогостоящим. В совокупности это создаёт финансовые ограничения для крупных инвестиционных программ, особенно в секторах, требующих длинных денег.

6. Перспективы и новые инструменты корпоративного финансирования

В 2021–2022 годах значительный импульс в корпоративном финансировании получило ESG-направление — «зелёные» и социальные облигации, устойчивые кредиты. Для российских компаний этот вектор приобрёл специфическое измерение после 2022 года: международные ESG-стандарты оказались во многом недоступны, однако внутренняя регуляторная инфраструктура для зелёного финансирования продолжает развиваться⁵¹.

Банк России и Московская биржа сохранили инфраструктуру для листинга ESG-инструментов, а ряд крупных эмитентов — РЖД, ДОМ.РФ, Сбербанк — продолжил выпуск «зелёных» и социальных облигаций, ориентированных преимущественно на внутренний рынок. Объём внутреннего рынка ESG-облигаций, по данным Московской биржи, вырос с 160 млрд рублей в 2021 году до более чем 350 млрд рублей к концу 2023 года⁵².

Принятие в России закона о цифровых финансовых активах (ЦФА) в 2020 году открыло правовое пространство для нового класса инструментов финансирования. ЦФА представляют собой цифровые права, выпускаемые на блокчейн-платформах и позволяющие привлекать финансирование с использованием технологий распределённого реестра. В 2022–2024 годах рынок ЦФА начал активно развиваться: Сбербанк, ВТБ, Альфа-Банк, а также специализированные платформы (Атомайз, Лайтхаус) осуществили серию выпусков⁵³.

⁵¹ Вовченко Н. Г., Тимофеева Д. Ю., Звонков А. В. Таксономия зеленых финансов: анализ приоритетов развития ответственных инвестиций и гармонизация ESG-рейтингов // Учет и статистика. 2023. № 4 (72). С. 115–127.

⁵² Московская биржа. Годовой отчёт 2024 / ПАО «Московская Биржа ММВБ-РТС». — Режим доступа: <https://fs.moex.com/f/22093/04-mosbirzha-ar2024-rus.pdf> (дата обращения: 20.03.2026).

⁵³ Дерзаева Г. Г. Зарубежный опыт формирования информации об операциях с ценными бумагами СУКУК // Международный бухгалтерский учет. 2025. Т. 28. № 4. С. 81–96.

Корпоративный интерес к ЦФА объясняется рядом практических преимуществ. Технология позволяет сократить транзакционные издержки, ускорить расчёты и обеспечить доступ к финансированию для компаний, не имеющих возможности провести традиционное публичное размещение. Тем не менее рынок ЦФА в России ещё находится на раннем этапе развития, и его масштаб несопоставим с традиционными сегментами.

Краудфандинговые платформы и инвестиционные платформы в соответствии с Федеральным законом № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» представляют собой альтернативный канал финансирования для компаний малого и среднего бизнеса. Для крупных корпораций данный инструмент имеет ограниченное применение, однако его роль в сегменте быстрорастущих технологических компаний постепенно возрастает⁵⁴.

Рисунок 1. Структура источников финансирования инвестиций российских нефинансовых корпораций в 2023 году

Источник: Росстат, данные о структуре финансирования инвестиций в основной капитал, 2023 г.

Структура источников финансирования инвестиционной деятельности российских корпораций в 2023 году демонстрирует очевидное доминирование внутренних ресурсов: собственные средства обеспечили почти три пятых от общего объёма. Это подтверждает гипотезу о том, что в условиях высоких ставок и ограниченного доступа к международным рынкам капитала российские корпорации вынуждены опираться прежде всего на генерируемые денежные потоки. Банковское кредитование, занимающее второе место,

⁵⁴ Незамайкин В. Н. Финансовый менеджмент : учебник для вузов / В. Н. Незамайкин, И. Л. Юрзинова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2026. — 382 с.

остаётся значимым, однако его доля сократилась относительно докризисных периодов. Бюджетные средства при всей своей доступности для ограниченного круга стратегических предприятий составляют менее одной десятой от общего объёма, что ограничивает их роль в широкой корпоративной практике.

Заключение

Проведённый анализ источников финансирования корпоративной деятельности позволяет сформулировать ряд содержательных выводов.

Собственные средства — нераспределённая прибыль и амортизационные отчисления — занимают доминирующее положение в структуре корпоративного финансирования в России, обеспечивая около 58–60% инвестиционных ресурсов. Это соответствует логике теории иерархии источников и в значительной мере обусловлено высокой рентабельностью сырьевых корпораций, составляющих основу российской крупной промышленности. В условиях закрытия международных рынков и удорожания внутреннего кредита значимость внутреннего финансирования только возрастает.

Банковское кредитование сохраняет роль важнейшего внешнего источника, однако его условия претерпели кардинальные изменения. Повышение ключевой ставки до 16–21% в 2023–2024 годах существенно увеличило стоимость кредитных ресурсов, ограничив доступ к заёмному финансированию для компаний с невысокой рентабельностью. Системообразующие корпорации с высокими кредитными рейтингами сохраняют конкурентные условия привлечения, тогда как компании второго эшелона оказались в условиях значительного удорожания долга.

Облигационный рынок продемонстрировал способность к адаптации: переориентировавшись с западных площадок на внутренний рынок, российские эмитенты достигли рекордных объёмов размещений в 2023 году. Вместе с тем высокие ставки привели к сокращению среднего срока обращения облигаций, что снижает инвестиционную ценность данного инструмента для финансирования долгосрочных проектов.

Акционерное финансирование остаётся ограниченным в силу структурных особенностей российского фондового рынка и концентрированной структуры собственности в крупных корпорациях. Намечившееся оживление рынка IPO в 2023–2024 годах не изменяет принципиально роли эмиссионного финансирования, которая остаётся вспомогательной по отношению к внутренним и долговым источникам.

Государственное финансирование приобрело возросшее значение после 2022 года, однако остаётся доступным преимущественно для компаний стратегических отраслей. Новые инструменты — ЦФА, ESG-облигации, инвестиционные платформы — находятся на ранней стадии развития и пока не оказывают существенного влияния на общую структуру корпоративного финансирования.

Оптимизация структуры капитала в современных российских условиях предполагает максимизацию использования внутренних источников, избирательное привлечение банковского кредита и облигационных займов с учётом реальной стоимости заимствований, а также поддержание резервного долгового потенциала для обеспечения финансовой гибкости. Выбор между конкретными инструментами должен основываться на детальном анализе стоимости каждого источника, временном горизонте финансируемых потребностей и ограничениях, вытекающих из структуры корпоративного управления.

Использованные источники:

1. Меркушева В. С., Перков Е. А. Об актуальности трансформации корпоративных стратегий компаний в условиях санкционных ограничений // ЭВ. 2025. № 1 (40). С. 128–132.
2. Лукасевич И. Я. Финансовый менеджмент: учебник и практикум для вузов / И. Я. Лукасевич. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2026. — 680 с.
3. Незамайкин В. Н. Финансовый менеджмент: учебник для вузов / В. Н. Незамайкин, И. Л. Юрзинова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2026. — 382 с.
4. Леонтьев В. Е. Корпоративные финансы: учебник для вузов / В. Е. Леонтьев, В. В. Бочаров, Н. П. Радковская. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2026. — 341 с.
5. Дамодаран А. Инвестиционная оценка: инструменты и методы оценки любых активов: практическое руководство / А. Дамодаран. — 5-е изд. — Москва: Альпина Паблишер, 2026. — 1339 с.
6. Чопанова Я. М., Пирлиева С. М. Источники финансирования и финансовые ресурсы // Вестник науки. 2023. № 4 (61). С. 121–123.
7. Рынок лизинга по итогам 2023 года: аналитический обзор / Рейтинговое агентство «Эксперт РА». — Режим доступа: <https://raexpert.ru/researches/leasing/2023/> (дата обращения: 20.03.2026).
8. Дерзаева Г. Г. Зарубежный опыт формирования информации об операциях с ценными бумагами СУКУК // Международный бухгалтерский учет. 2025. Т. 28. № 4. С. 81–96.
9. Романов В. В., Асхабалиев И. Ч. Актуальные аспекты проведения финансового анализа в современном периоде // Региональная и отраслевая экономика. 2024. № 6. С. 47–51.
10. Неклюдов С. В. Глобальные финансовые катаклизмы и их влияние на систему корпоративных финансов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2025. № 2. С. 39–60.
11. Гребенников П. И. Корпоративные финансы: учебник и практикум для вузов / П. И. Гребенников, Л. С. Тарасевич. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2026. — 252 с.

12. Myers S. C. The Capital Structure Puzzle // Journal of Finance. — 2022. — Vol. 77, No. 3. — P. 134–201.
13. Хайруллин Б. А. Цифровые инструменты корпоративного финансирования // Экономика и предпринимательство. 2025. № 8 (181). С. 1176–1179.
14. Вылегжанина Е. В., Дубовка К. Р. Понятие и источники формирования финансовых ресурсов корпораций // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 10 (128). С. 72–76.
15. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) : от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 22.03.2026).
16. Абдулаева З. М., Кудусов Л., Алиев Р. И. Анализ финансовой отчетности и его роль в управлении финансами // Индустриальная экономика. 2022. № 5. С. 814–817.
17. Росстат. Инвестиции в России — 2024: стат. сборник / Федеральная служба государственной статистики. — Москва: Росстат, 2024. — 287 с.
18. Банк России. Обзор финансового рынка. 2024: годовой отчет / Центральный банк Российской Федерации. — Режим доступа: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/55239/ar_2024.pdf (дата обращения: 20.03.2026).
19. Гурбанназаров А. О. Современный рынок ценных бумаг // Вестник науки. 2023. № 2 (59). С. 33–36.
20. Чеканов П. Е. Синдицированное кредитование: тенденции развития в Российской Федерации // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2023. № 61. С. 96–112.
21. Вовченко Н. Г., Тимофеева Д. Ю., Звонков А. В. Таксономия зеленых финансов: анализ приоритетов развития ответственных инвестиций и гармонизация ESG-рейтингов // Учет и статистика. 2023. № 4 (72). С. 115–127.
22. Московская биржа. Годовой отчет 2024 / ПАО «Московская Биржа ММВБ-РТС». — Режим доступа: <https://fs.moex.com/f/22093/04-mosbirzha-ar2024-rus.pdf> (дата обращения: 20.03.2026).
23. Обзор рынка публичного долга. 2023 / НКР (Национальные Кредитные Рейтинги). — Москва, 2024. — 87 с.
24. Ван Ябин. Анализ влияния санкций на экономическую безопасность России: вызовы и возможности // Финансы и управление. 2024. № 4. С. 181–202.
25. Никитина М. Г., Кузнецов М. М. Формирование внешнеторговой стратегии Российской Федерации в условиях санкционного давления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2024. № 2. С. 60–82.

*Матназарова М. Б., PhD
доцент
Ташкентский филиал
Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена
Ахмедова М.А.
базовый докторант
Ташкентский филиал
Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена.*

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ 5–9 КЛАССОВ

***Аннотация:** В данной статье разрабатывается лингводидактическое содержание межкультурной коммуникативной компетенции для учащихся 5–9 классов, а также модель, включающая когнитивный, эмоционально-ценностный, деятельностный и рефлексивный компоненты. На основе подходов к обучению английскому языку, опирающихся на единство языка и культуры, определяются содержательные направления подготовки к межкультурному общению. Представленная модель становится концептуальной основой для дальнейшей разработки методики обучения, критериев оценивания и проведения опытно-экспериментальной работы.*

***Ключевые слова:** межкультурная коммуникативная компетенция, учащиеся 5–9 классов, лингводидактическое содержание, структурные компоненты, обучение английскому языку, лингвокультурологический подход.*

*Matnazarova M.B., PhD
associate professor
Tashkent Branch of the Herzen State Pedagogical University of Russia
Ahmedova M.A.
Doctoral Researcher
Tashkent Branch of the Herzen State Pedagogical University of Russia*

LINGUODIDACTIC CONTENT AND STRUCTURAL COMPONENTS OF INTERCULTURAL COMMUNICATIVE COMPETENCE FOR STUDENTS IN GRADES 5–9

***Annotation:** This article develops the linguodidactic content of intercultural communicative competence for students of grades 5–9 and proposes a model consisting of cognitive, emotional-attitudinal, activity-based, and reflective components. Based on approaches to English language teaching grounded in the*

unity of language and culture, the study identifies key content areas aimed at preparing learners for intercultural communication. The proposed model serves as a conceptual framework for further development of teaching methodology, assessment criteria, and experimental research.

Keywords: *intercultural communicative competence, students of grades 5–9, linguodidactic content, structural components, English language teaching, linguocultural approach.*

В условиях глобализации процесс обучения иностранному языку в общеобразовательных школах требует формирования у учащихся не только лингвистических знаний и речевых навыков, но и способности эффективно вступать в общение с представителями различных культур. Коммуникативная деятельность школьника не ограничивается лишь усвоением языковой системы, а включает также учет культурных норм и ценностей в процессе общения, толерантное отношение к «другому», конструктивное восприятие культурных различий. Поэтому определение содержания межкультурной коммуникативной компетенции именно на этапе общего среднего образования, в частности для 5–9 классов, является одной из актуальных задач теории и практики обучения иностранным языкам.

В существующих теоретических источниках можно встретить различные модели межкультурной коммуникативной компетенции, в большинстве которых язык, культура, отношение и рефлексия трактуются как взаимосвязанные компоненты. Однако значительная часть этих моделей разработана для взрослой аудитории или условий высшего образования. Между тем учащиеся 5–9 классов находятся на особом этапе психологического и социального развития, когда активно формируются мировоззрение, самосознание и система ценностей, выстраиваемая в процессе взаимодействия с окружающими. С этой точки зрения возникает необходимость определить лингводидактическое содержание межкультурной коммуникативной компетенции, адаптированное именно для данной возрастной категории, а также педагогически обосновать ее структурные компоненты.

Кроме того, хотя в системе общего среднего образования Узбекистана государственные образовательные стандарты и учебные программы по иностранному языку отводят ведущую роль коммуникативному подходу, межкультурный компонент во многих случаях остается на уровне общих указаний. Несмотря на то, что на уроках английского языка используются аутентичные тексты, культуроведческая информация и интерактивные формы занятий, их целенаправленная интеграция в систему формирования межкультурной компетенции пока не получила единого концептуального оформления. В этом плане определение лингводидактического содержания межкультурной

коммуникативной компетенции и предложение ее структурной модели с учетом возрастных и психологических особенностей учащихся 5–9 классов представляет собой важную научно-практическую задачу, направленную на восполнение существующего пробела.

Цель данной статьи заключается в определении лингводидактического содержания межкультурной коммуникативной компетенции для учащихся 5–9 классов, а также в представлении ее структурных компонентов в виде научно обоснованной модели. Для реализации данной цели были поставлены следующие задачи:

1. Обосновать необходимость формирования межкультурной коммуникативной компетенции с точки зрения возрастных и психологических особенностей учащихся 5–9 классов;

2. Определить основные направления и принципы, раскрывающие лингводидактическое содержание межкультурной коммуникативной компетенции в обучении английскому языку;

3. Разработать модель межкультурной коммуникативной компетенции для учащихся 5–9 классов, включающую когнитивный, эмоционально-ценностный, деятельностный и рефлексивный компоненты, а также показать ее научно-педагогическое значение.

Раздел 1. Межкультурная коммуникативная компетенция с точки зрения возрастных и психологических особенностей учащихся 5–9 классов.

1.1. Психолого-педагогические особенности возрастного периода 5–9 классов

Учащиеся 5–9 классов находятся на начальном и среднем этапах подросткового возраста, который характеризуется ускорением интеллектуального, эмоционального и социального развития личности. На данном этапе у школьников постепенно совершенствуется абстрактно-логическое мышление, вследствие чего они проявляют интерес к сложным понятиям, причинно-следственным связям и анализу социально-культурных явлений. Наряду с этим усиливаются процессы осознания собственного «я», самооценки и идентификации с группой сверстников; это, в свою очередь, повышает интерес учащихся к внешнему миру, в том числе к культуре, образу жизни и ценностям других народов, а также создает основу для формирования у них различных культурных представлений и стереотипов.

В этот возрастной период расширяется круг общения учащихся, и наряду с семьей и классным коллективом они начинают усваивать представления о других культурах через различные источники информации — интернет, социальные сети, средства массовой информации. Поэтому особую значимость приобретает педагогическое

управление культурными образами, сравнениями и оценками, формирующимися в их сознании, а также предупреждение возникновения стереотипных и односторонних представлений. Уроки иностранного языка, в частности занятия по английскому языку, могут выступать эффективным пространством для знакомства учащихся с иными культурами, их сопоставления, осмысления общих и отличительных черт. Следовательно, период обучения в 5–9 классах следует рассматривать как один из благоприятных «сензитивных периодов» для формирования межкультурной коммуникативной компетенции.

1.2. Требования, которые данные особенности предъявляют к формированию межкультурной коммуникативной компетенции

Отмеченные выше психолого-педагогические особенности учащихся 5–9 классов выдвигают ряд специальных требований к процессу формирования межкультурной коммуникативной компетенции. Прежде всего, поскольку в данный период учащиеся эмоционально восприимчивы, открыты новому и склонны к подражанию, педагогическую работу по формированию у них уважения, интереса и эмпатии по отношению к представителям других культур необходимо организовывать целенаправленно. Для этого на уроках английского языка целесообразно не ограничиваться лишь фактологическими сведениями о культуре, а широко использовать ролевые игры, обсуждения и творческие задания, способные «погружать» учащихся в различные культурные ситуации.

Кроме того, в данном возрастном периоде у учащихся начинают проявляться элементы критического мышления, вследствие чего они стремятся сопоставлять различные точки зрения, ценности и поведенческие нормы. Это создает благоприятные условия для формирования рефлексивного и когнитивного компонентов межкультурной коммуникативной компетенции. Используя данную возможность, учитель должен систематически применять вопросы и задания, направляющие учащихся на сопоставление собственной культуры и других культур, выявление общих и отличительных черт, осознание стереотипных представлений и их критическое осмысление. Таким образом, формирование межкультурной коммуникативной компетенции у учащихся 5–9 классов может служить не только усвоению языкового материала, но и осознанному развитию личностной позиции и системы ценностей.

Раздел 2. Лингводидактическое содержание межкультурной коммуникативной компетенции в обучении английскому языку

2.1. Принцип единства языка и культуры

В обучении иностранному языку неразрывная взаимосвязь языка и культуры приводит к трактовке языка как основного средства, отражающего мировоззрение, ценности, социальный опыт и культурные нормы определенного народа. В связи с этим в процессе преподавания

английского языка недостаточно ограничиваться лишь формированием грамматических структур, лексических единиц и речевых навыков, если целью является полноценное развитие межкультурной коммуникативной компетенции. Напротив, обучение языковому материалу должно быть органически связано с культурным контекстом, а учащихся следует побуждать размышлять не только о том, «как это сказать», но и о том, «почему это говорится именно так», «какая культурная норма стоит за данным выражением». Данный принцип выступает в качестве основной методологической позиции при определении лингводидактического содержания межкультурной коммуникативной компетенции.

Подход, основанный на единстве языка и культуры на уроках английского языка, прежде всего должен находить отражение в отборе учебного материала. Аутентичные тексты, диалоги, отражающие реальные коммуникативные ситуации, а также культурно насыщенные задания помогают учащемуся воспринимать язык как «живую систему». При этом учителю следует разъяснять не только семантическую и грамматическую сторону языковых единиц, но и их культурно-прагматические значения; например, целесообразно совместно с учащимися анализировать степень официальности форм обращения, формулы вежливости, способы выражения поздравления, извинения, отказа и других речевых актов в различных культурах. Таким образом, принцип единства языка и культуры занимает центральное место в определении лингводидактического содержания, необходимого для формирования межкультурной коммуникативной компетенции.

2.2. Лингводидактические подходы, обеспечивающие формирование межкультурной коммуникативной компетенции на уроках английского языка

Лингводидактическое содержание, направленное на развитие межкультурной коммуникативной компетенции, включает в себя ряд подходов и принципов. Одним из них является лингвокультурологический подход, который предполагает изучение языка как составной части культуры и интерпретацию языковых единиц в определенном культурном контексте. В соответствии с данным подходом на уроках английского языка учащиеся, работая с фразеологическими единицами, метафорами, национально-культурными реалиями, а также с лексикой, обладающей культурной коннотацией, одновременно усваивают и ту культурную информацию, которая за ними стоит. В результате ученик формируется не только как носитель языковых знаний, но и как субъект, способный понимать другую культуру.

Вторым важным направлением является коммуникативный и деятельностно-ориентированный подход. В его рамках для развития межкультурной коммуникативной компетенции на уроках английского языка необходимо использовать диалоги, ролевые игры, проектные

задания и групповые обсуждения, вовлекающие учащихся в реальные или условные межкультурные ситуации. Например, задания, организованные на основе таких ситуаций, как «встреча иностранного гостя», «участие в международной конференции», «сопоставление различных культурных праздников», помогают учащимся формировать умения адаптировать языковые средства с учетом культурного контекста и принимать во внимание культурный фон собеседника. Вместе с тем вопросы и задания, стимулирующие рефлексию, такие как «как это происходит у нас?», «почему там по-другому?», «какое поведение кажется вам неприемлемым и почему?», способствуют развитию рефлексивного компонента межкультурной коммуникативной компетенции. Следовательно, лингводидактическое содержание межкультурной коммуникативной компетенции должно основываться на интеграции принципа единства языка и культуры, а также коммуникативно-деятельностного подхода.

Раздел 3. Структурные компоненты межкультурной коммуникативной компетенции для учащихся 5–9 классов (авторская модель)

3.1. Характеристика когнитивного, эмоционально-ценностного, деятельностного и рефлексивного компонентов

В первой статье диссертации межкультурная коммуникативная компетенция была теоретически обоснована как многокомпонентное интегративное качество; в данной статье это общее теоретическое определение предлагается в виде практической модели, адаптированной для учащихся 5–9 классов. Авторская модель включает четыре основных компонента: когнитивный, эмоционально-ценностный, деятельностный (поведенческий) и рефлексивный. Когнитивный компонент охватывает знания учащегося о собственной и других культурах — обычаях, образе повседневной жизни, социальных ролях, ценностях, культурных нормах, а также представления о культурно-прагматических значениях языковых единиц. На этапе 5–9 классов для формирования данного компонента необходимо подбирать простые, соответствующие возрасту учащихся, но при этом не закрепляющие стереотипы культурные материалы.

Эмоционально-ценностный компонент выражает такие качества учащегося по отношению к представителям других культур, как интерес, уважение, эмпатия и открытость, а также воспитательные направления, нацеленные на предупреждение ксенофобских и дискриминационных настроений. Для развития данного компонента на уроках английского языка применяются задания, вовлекающие в процесс общения личный опыт и эмоции учащихся, — дискуссии, эссе с выражением собственного мнения, упражнения, направленные на выражение отношения к различным культурным ситуациям. Деятельностный компонент охватывает способность учащегося адекватно использовать языковые и невербальные средства в реальных или условных межкультурных ситуациях; при этом

формируются такие умения, как выбор коммуникативных стратегий, соблюдение речевого этикета, выбор «уместного поведения» в различных культурных контекстах. Рефлексивный компонент предполагает осознание учащимся собственной культурной идентичности, анализ своих взглядов и поступков, а при необходимости — их корректировку. Этот компонент позволяет не ограничивать межкультурную коммуникативную компетенцию лишь внешними поведенческими проявлениями, а связывать ее с внутренними изменениями в личностной позиции и системе ценностей.

3.2. Значение модели для последующих методических исследований

Предложенная четырехкомпонентная модель на последующих этапах диссертации — при разработке методики развития межкультурной коммуникативной компетенции во второй главе и при организации педагогической опытно-экспериментальной работы в третьей главе — будет выполнять функцию концептуального критерия. В частности, предполагается, что метод лингвокультурологического анализа, дидактические материалы и система занятий, применяемые на уроках английского языка, будут целенаправленно ориентированы на развитие когнитивного, эмоционально-ценностного, деятельностного и рефлексивного компонентов. Подбор специальных дидактических заданий, форм занятий и интерактивных методов для каждого компонента в отдельности позволит поэтапно формировать внутреннюю структуру межкультурной коммуникативной компетенции.

В рамках третьей главы данная модель будет составлять теоретическую основу программы педагогического эксперимента и служить опорой при определении критериев и индикаторов оценки межкультурной коммуникативной компетенции. Так, по когнитивному компоненту будут разрабатываться показатели объема и правильности культурных знаний, по эмоционально-ценностному компоненту — уровня открытости и уважения к представителям других культур, по деятельностному компоненту — адекватности стратегий использования языка в межкультурных ситуациях, по рефлексивному компоненту — способности анализировать и корректировать собственное поведение. Таким образом, предложенные в данной статье лингводидактическое содержание и структурная модель формируют в общей концепции диссертации первоначальный теоретический уровень, создающий целостную структуру, непосредственно связанную с последующими методическими и экспериментальными исследованиями.

Для учащихся 5–9 классов были четко определены лингводидактическое содержание и структурное строение межкультурной коммуникативной компетенции. Межкультурная коммуникативная компетенция была интерпретирована как единство когнитивного, эмоционально-ценностного, деятельностного и рефлексивного

компонентов, опирающееся на единство языка и культуры, а также на коммуникативно-деятельностно ориентированное обучение. В качестве основных средств поэтапного развития данных компонентов на уроках английского языка были обозначены аутентичные материалы, лингвокультурологический подход и задания, основанные на межкультурных ситуациях. Предложенная модель служит концептуальной основой для разработки методики, создания критериев оценки и проектирования опытно-экспериментальной работы на последующих этапах диссертационного исследования.

Использованные источники:

1. Byram, Michael. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. Clevedon: Multilingual Matters, 1997. https://openlibrary.org/books/OL661136M/Teaching_and_assessing_intercultural_communicative_competence
2. Deardorff, Darla K. Identification and Assessment of Intercultural Competence as a Student Outcome of Internationalization // Journal of Studies in International Education, 2006, Vol. 10(3), pp. 241–266. DOI: <https://doi.org/10.1177/1028315306287002>
3. Deardorff, Darla K. Intercultural Competence: Conceptual and Theoretical Frameworks // In: Deardorff, D. (ed.). The SAGE Handbook of Intercultural Competence. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2009.
4. Fantini, Alvino E. Intercultural Communicative Competence in Educational Exchange: A Multinational Perspective. ERIC Digest, 2006. <https://eric.ed.gov/?id=ED495696>
5. UNESCO Intercultural Competences: Conceptual and Operational Framework. Paris: UNESCO, 2013. <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000225975>
6. The Evolution of Intercultural Communicative Competence: A Critical Review of Models // Journal of Intercultural Communication, 2019. <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1284796.pdf>
7. Musayeva Sh.I. Problems of Forming Intercultural Communication Competence in Teaching English. <https://zenodo.org/records/5878360>
8. Saidova Z.O'. The Specific Importance of Folk Tales in the Development of Intercultural Communicative Competence. <https://zenodo.org/records/7335721>
9. State Educational Standard of the Republic of Uzbekistan for General Secondary Education (on the subject of foreign language). <https://www.edu.uz/>
10. Yunusova, N. & Mannonova, S. Integrating cultural competence into English language teaching // Journal of Science-Innovative Research in Uzbekistan. 2025. <https://inlibrary.uz/index.php/journal-science-innovative/article/view/82396>
11. Malikaxon Raximdjanova. Developing Critical Thinking and Intercultural Competence in English Language Education // AEPT Journal. 2025. DOI: <https://doi.org/10.60078/3060-4842-2025-vol2-iss1-pp410-416>
12. Embergenova, A. Development of Intercultural Communication Skills of High School Students: Theoretical and Pedagogical Aspect // International Journal of

- Literature and Languages. 2025.
<https://theusajournals.com/index.php/ijll/article/view/7342>
13. Ochilova, V. The Role of Competencies in Intercultural Communication // International Journal of Artificial Intelligence. 2025.
<https://inlibrary.uz/index.php/ijai/article/view/92250>
14. Arzieva, B. A. The Role of Intercultural Competence in Foreign Language Teaching // Journal of Foreign Languages and Linguistics. 2025.
<https://journal.jdpu.uz/index.php/fll/article/view/10865>
15. Shamsiddinova, S. Learning a Language through Cultural Components: Theory and Practice. Conference paper. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.15517225>
16. Khabibullayeva, Sh. K. The Role of Authentic Materials in Developing Intercultural Communicative Competence. Conference/Journal, 2025.
<https://worldlyjournals.com/index.php/ztvdq/article/view/16003>
17. Секерова, А. О роли формирования межкультурной компетенции в обучении иностранному языку // Зарубежная лингвистика и лингводидактика. 2025. DOI: <https://doi.org/10.47689/2181-3701-vol3-iss4-pp55-59>

*Рахманова А.М.
преподаватель
Кафедра “Анализ данных и цифровые технологии”
филиала РЭУ им. Г.В.Плеханова в г.Ташкенте*

ВИРТУАЛЬНЫЕ АССИСТЕНТЫ НА ОСНОВЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМЕ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

***Аннотация:** В статье рассматриваются особенности внедрения виртуальных ассистентов на основе технологий искусственного интеллекта в систему дистанционного образования Республики Узбекистан. Обоснована актуальность применения ИИ-решений в условиях цифровой трансформации образовательной среды, расширения онлайн-обучения и необходимости персонализации учебного процесса.*

***Ключевые слова:** виртуальный ассистент, дистанционное обучение, защита персональных данных.*

*Rakhmanova A.M.
lecturer
Department of Data Analysis and Digital Technologies
Tashkent Branch of the Plekhanov Russian University of Economics*

VIRTUAL ASSISTANTS BASED ON ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN DISTANCE LEARNING

***Abstract:** This article examines the implementation of virtual assistants based on artificial intelligence technologies in the distance education system of the Republic of Uzbekistan. The relevance of using AI solutions in the context of the digital transformation of the educational environment, the expansion of online learning, and the need to personalize the learning process is substantiated.*

***Keywords:** virtual assistant, distance learning, personal data protection.*

В последние годы в Республике Узбекистан активно реализуется политика цифровой трансформации всех сфер общественной жизни, включая систему образования. Развитие дистанционных форм обучения, внедрение электронных образовательных платформ, расширение доступа к интернет-ресурсам и цифровым сервисам обусловили необходимость применения инновационных технологий для повышения качества образовательного процесса.

Особую значимость в этих условиях приобретает использование технологий искусственного интеллекта, которые позволяют автоматизировать образовательные процессы, обеспечивать персонализацию обучения и оперативную обратную связь. В условиях

роста числа обучающихся, расширения дистанционных программ и необходимости индивидуального подхода к каждому студенту виртуальные ассистенты становятся эффективным инструментом поддержки как преподавателей, так и обучающихся.

Для Узбекистана данная тема является особенно актуальной в связи с модернизацией высшего образования, внедрением цифровых платформ и развитием национальной цифровой инфраструктуры. Виртуальные ассистенты способны повысить доступность образовательных услуг, сократить нагрузку на педагогов и способствовать формированию цифровых компетенций у обучающихся [4].

В Узбекистане на государственном уровне реализуются меры по развитию технологий искусственного интеллекта и внедрению их в различные отрасли экономики и социальной сферы [3]. В стратегических документах по цифровому развитию страны особое внимание уделяется созданию условий для подготовки специалистов в области ИИ, развитию научных исследований и интеграции интеллектуальных систем в образование [4].

Международный опыт показывает, что внедрение ИИ в образовательную систему способствует повышению качества обучения и эффективности управления образовательными процессами [1; 2]. Государственные инициативы Узбекистана направлены на формирование нормативно-правовой базы в сфере ИИ, развитие цифровых навыков у педагогов и студентов, а также создание отечественных цифровых решений, адаптированных к национальному контексту [3].

Виртуальные ассистенты представляют собой программные системы, способные взаимодействовать с пользователем в диалоговом режиме и выполнять определённые задачи на основе анализа вводимой информации [1; 2]. В образовательной среде они функционируют как интеллектуальные цифровые помощники, обеспечивающие сопровождение учебного процесса, консультирование обучающихся и поддержку преподавателей [5].

Современные виртуальные ассистенты базируются на технологиях искусственного интеллекта и способны имитировать элементы человеческой коммуникации [1]. В отличие от традиционных автоматизированных систем, работающих по заранее заданным алгоритмам, интеллектуальные ассистенты анализируют запросы пользователей, учитывают контекст взаимодействия и формируют адаптивные ответы [8].

В образовательной практике виртуальные ассистенты могут выполнять функции: консультирование по содержанию учебных дисциплин, навигация по образовательной платформе, напоминание о сроках выполнения заданий, автоматизация обратной связи, сопровождение самостоятельной работы студентов [5; 6].

Функционирование виртуальных ассистентов обеспечивается комплексом современных цифровых технологий. Ключевую роль играет искусственный интеллект, включающий методы машинного обучения и обработки естественного языка (NLP). В образовательной среде данные технологии позволяют реализовать интеллектуальные чат-боты, создавать адаптивные обучающие системы, анализировать учебную активность студентов, формировать персонализированные рекомендации.

Зарубежная практика демонстрирует устойчивый рост интереса к использованию виртуальных ассистентов в образовании. В университетах США, Великобритании и стран ЕС активно внедряются интеллектуальные чат-боты для поддержки студентов в онлайн-курсах [1; 2]. Одним из известных примеров является применение ассистента Jill Watson, разработанного на базе технологий IBM, который использовался в онлайн-курсах для автоматизированных ответов на вопросы студентов [6].

В последние годы система образования Узбекистана активно переходит к цифровой модели, включая внедрение дистанционных и смешанных форм обучения. Основу цифровой образовательной среды составляют электронные образовательные платформы, такие как Moodle, Google Classroom и Microsoft Teams, а также национальные ресурсы для учебных материалов и тестирования студентов.

Важной характеристикой современной образовательной среды является интеграция цифровых технологий на всех уровнях образования — от школ до вузов — что обеспечивает доступ к учебным материалам вне зависимости от географического положения студентов. Появление онлайн-курсов и электронных библиотек позволило расширить возможности для самостоятельного обучения и создания индивидуальных образовательных траекторий.

Несмотря на развитие цифровой инфраструктуры, дистанционное обучение сталкивается с рядом проблем:

1. Преподаватели не всегда могут своевременно реагировать на вопросы студентов в больших группах, что снижает эффективность обучения.

2. Отсутствие живого взаимодействия и ограниченное вовлечение студентов в процесс обучения приводит к снижению учебной активности.

3. Преподаватели вынуждены самостоятельно создавать учебные материалы, проверять задания и консультировать студентов, что значительно увеличивает трудозатраты.

4. Разный уровень навыков работы с цифровыми ресурсами у студентов и педагогов создаёт дополнительные сложности при организации дистанционного обучения.

Эти проблемы подчёркивают необходимость внедрения инструментов, способных автоматизировать рутинные процессы и повысить эффективность образовательного взаимодействия.

Одним из наиболее перспективных решений для улучшения дистанционного обучения является внедрение виртуальных ассистентов на основе искусственного интеллекта. Такие ассистенты способны обеспечивать круглосуточную обратную связь, персонализировать образовательный процесс, снижать нагрузку преподавателей, мотивировать студентов за счёт интерактивного взаимодействия [6; 8].

Процесс внедрения виртуального ассистента в образовательную систему включает несколько ключевых этапов [1; 5]:

1. Определяются цели внедрения, задачи, тип ассистента (текстовый чат-бот, голосовой помощник), а также требования к функционалу и интерфейсу.

2. Создание моделей ИИ, обучение на базе учебных материалов, подготовка сценариев взаимодействия с пользователями.

3. Проверка корректности работы ассистента на ограниченной группе студентов и преподавателей, сбор обратной связи.

4. Интеграция виртуального ассистента в образовательную платформу, сопровождение и мониторинг эффективности.

5. Постоянное обновление алгоритмов, расширение функционала, корректировка на основе данных о взаимодействии с пользователями.

Использование Moodle и аналогичных LMS позволяет обеспечивать централизованное управление образовательными процессами и упрощает масштабирование ассистента на несколько курсов и групп.

Для успешного внедрения виртуальных ассистентов необходимо создать следующие условия:

1. Обучение преподавателей навыкам работы с ИИ и LMS, формирование компетенций по взаимодействию с ассистентом.

2. Обеспечение стабильного интернет-соединения, доступ к облачным сервисам и платформам.

3. Настройка ассистента с учетом образовательных целей и методических требований.

4. Сбор отзывов от студентов и преподавателей для корректировки работы системы.

Эти условия обеспечивают не только техническую, но и педагогическую эффективность внедрения ИИ-ассистентов.

При внедрении виртуальных ассистентов необходимо учитывать следующие риски:

1. Ошибки в работе алгоритмов, перебои в интернет-соединении, некорректная обработка запросов.

2. Ассистенты не всегда способны давать сложные или креативные ответы, что требует участия преподавателя.

3. Недостаточный уровень навыков работы с цифровыми инструментами у студентов и преподавателей может снижать эффективность внедрения.

4. Обработка персональных данных студентов требует соблюдения конфиденциальности и законодательства о защите информации.

5. Возможная зависимость студентов от ассистента, снижение самостоятельности при выполнении заданий.

Внедрение ИИ в образовательный процесс требует соблюдения правил защиты персональных данных и этических норм. Необходимо разрабатывать политики конфиденциальности, защищать данные студентов и преподавателей от несанкционированного доступа и соблюдать нормы обработки информации в соответствии с законодательством Республики Узбекистан [7]. Соблюдение этих принципов повышает доверие пользователей к системе и минимизирует юридические риски.

Использованные источники:

[1] United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. *Artificial Intelligence in Education: Challenges and Opportunities for Sustainable Development*. Paris: UNESCO, 2019.

[2] Organisation for Economic Co-operation and Development. *Artificial Intelligence in Education: A Review of the Literature*. Paris: OECD Publishing, 2021.

[3] Министерство цифровых технологий Республики Узбекистан. Стратегические направления развития цифровой экономики и внедрения технологий искусственного интеллекта в Республике Узбекистан. – Ташкент, 2022.

[4] Министерство высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан. Концепция развития системы высшего образования Республики Узбекистан до 2030 года. – Ташкент, 2019.

[5] Holmes W., Bialik M., Fadel C. *Artificial Intelligence in Education: Promises and Implications for Teaching and Learning*. Boston: Center for Curriculum Redesign, 2019.

[6] Luckin R. *Machine Learning and Human Intelligence: The Future of Education for the 21st Century*. London: UCL Institute of Education Press, 2018.

[7] Министерство цифровых технологий Республики Узбекистан. Стратегические направления развития цифровой экономики и внедрения технологий искусственного интеллекта в Республике Узбекистан. – Ташкент, 2022.

Савин Д. М.
студент

Научный руководитель: Голубев А. Ф., к.ф.н.
доцент

кафедра управления

**«Технологический университет имени дважды Героя Советского
Союза, летчика-космонавта АА Леонова» – филиал федерального
государственного бюджетного образовательного учреждения высшего
образования «Московский государственный университет геодезии и
картографии», г. Королев Московская обл., Россия**

ОСОБЕННОСТИ УСПЕШНОЙ АДАПТАЦИИ ПЕРСОНАЛА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ-УЧАСТНИКАХ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: глобализация экономики и рост международной конкуренции превращают адаптацию персонала на предприятиях, участвующих во внешнеэкономической деятельности, в задачу первостепенной важности. Исследование посвящено особенностям этого процесса применительно к компаниям-участникам ВЭД. Международная среда предъявляет к сотрудникам повышенные требования: расширенный набор компетенций, высокая квалификация, психологическая устойчивость.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, адаптация, наставничество, психологическая поддержка, корпоративная культура, управление персоналом.

Savin D. M.
student

Supervisor: Golubev A. F., PhD
associate professor

Department of Management

**"Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
pilot-cosmonaut A. A. Leonov" – branch of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education "Moscow State University of
Geodesy and Cartography",
Korolev, Moscow Region, Russia**

FEATURES OF SUCCESSFUL PERSONNEL ADAPTATION AT ENTERPRISES ENGAGED IN FOREIGN ECONOMIC ACTIVITIES

Abstract: In the globalizing world economy, where international competition intensifies, the questions of how to integrate new employees into companies engaged in foreign trade becomes critically important. This study analyses the distinctive

characteristics of staff adaptation within organizations operating across national borders. Working in an international environment demands more from employees than domestic operations typically require: broader qualifications, specialized high competencies and considerable psychological resilience.

Keywords: *foreign economic activity, adaptation, mentoring, psychological support, corporate culture, personnel management.*

Адаптация персонала на предприятиях, работающих в сфере внешнеэкономической деятельности, отличается многослойностью и требует особого подхода. Работа в ВЭД предъявляет к сотрудникам повышенные требования, программы интеграции новых работников приходится перестраивать с учетом международных реалий, поскольку стандартные методы адаптации здесь оказываются недостаточными.

Адаптация неразрывно связана с культурными различиями. Сотрудники постоянно контактируют с иностранными партнерами, а значит, им приходится осваивать деловые традиции, нормы поведения и этикет разных стран. К примеру, азиатские деловые культуры строятся на иерархии и формальности, в то время как скандинавские – на демократичности и равноправном диалоге. Программа адаптации благодаря включению кросс-культурного компонента, который снижает вероятность недопонимания и конфликтных ситуаций будет максимально эффективной. Тренинги по межкультурной коммуникации, разбор удачных и провальных переговоров, погружение в культурные особенности стран-партнеров – все это формирует у новых сотрудников необходимую чуткость к контексту международного взаимодействия.

Языковой аспект заслуживает отдельного внимания. Владение иностранными языками, прежде всего английским, превращается в обязательное требование для большинства позиций в сфере внешнеэкономической деятельности. Само по себе знание языка не решает задачу. Специалист должен свободно оперировать профессиональной лексикой, ориентироваться в тонкостях деловой переписки, понимать негласные правила международных переговоров. Благодаря включению языковых курсов, сфокусированных на терминологии ВЭД, таможенного дела, логистики и международного права адаптация персонала для многих должностей будет успешной.

Правовая и нормативная составляющая адаптации занимает особое место в подготовке специалистов. Сотрудники предприятий ВЭД ориентируются в российском законодательстве и международных правовых актах, стандартах и правилах. Таможенное регулирование, валютный контроль, требования к сертификации продукции, правила Инкотермс – эти области требуют системного освоения. Программа адаптации должна включать изучение ключевых международных договоров, соглашений ЕАЭС, правил Всемирной торговой организации,

особенностей законодательства стран-импортеров и экспортеров. Практические кейсы, разбор реальных ситуаций, моделирование процессов оформления внешнеторговых сделок закрепляют полученные знания и формируют навыки применения правовых норм в профессиональной деятельности.

Предприятия, занимающиеся внешнеэкономической деятельностью, выстраивают сложные многоуровневые организационные структуры. Зарубежные филиалы, представительства, партнерские сети – все это порождает разветвлённую систему внутренних процессов и коммуникационных каналов, требующих ясного понимания от каждого участника. Адаптирующийся сотрудник знакомится со структурой компании, узнает, как распределены роли и зоны ответственности, осваивает порядок взаимодействия с международными подразделениями. Организационные схемы, регламентные работы, корпоративные стандарты и внутренняя политика компании служат основными источниками такой информации. Отдельного внимания заслуживают процедуры согласования решений, поскольку нередко предполагают обращения к головному офису или консультации с зарубежными коллегами.

Знакомство с корпоративной культурой в контексте международной деятельности формирует ключевой элемент адаптации. Ценности компании, ее миссия и стратегия на предприятиях ВЭД ориентированы на глобальные рынки. Это определяет стиль управления, логику принятия решений и характер взаимодействия внутри коллектива. Новым сотрудникам необходимо осознать, каким образом их повседневная работа встраивается в общую стратегию развития на международных рынках, какие цели стоят перед подразделениями, по каким критериям оценивается вклад каждого в достижение результатов. Поэтому программа адаптации должна включать презентации стратегии компании, встречи с топ-менеджментом, участие в стратегических сессиях и обсуждение долгосрочных планов развития.

Адаптация на предприятиях выстраивается поэтапно и структурированно.

Адаптирующийся сотрудник проходит три стадии. Ознакомительный период длится одну-две недели: новичок узнает компанию, ее структуру, ключевые процессы, встречается с коллегами, от которых зависит его работа. Основной этап занимает от одного до трех месяцев и посвящен углубленному изучению функциональных обязанностей, отработке практических навыков, встраиванию в повседневные рабочие процессы. Заключительный этап растягивается на срок от трех до шести месяцев: здесь оценивают эффективность адаптации, собирают обратную связь, а также вносят коррективы в индивидуальный план развития. Поэтапная структура защищает от информационной перегрузки и дает время постепенно освоить новые задачи.

Институт наставничества занимает центральное место в адаптации персонала. Когда опытный сотрудник курирует новичка, интеграция ускоряется в разы: наставник объясняет специфику работы, знакомит с внутренними процессами, отвечает на вопросы и подсказывает, как выстраивать отношения с зарубежными партнёрами. Наставник с опытом в международной среде передает не только формальные знания, но и практические приемы, накопленные за годы работы. Чек-листы, инструкции и критерии оценки работы наставника повышают эффективность этого механизма, а система мотивации за успешную адаптацию подопечных стимулирует наставников вкладываться в результат.

В заключении происходит оценка эффективности адаптации. Основываясь на выделенных ранее методах, можно выделить несколько способов определения прохождения успешного адаптационного периода:

- анкетирование сотрудников;
- интервью с руководителями и наставниками;
- анализ KPI на испытательном сроке;
- измерение вовлеченности;
- удовлетворение работой;
- скорость достижения целевой производительности;
- число ошибок при оформлении внешнеторговых документов;
- степень самостоятельности в решении задач;
- качество коммуникации с иностранными контрагентами.

Все эти факторы способствуют не только корректировке программ адаптации, совершенствованию методик обучения и наставничества, но и формированию рекомендаций для будущих кандидатов.

Поддержка психологами сотрудников также является ключевой составляющей адаптации. Факторами для работы можно определить несколько способов:

- консультация психолога;
- проведение различных тренингов по стрессоустойчивости;
- корпоративные программы для улучшения атмосферы в коллективе и поддержания ментального здоровья.

Для сотрудников в предприятиях-участниках ВЭД необходимо применять как все подходы, так и инструменты для успешного и эффективного адаптационного периода. В заключении можно отметить, что для процесса адаптации требуется многофункциональный подход, также правильно выстроенный процесс работы, который позволит не только сократить время выхода сотрудника на работу, но и в то же время укрепить конкурентные позиции компании на международных рынках.

Использованные источники:

1. Кибанов А.Я. Управление персоналом организации: стратегия, маркетинг, интернационализация: учебник. / Кибанов А.Я. – М.: ИНФРА-М, 2021.

2. Давыдов Н.А. Кросс-культурная адаптация сотрудников в системе управления персоналом международной организации// Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. №9 // [Электронный ресурс] / Давыдов Н. А. // – режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kross-kulturnaya-adaptatsiya-sotrudnikov-v-sisteme-upravleniya-personalom-mezhdunarodnoy-organizatsii/viewer>.
3. Кокуркина А.А. Особенности системы управления персоналом организации участника внешнеэкономической деятельности // Вестник науки №6 (63) том 2. С. 52 - 56. 2023 г. // [Электронный ресурс] / Кокуркина А.А. // – режим доступа: <https://www.вестник-науки.рф/article/8766>.

УДК 004.4

*Старовойт Е.Е.
студентка*

*Технологический университет им. дважды героя Советского Союза,
летчика-космонавта А. А. Леонова - филиал ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет геодезии и картографии»
Научный руководитель: Гончарова Е.Н., к.э.н.
доцент*

кафедра Управления

*Технологический университет им. дважды героя Советского Союза,
летчика-космонавта А. А. Леонова - филиал ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет геодезии и картографии»
Российская Федерация, Московская область, г. Королёв*

ОПТИМИЗАЦИЯ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ПРЕДПРИЯТИЙ-УЧАСТНИКОВ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: В данной статье рассматривается комплексный подход к оптимизации логистических процессов на предприятии. В статье произведен анализ структуры логистической цепи, выделены ключевые этапы товародвижения от закупки сырья до доставки конечному потребителю, а также систематизированы признаки, свидетельствующие о неэффективности действующей системы (задержки поставок, складские излишки, рост транспортных расходов и прочее).

Ключевые слова: логистические процессы, оптимизация, TMS, транспортная логистика, цифровизация, система управления рисками.

*Starovoit E.E.
student*

*Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
Cosmonaut A. A. Leonov - a branch of the Moscow
State University of Geodesy and Cartography
Scientific supervisor: Goncharova E.N., Ph.D.
associate professor*

Department of Management

*Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
Cosmonaut A. A. Leonov - a branch of the Moscow
State University of Geodesy and Cartography
Russian Federation, Moscow region, Korolev*

OPTIMIZATION OF LOGISTICS PROCESSES OF ENTERPRISES PARTICIPATING IN FOREIGN ECONOMIC ACTIVITIES

Abstract: *This article discusses an integrated approach to optimizing logistics processes in an enterprise. The article analyzes the structure of the logistics chain, highlights the key stages of commodity movement from the purchase of raw materials to delivery to the end user, and systematizes the signs indicating the inefficiency of the current system (delays in deliveries, warehouse surpluses, increased transportation costs, etc.).*

Keywords: *logistics processes, optimization, TMS, transport logistics, digitalization, risk management system.*

Любая компания, которая занимается поставками или транспортировкой, довольно быстро приходит к пониманию простой истины: без отлаженной логистики бизнес начинает «хромать». Срываються сроки, «съедается» прибыль, страдает качество сервиса.

Актуальность темы продиктована изменением роли логистики в современном бизнесе: из вспомогательной функции она трансформировалась в драйвер конкурентоспособности. Сегодня эффективность цепочек поставок напрямую определяет позиции компании на рынке. Предприятия, игнорирующие оптимизацию, неизбежно уступают конкурентам по скорости реакции, уровню сервиса и стоимости продукции. Именно в этой сфере сосредоточены актуальные задачи большинства компаний.

В статье использованы следующие методы исследования: теоретический анализ, обобщение научной литературы, синтез, классификация.

На сегодняшний день логистика на производстве или в торговой компании – это не просто перевозки, а комплексная система. Она включает в себя всё: от закупки сырья и работы склада, до движения документов и доставки до клиента. От того, как настроена система, напрямую зависят и себестоимость продукта, и скорость выполнения заказов. В условиях жесткой конкуренции без постоянной оптимизации логистических процессов бизнес становится нежизнеспособным.

В теории, логистику разделяют на отдельные стандартные этапы: планирование, закупка, складирование, транспортировка, управление запасами, документооборот и непосредственная доставка клиенту. Но на практике эти этапы существуют не линейно, а в тесной связке. Сбой на любой из точек мгновенно бьет по всей цепи поставок. Именно поэтому к оптимизации нельзя подходить фрагментарно — здесь нужен комплексный анализ и системное видение.

Главная цель оптимизации — сделать так, чтобы груз двигался непрерывно, с минимальными затратами и максимальной скоростью реакции. Это значит, что складские остатки актуальны, маршруты продуманы, а менеджер видит всю картину в режиме реального времени.

Достичь такого баланса непросто: это требует не только внедрения новых технологий, но и перестройки устоявшихся рабочих процессов.

К сожалению, многие предприятия замечают проблему, только когда она становится критической. Чтобы это систематизировать, необходимо выделить признаки того, что логистика требует пересмотра. Рассмотрим признаки пересмотра логистики, выделенные в таблице 1.

Таблица 1 – Признаки пересмотра логистики

Признак	Описание признака
Проблемы с поставками	Несвоевременное поступление заказов нарушает производственный процесс и задерживает отгрузку клиентам.
Избыточные запасы и дефицит	Накопление невостребованных или испорченных товаров при одновременном дефиците нужной продукции.
Неоптимальная логистика	Неэффективное планирование маршрутов приводит к полупустым рейсам, увеличению расходов на топливо и аренду транспорта.
Отсутствие прозрачности в запасах	Сотрудники тратят время на поиск информации о местонахождении партий товара, что снижает оперативность.
Ошибки в комплектации заказов	Несоответствие количества или номенклатуры продукции, получаемой клиентами, подрывает доверие и ведет к упущенной выгоде.

Рассмотрим ключевые шаги, которые помогут выстроить эффективную логистику на производстве.

Начинать оптимизацию логистических процессов следует с сбора и тщательной обработки данных. Необходимо проанализировать динамику продаж, объемы поставок, сезонные колебания, а также фактические расходы на транспортировку и хранение. В наши дни сбор информации осуществляется из широкого спектра источников: от учетных систем и GPS-трекеров до отчетов перевозчиков. Однако, просто собрать данные недостаточно – важно уметь их правильно анализировать. Современные инструменты, такие как прогнозная аналитика и технологии искусственного интеллекта, позволяют учитывать широкий спектр факторов, включая макроэкономические: колебания курсов валют, цены на топливо, погодные условия и рыночные тенденции. Это позволяет заранее подготовиться к периодам повышенного спроса и оптимизировать планы закупок, предотвращая как простои, так и излишние расходы.

Цифровизация логистических процессов приведет к росту продуктивности всех участников цепи поставок. Она позволит не только создать оптимальные условия для заключения взаимовыгодных

соглашений по транспортировке грузов, но и обеспечит автоматический мониторинг перемещения транспорта, оптимизирует рабочие операции, повысит уровень компетентности персонала, а также упростит документооборот и расчеты с контрагентами, среди прочего. Инновационные решения являются фундаментом для результативного развития производственной логистики на любом предприятии. Руководители компаний неустанно работают над внедрением новшеств, стремясь обрести рыночное превосходство. Формирование логистической инфраструктуры на государственном уровне находится в ведении правительства. Оно же, в свою очередь, может сотрудничать с промышленным сектором, создавая благоприятную среду для внедрения инноваций компаниями.

Консолидация грузов (объединение мелких партий в одну полную загрузку) также является действенным методом экономии. В ряде случаев целесообразно применять мультимодальные перевозки, комбинируя, например, автомобильный и железнодорожный транспорт. Важную роль играет и инфраструктура. Мобильные пневмоангары, например, представляют собой гибкое решение для временного хранения или перевалки грузов, особенно в пиковые периоды или в удалённых районах. Эти быстровозводимые сооружения позволяют оперативно расширять складские мощности без капитальных вложений и разгружать существующие логистические узлы.

Далее следует оптимизация управления запасами, где проверенные временем подходы демонстрируют наибольшую эффективность. Система "точно вовремя" (Just-In-Time) способствует минимизации складских площадей, но при этом предъявляет строгие требования к надежности поставщиков. Модель EOQ (экономичный размер заказа) позволяет определить оптимальный объем закупок, избегая как излишних затрат на хранение, так и дефицита. Эффективное зонирование склада также играет ключевую роль: часто востребованные товары размещаются ближе к зоне отгрузки, а сезонные — в более удаленных частях. Такой подход повышает производительность персонала и ускоряет выполнение заказов.

Логистика сегодня — это зона высокой неопределенности. Санкции, погодные аномалии, политическая нестабильность — все это влияет на цепочки поставок. Системное управление рисками включает диверсификацию поставщиков, страхование грузов. Компании, которые умеют работать с рисками, вызывают больше доверия у партнеров и чувствуют себя увереннее на рынке.

Подходя к заключению, важно отметить, что оптимизация логистики — это не разовый проект, а постоянный процесс. Невозможно один раз настроить маршруты и забыть. Рынок меняется, появляются новые технологии, растут требования клиентов. Комплексный подход, сочетающий аналитику, автоматизацию и грамотное управление рисками,

позволяет предприятию не просто выживать, а устойчиво развиваться даже в условиях неопределенности.

Использованные источники

1. Баланов, А. Н. Транспорт и логистика. Автоматизация и оптимизация процессов: учебное пособие для вузов / А. Н. Баланов. — Санкт-Петербург: Лань, 2024. — 404 с. — ISBN 978-5-507-49375-3. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/421445> (дата обращения: 17.02.2026).
2. Бочкарев, А. А. Управление надежностью и устойчивостью цепей поставок / А. А. Бочкарев. — 2-е изд., стер. — Санкт-Петербург: Лань, 2023. — 264 с. — ISBN 978-5-507-45778-6. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/284003> (дата обращения: 17.02.2026).
3. Дыбская, В. В. Логистика: учебник для вузов / В. В. Дыбская, В. И. Сергеев; под общей редакцией В. И. Сергеева. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 657 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18477-8. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/589615> (дата обращения: 17.02.2026).
4. Катаргин, Н. В. Анализ и моделирование логистических систем: учебник для СПО / Н. В. Катаргин, О. Н. Ларин, Ф. Д. Венде. — 2-е изд., стер. — Санкт-Петербург: Лань, 2026. — 248 с. — ISBN 978-5-507-54974-0. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/513593> (дата обращения: 17.02.2026).
5. Лысенков, А. И. Логистические системы. Анализ и синтез структурно-функционального облика: учебное пособие для вузов / А. И. Лысенков. — 2-е изд., стер. — Санкт-Петербург: Лань, 2024. — 220 с. — ISBN 978-5-507-47477-6. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/379985> (дата обращения: 17.02.2026).

Сулеймен А. Е.
Казахский национальный женский педагогический университет
Алматы, Казахстан

ИНДУСТРИЯ МОДНОГО ДИЗАЙНА В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО КРЕАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

***Аннотация.** Объектом исследования является фэшн-дизайн как одно из новых направлений в дизайне. В связи с тем, что в настоящее время значительно расширяются области применения дизайна, у людей постоянно появляются новые идеи и новые потребности, поэтому дизайн находится в постоянном развитии. Одним из новых направлений в дизайне является фэшн-дизайн, распространяющийся на все сферы деятельности, порождаемые модой.*

***Ключевые слова:** фэшн-дизайн, дизайн, мода, дизайн костюма, графический дизайн*

Suleimen A. E.
Kazakh National Women's Pedagogical University
Almaty, Kazakhstan

THE FASHION DESIGN INDUSTRY IN THE STRUCTURE OF A MODERN CREATIVE SPACE

***Abstract:** The object of this research is fashion design as one of the new directions in design. Design is constantly developing due to broadening of its area of application and people demonstrate new ideas and demands. The subject of this research is the conceptual-terminological apparatus of fashion design.*

***Keywords:** fashion design, design, fashion, costume design, graphic design*

Актуальность данной статьи обусловлена появлением нового направления в дизайне – «фэшн-дизайна». Дизайн является относительно молодой, принципиально новой сферой творческой деятельности. Как самостоятельный вид профессиональной деятельности, едва насчитывающий столетнюю историю, тем не менее, дизайн сегодня признается как универсальная метадисциплина, как художественное проектирование не только предметов, среды, процессов и услуг, но и образа жизни.

В настоящее время значительно расширяются области применения дизайна. У людей постоянно появляются новые идеи и новые потребности, поэтому дизайн находится в постоянном развитии. С появлением новых видов дизайна происходит переосмысление его традиционных форм, направлений и процессов [1]. Одним из новых направлений в дизайне является фэшн-дизайн, распространяющийся на все сферы деятельности, порождаемые модой – это и

дизайн костюма, и дизайн журналов мод, и обложек журналов, и фэшн-иллюстрации, и фэшн-альбомы, и дизайн рекламы модных брендов и даже оформление модных магазинов.

В связи с этим, возникает необходимость решения следующих задач:

- определить место «фэшн-дизайна» в структуре современного дизайна;
- выявить области применения фэшн-дизайна;
- дать определение термина «фэшн-дизайн».

Для того, что бы определить место «фэшн-дизайна» в структуре современного дизайна, необходимо понять, какой смысл вкладывается в это понятие, выявить, как фэшн-дизайн соотносится с другими видами дизайна. Анализ публикаций в профессиональной печати, включая справочные и научные издания по культурологии, дизайну, моде, показал отсутствие четкого определения термина «фэшн-дизайна». Это во многом объясняется новизной понятия «фэшн-дизайн», Термин «фэшн-дизайн» состоит из двух составляющих: «фэшн» и «дизайн». Дизайн (англ. design, "рисунки, чертежи, замыслы") – это творческая проектная деятельность, целью которой является создание гармоничной предметной среды, наиболее полно удовлетворяющей материальные и духовные потребности человека. Дизайн в наше время – значимая, развитая и теоретически осмысленная сфера художественной деятельности человека. Продуктом его является предметный мир, создаваемый людьми средствами индустриальной техники по законам красоты и функциональности. Дизайн принадлежит одновременно к области создания и материальных, и духовных ценностей, решая в совокупности и практические, и художественные задачи. Дизайн всегда направлен на совершенствование уже существующего предметного мира.

Однако необходимо уточнить, что в настоящее время фэшн-дизайн не ограничивается только дизайном одежды, так как в современных условиях особое значение приобретает не только создание, но и реклама одежды [2].

Таким образом, понятие «фэшн-дизайн» охватывает все области, связанные с модой, а точнее с дизайном костюма в широком смысле этого слова, как системой предметов и элементов одежды, обуви, аксессуаров и др., отражающих социальную и национальную принадлежность человека, его пол, возраст, занятие, профессию и т. д., а так же с рекламой этого костюма [3].

Попытаемся определить место фэшн-дизайна и выявить его связи с другими видами, исходя из существующей типологии дизайна.

В составе современного дизайна выделяют четыре типа:

1. Предметный дизайн (дизайн костюма; дизайн мебели; дизайн текстиля; дизайн аксессуаров; дизайн средств транспорта и т.п.).
2. Коммуникативный дизайн (графический дизайн; экспо-дизайн; web-дизайн; сценический дизайн для презентаций; телевизионный дизайн и т.п.).
3. Средовой дизайн (ландшафтный дизайн; фито-дизайн; дизайн экстерьеров; дизайн интерьеров и т.п.).

4. Личностно-имиджевый дизайн (дизайн прически; макияж; боди-арт и т.п.).

Для того, чтобы наглядно представить соотношение фэшн-дизайна с другими видами дизайна, покажем его место в структуре современного дизайна с помощью рисунка 1.

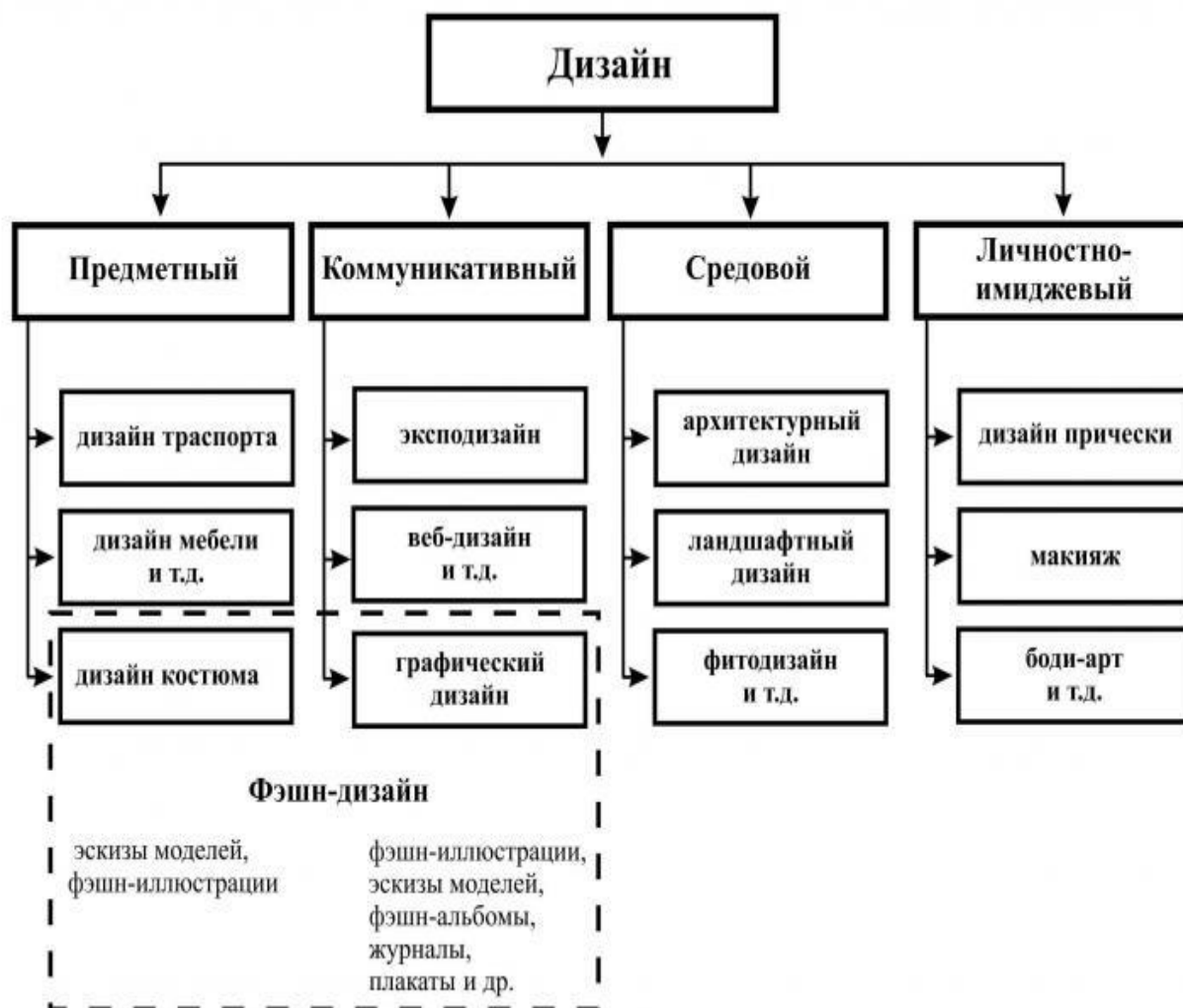

Рисунок 1 – Фэшн-дизайн в структуре современного дизайна

Как следует из рис.1., фэшн-дизайн тесно связан с дизайном-костюма и графическим дизайном и, соответственно, области применения фэшн-дизайна достаточно разнообразны и включают как дизайн костюма, так и рекламу костюма, охватывая все сферы, порождаемые модой: журналы мод, обложки журналов, фэшн-иллюстрации, фэшн-альбомы, реклама модных брендов, оформление модных магазинов и др.

Таким образом, становится понятно, что фэшн-дизайн требует профессиональных знаний как по дизайну костюма (разработка фор-эскиза, творческого эскиза и др.), так и по графическому дизайну (разработка рекламно-графического эскиза для фэшн-альбома, плаката, фэшн-иллюстрации и др.).

В зависимости от области применения фэшн-дизайна, проектируют различные виды эскизов костюма:

- фор-эскиз;
- творческий эскиз;
- технический эскиз;
- рекламно-графический эскиз.

Фор-эскиз (предварительный эскиз) – это предварительный рисунок будущей формы костюма с приблизительным изображением ее основных признаков. Главное в разработке фор-эскиза – создание образа проектируемой модели.

В настоящее время широко используется термин «фэшн-иллюстрация». **Фэшн-иллюстрация** (по англ. «fashion illustration», где «fashion» – мода, «illustration» - иллюстрация), или модная иллюстрация – жанр иллюстрации (графики или живописи), напрямую связанный с модой. Фэшн-иллюстрацию можно отнести к рекламно-графическому эскизу, так как она не несет никакой технической информации о костюме, а главным в изображении является оригинальность и выразительность эскиза.

Если под обычной иллюстрацией (от лат. illustratio – освещение, наглядное изображение) понимают изображение, сопровождающее, дополняющее и наглядно разъясняющее текст (рисунки, гравюры, фотоснимки, репродукции и т. п.), то в фэшн-иллюстрации – это изображение, демонстрирующее модный образ человека, в котором главное не форма, а индивидуальность образа.

В фэшн-иллюстрации, являющейся неотъемлемой частью моды, передается образ, разработанный дизайнером одежды через видение иллюстратора в своей индивидуальной манере. Фэшн-иллюстрация передает эмоции, энергию, талант и креативность иллюстратора. Она позволяет придать изображению свою индивидуальность и характер [4].

Немало публикаций в профессиональной печати посвящено отдельно фэшн-иллюстрации («модной» иллюстрации), истории ее возникновения и развития, видам, стилям и техникам фэшн-иллюстрации [5]. Больше внимание уделяется графике моды и модной иллюстрации, роли графического дизайна в модной иллюстрации и, как результату, синтезу графического искусства и моды ^[1,4,7]. Значительное место в развитии фэшн-иллюстрации отводится компьютерной графике, что находит отражение в публикациях, раскрывающих особенности цифровых технологий в современной модной иллюстрации [6].

Если назначение обычной иллюстрации – объяснить или декорировать текстовое содержимое книги, журнала, газеты, то в модной иллюстрации – это презентация одного из образов человека, обусловленных модным значением и актуальностью стиля жизни, что указывает на социальную значимость иллюстрации моды как вида современного искусства. Очевидно, по этой причине оригиналы иллюстрации моды стали предметом

коллекционирования. Многие музейные выставки, галереи искусств выделяют места для экспонирования работ иллюстраторов прошлого и наших современников». Необходимо отметить, что фэшн-иллюстрация является самостоятельным арт-направлением.

В настоящее время фэшн-иллюстрация переживает новый этап развития несмотря на то, что существует уже около 500 лет, а наибольшую популярность приобрела в начале XIX века – время появления большого количества модных журналов. Современный этап развития фэшн-иллюстрации отличается не только увеличением их количества по всему миру (Европа, Америка, Япония, Китай, Россия и др.), но и разнообразием стилей и техник, в том числе с учетом возможностей технических средств. Фэшн-иллюстрация занимает одно из ведущих мест в печатных и электронных изданиях. Так, например, в фэшн-альбоме, который является универсальной презентацией дизайнерских идей, фэшн-иллюстрация приобретает особую ценность.

Однако, в том же самом фэшн-альбоме (или других рекламных изданиях: проспектах, буклетах и др.) для профессиональной подачи костюма эскиз может быть представлен не только в виде рекламной графики, как фэшн-иллюстрация, но и в виде эскизов различных видов, например, фор-эскиза и творческого с целью демонстрации этапов создания костюма.

Таким образом, в фэшн-дизайне применяются различные виды эскизов, раскрывающие все этапы создания костюма: от идей (фор-эскиз) и детальной проработке костюма (творческий и технический эскиз) до его рекламы (рекламно-графический эскиз, и в частности, фэшн-иллюстрация).

У каждого вида эскиза своя задача, свой уровень технического мастерства, определенный набор формальных признаков, необходимых для разработки. Качественная проработка эскизов различных видов с учетом необходимых требований позволяет избежать недопонимания между дизайнерами, конструкторами, производителями и потребителями.

Анализ публикаций показывает, что фэшн-дизайн рассматривается в разных аспектах: творческом, производственном, педагогическом.

Фэшн-дизайн – вид дизайна, интегрирующего достижения дизайна костюма и графического дизайна, представляющий собой дизайн-деятельность, охватывающую все сферы, порожденные модой: дизайн костюма, журналы мод, обложки журналов, фэшн-иллюстрации, фэшн-альбомы, реклама модных брендов, оформление модных магазинов и др.

Результаты

Проведенное исследование позволило определить место «фэшн-дизайна» в структуре современного дизайна, выявить тесную связь фэшн-дизайна с дизайном костюма и графическим дизайном, определить области применения фэшн-дизайна, разработать определение термина «фэшн-дизайн». Результаты исследования нашли применение в учебном процессе Кемеровского государственного института культуры при обучении будущих

дизайнеров. Реализуемые студентами – дизайнерами проекты (творческие эскизы, фэшн-иллюстрации, рекламные плакаты и др.) обладая рекламной и информационной функциями, позволяют не только ориентироваться в огромном количестве существующих модных брендов, но и дают возможность понимать художественный образ костюма, видеть красоту, гармонию окружающего мира.

Использованные источники:

1. Арутчева Д.Д. Роль изобразительного навыка в формировании графического образа модного рисунка // Известия Самарского научного центра Российской академии наук – Самара: Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, 2017, Том 19, № 4. С. 60-63.
2. Иллюстрированная энциклопедия МОДЫ / Л. Кибалова, О. Гербенова, М. Ламарова – Перевод на русский язык И.М. Ильинской, А.А. Лосевой – Прага: Издательство «Артия», 1986. – 608 с.: ил.
3. Композиция костюма: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / Г. М. Гусейнов, В. В. Ермилова, Д. Ю. Ермилова и др. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 432 с.
4. Коровко А.А. Феномен синтеза графического искусства и моды // Университетский научный журнал – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университетский консорциум, 2019, № 46. С. 129-137.
5. Лапик Н.А. Стилистический анализ «модных» иллюстраций периода Арт Деко // Международный научно-исследовательский журнал – Екатеринбург, 2013, № 1-2 (8). С. 8-11.
6. Лапик Н.А. Цифровые технологии в современной модной иллюстрации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики – Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (44): в 2-х ч. Ч. I. С. 106-112.

Сулеймен А. Е.
Казахский национальный женский педагогический университет,
Алматы, Казахстан

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ ПРОЕКТИРОВАНИЮ В ДИЗАЙНЕ ОДЕЖДЫ

***Аннотация.** Указаны основные современные направления развития белорусской школы дизайна костюма. Систематизированы главные подходы дизайнеров к проектированию костюма. Анализируются современные методы дизайн-проектирования и их взаимосвязь с развитием образовательных методик в сфере обучения дизайну. Рассматриваются вопросы методики преподавания специальных дисциплин в сфере дизайна, а также проблемы формирования единого подхода к модели специалиста в сфере отечественного дизайн-образования.*

***Ключевые слова:** дизайн одежды; методика преподавания; дизайн-проектирование; дизайн-образование; стиль; мода.*

Suleimen A. E.
Kazakh National Women's Pedagogical University,
Almaty, Kazakhstan

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF TEACHING DESIGN DEVELOPMENT IN FASHION DESIGN

***Abstract.** In the article the basic trends of development of the Belarusian school of costume design up-to-date are disclosed. The basic approaches to costume project-making reflected in the creative works of designers are systemized. The article analyzes modern methods of design engineering and their relationship with the development of educational methods in the field of design training. In addition, the author considers the issues of teaching methods of special disciplines in the field of design, as well as the problems of forming a unified approach to the model of a specialist in the field of national design education.*

***Keywords:** fashion design; teaching methods; design engineering; design education; style; fashion.*

Введение

Дизайн тесно связан с созданием предметной среды, систем визуальной коммуникации, а в широком контексте – с организацией процесса жизнедеятельности человека. Как вид проектной деятельности он возник на основе включения в утилитарный объект художественно-эстетического компонента. Такой синтез обеспечил возможность

гармоничного сочетания эстетики и высоких потребительских качеств изделия [1, 2].

На рубеже XX–XXI вв. процессы глобализации способствовали трансформации дизайна в масштабное явление постиндустриального общества. В этот период развития дизайнерской практики наблюдается активная дифференциация и все более узкая специализация направлений этого вида деятельности, инфраструктура которой в XXI в. стала весьма разветвленной. Одну из ключевых позиций занял дизайн одежды.

Описанные выше явления нашли свое отражение как в практической сфере (появление новых методов проектирования), так и в сфере дизайн-образования (развитие образовательных методик, разработка инновационных методов преподавания, отвечающих логике процессов). В настоящей статье рассмотрена взаимосвязь методов дизайн-проектирования, используемых в современной практике, с развитием образовательных методик в сфере обучения дизайну.

Интенсивное развитие дизайнерской практики, в том числе и в области дизайна одежды, привело к формированию новой концепции профессии, включающей культурную, промышленную и социальную составляющие. Это обстоятельство, в свою очередь, обусловило необходимость опираться при создании дизайнерского продукта на широкий спектр профессиональных знаний, что неизбежно должно было повлечь за собой адаптацию образовательных подходов в отечественной высшей школе к современным инновациям.

Особенности современного дизайн-образования

Современное отечественное дизайн-образование имеет достаточно разветвленную структуру, предполагающую углубленное изучение отдельных дисциплин в каждом из направлений дизайн-деятельности. Вместе с тем во всех этих направлениях есть общие проблемы, объединяющие проектный подход к созданию вещи, при котором во главу угла ставятся проектная культура и функциональные, технологические, эстетические аспекты. Кроме того, история дизайна тесно связана с развитием научно-технической и художественной сфер и, следовательно, отражает взаимосвязь и взаимовлияние инновационных подходов, реализуемых в технике, а также инженерном и художественном творчестве.

Сфера дизайна одежды не является исключением. Обучение профессии здесь строится на преподавании разнообразных, но тесно взаимосвязанных специализированных учебных курсов, таких как, например, история костюма, композиция костюма, конструирование и технология в дизайне костюма и аксессуаров, дизайн делового имиджа, фешен-фотография, брендинг в индустрии моды и др. Вместе с тем изучение этих курсов концентрируется вокруг дизайн-проектирования как ключевой учебной дисциплины, направленной на формирование у

студента умения эффективно решать проектные задачи на основе знания ключевых принципов дизайнерского творчества, которые кристаллизовались в процессе становления профессии [3, 4].

Для того чтобы выработать подходы к методике преподавания дизайн-проектирования одежды, соответствующие сегодняшнему уровню развития модной индустрии, необходимо проанализировать специфику и характерные особенности нынешнего состояния дизайнерской практики, чтобы выявить в ней те ключевые, широко используемые дизайнерами методы дизайн-проектирования, которые могут и должны повлиять на выработку современной методики обучения профессии.

Современные методы дизайн-проектирования одежды

В настоящее время в дизайне одежды, как в отечественном, так и в зарубежном, развиваются методы проектирования, основанные на трансформации классических приемов и разработке новых методов создания одежды.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что эстетический эклектизм становится одним из наиболее популярных методов проектирования. В педагогической практике использование заданий по разработке моделей модного костюма на основе данного метода позволяет студенту освоить приемы создания одежды в современной стилистике. Однако следует помнить, что современная эклектика отличается от эклектики XX в. Она выразительнее, острее, ярче. Сегодня в таком наряде превалирует эпатажность. Например, это может быть микс из кружевного платья и винтажных ботинок, сочетание женственности и брутальности. Разработка учебных заданий на основе эклектизма требует от педагога тонкого эстетического чутья. Кроме того, важно сформировать у студентов чувство меры, что поможет им избежать китчевых образов при создании моделей одежды.

Задания по разработке учебных коллекций на основе цитирования помогают будущим дизайнерам освоить систему вариантного изменения конструктивных, функциональных и образных составляющих модного костюма. Распространенный в современной моде метод цитат – не просто включение элементов модных трендов прошедших сезонов в контекст коллекций: современный подход к цитированию предполагает не прямое заимствование, подражание, а преобразование эстетики, смыслов, стилистических подходов в образ, воплощающий дух времени.

Ключевой проблемой дизайн-проектирования является поиск творческой концепции, определяющий содержательную основу проектного решения и всегда связанный с историческими предпосылками, с эстетикой времени, с мировоззрением самого автора. Концепт современного дизайн-проекта объединяет ценностный, системный и средовой подходы к созданию вещи. Реальное же воплощение он находит не в текстовом, а в визуально-предметном решении.

Характерной тенденцией современного этапа развития моды является актуализация авторских стилей. Пестрая картина модных трендов выглядит сегодня следующим образом: на «общей территории» успешно сосуществуют большие художественные стили и микростили, а в эту канву вплетаются индивидуальные стили, создаваемые отдельными дизайнерами. Именно существование и развитие авторской моды является следствием активно развивающейся тенденции концептуализации в творчестве дизайнеров костюма. Примером может служить творчество японского дизайнера Рея Кавакубо. В числе белорусских кутюрье, тяготеющих к авторской моде, – молодой дизайнер Валерия Крыса. В ее творчестве интерпретация белорусских фольклорных мотивов органично переплетается с эстетикой Востока, а современные формы и силуэты – со стилистикой эпохи рококо.

Иначе говоря, не являясь чем-то абсолютно новаторским, метод деконструкции сегодня поднят на новый уровень. Знакомство с ним студентов помогает им освоить новые творческие подходы к проектированию одежды.

Этапы преобразования проектной задачи в процессе обучения дизайну

В процессе обучения будущего дизайнера новейшим методам проектирования одежды важно опираться на современную дизайнерскую практику и строить учебный процесс в соответствии с реалиями времени. Необходимо найти гармоничное сочетание традиционных эмпирических приемов с нетрадиционными в русле системного подхода. В этом контексте необходимо прежде всего разбудить и развить творческое воображение студента одновременно с формированием у него навыков проектного подхода к созданию вещи.

Методика преподавания учебной дисциплины предполагает комплексную цель обучения, которая, в свою очередь, объединяет образовательный, развивающий, воспитывающий, практический компоненты. Кроме того, в любой методике присутствуют такие составляющие, как принципы, содержание, средства, формы, а также собственно методы обучения. В свою очередь, методы обучения подразделяют на общие и частные. Под термином «методы обучения» следует понимать интерактивный процесс взаимодействия преподавателя и студента, в ходе которого ставятся определенные учебные задачи и осуществляется поиск средств их решения.

В качестве метода, отражающего современные подходы к проектированию модной одежды на основе приемов эстетического эклектизма, выделим комбинаторику. Суть его в проектировании костюма с использованием вариаций, создаваемых из типизированных элементов. Эскизный поиск может при этом строиться на комбинировании модулей, из которых конструируется целостная форма.

Методика обучения проектированию одежды путем освоения комбинаторного подхода базируется на вариативном сочетании различных форм и их элементов. Основными приемами такого комбинирования являются переворот, перестановка элементов и их последовательная перегруппировка, сочетание группирования элементов с приемом «врезки», а также ритмизация элементов, основанная на сопоставлении сложных метрических и динамических ритмических рядов.

Еще один вариант комбинаторного подхода может базироваться на вариативном объединении деталей внутри одной конструктивной основы. Так, студенту дается задание разработать коллекцию моделей одежды с использованием конструктивного модуля как части типовой конструкции. Этот подход позволяет достигать разнообразия при трансформации простой формы в сложную.

Обучение с помощью данного метода позволяет расширить в сознании студента концепцию одежды как явления материальной культуры, открывает пути новых образных и конструктивных решений и тем самым активизирует экспериментальную составляющую творчества. Акцент делается на креативном подходе к проектированию, в рамках которого перед студентом ставится цель выхода за рамки привычных представлений. Поэтому задания должны строиться не на разрушении формы, как это предполагал деконструктивизм на рубеже XX–XXI вв., а на таком ключевом понятии, как «гибрид форм». Именно этот подход подразумевает более сложные преобразования эстетики одежды. В таком случае при построении курса дизайн-проектирования на основе метода деконструкции можно разделить обучение на несколько модулей. В первом – аналитическом – преподаватель предлагает студентам теоретический анализ метода деконструкции с характерными примерами из мировой практики, показывая эволюцию и современную концепцию метода. В рамках данного модуля разъясняется специфика метода, дается классификация приемов, разбираются конкретные коллекции известных мастеров.

Практический модуль может включать два блока. Первый предполагает полное или частичное копирование уже созданных в культурном пространстве дизайнерских решений в форме макетов изделий в масштабе. Второй блок содержит серию заданий по разработке авторского проекта изделия или коллекции с использованием приемов деконструкции и последующим выполнением изделий в материале. Прием может быть задан преподавателем или выбираться студентом. В любом случае важно четко определить именно тот прием деконструкции, к которому студент будет обращаться в ходе работы. Этот блок заданий предполагает разработку концепции с формированием портфолио проекта, создание которого включает обзор аналогового ряда, поисковый эскизный ряд, выполнение вариантов изделий уменьшенного масштаба в макетном

материале. Финальным этапом цикла является презентация студентом своего проекта в виде публичной защиты его перед комиссией, а затем обсуждение в широком кругу с целью выявить направления дальнейшей работы над темой.

Заключение

Описанная в статье методика апробируется на кафедре дизайна моды факультета социокультурных коммуникаций БГУ. В ходе последовательного прохождения всех этапов дизайн-проектирования преподаватель тщательно прорабатывает каждый модуль, совершенствуя его структуру, уточняя терминологию, побуждая студента к поиску новых принципов формообразования. Таким образом, на основе анализа практической работы конкретизируются задачи, выясняются проблемные участки, вырабатывается алгоритм действий. Благодаря системному подходу в процессе последовательного внедрения указанной методики преподавания появляется возможность соотнести цель, выраженную в учебно-программной документации, и полученный (или предполагаемый) результат.

В нашей республике сфера дизайн-образования достаточно молода. Основные подходы к обучению будущих дизайнеров, сформированные во второй половине XX в., развиваются сегодня на основе тесной связи с художественным образованием. Кроме того, дизайн-образование – это образование практико-ориентированное, оно должно базироваться на сотрудничестве студента и дизайнера-профессионала. Тесная связь содержания обучения с проектной практикой обуславливает вовлечение в образовательный процесс практикующих дизайнеров.

Использованные источники:

- 1 Ермилова ДЮ. Актуальные методы проектирования в дизайне костюма в контексте культуры постмодерна. *Сервис plus*. 2016;10(4):45–56. DOI: 10.22412/1993-7768-10-4-6.
- 2 Торебаев Б.П., Мырхалыков Ж.У., Калдыбаев Р.Т. Модный и эклектичный стиль в дизайне одежды. *Технология текстильной промышленности*. 2017; 6:226–231.
- 3 Холопов ЮН. Полистилистика. Кравец С.Л., редактор. *Большая российская энциклопедия. Том 26*. Москва: Большая российская энциклопедия; 2014. 776 с.
- 4 Жердев ЕВ. *Художественное осмысление объекта дизайна*. Москва: Аутопан; 1993. 132 с.
- 5 Свинцова ЕВ. Перспективные методы проектирования костюма. *Сервис в России и за рубежом*. 2014;8(1):123–128.

Филонова Д. С.
студент
Научный руководитель: Гончарова Е. Н. к. э. н.
доцент
кафедра Управления
«Технологический университет имени дважды Героя Советского
Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова» - филиал федерального
государственного бюджетного образовательного учреждения высшего
образования «Московский государственный
университет геодезии и картографии»
г. Королев Московская обл., Россия

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА ПРЕДПРИЯТИЙ-УЧАСТНИКОВ ВЭД

Аннотация: система мотивации все чаще претерпевает различные изменения из-за трансформации рынка труда. Современная мотивационная структура выходит за рамки традиционного сочетания фиксированной заработной платы и процентных бонусов, превращаясь не только в многослойную, гибкую систему, но и высоко персонализированную экосистему. Исследование разбирает ключевые особенности мотивации в ВЭД-компаниях, опираясь на тренды рынка труда.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, мотивация, материальное поощрение, кадровое управление, стимулирование работы персонала.

Filonova D.S.
student
Supervisor: Goncharova E.N., Ph.D. (Econ.)
associate professor
Department of Management
"Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
pilot-cosmonaut A.A. Leonov" - branch of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education "Moscow State University of
Geodesy and Cartography"
Korolev, Moscow Region, Russia

MODERN FEATURES OF THE PERSONNEL MOTIVATION SYSTEM OF ENTERPRISES PARTICIPATING IN FOREIGN ECONOMIC ACTIVITIES

Abstract: the motivation system is increasingly undergoing various changes due to the transformation of the labor market. The modern motivation structure goes

beyond the traditional combination of fixed salary and percentage bonuses, becoming not only a multi-layered, flexible system, but also a highly personalized ecosystem. The study analyzes the key features of motivation in foreign economic activity companies, based on labor market trends.

Keywords: *foreign economic activities, motivation, financial encouragement, personnel management, stimulation of personnel work.*

Внешнеэкономическая деятельность является критически важным направлением развития для большинства российских предприятий. Рост значимости ВЭД для российской экономики, также усиление конкуренции на международных рынках, необходимость адаптации к быстро меняющимся условиям внешнеторговой деятельности и дефицит квалифицированных кадров с международными компетенциями делают тему мотивации персонала особенно актуальной.

Деятельность персонала предприятий ВЭД имеет ряд существенных отличий от работы в рамках внутреннего рынка. Прежде всего, она связана с международными аспектами, такими как:

- взаимодействие с иностранными партнерами;
- владение иностранными языками на профессиональном уровне;
- работа с международными стандартами и нормами;
- работа с учетом различий в правовых системах разных стран.

Кроме того, персонал сталкивается с различными операционными сложностями, которые включают управление логистическими цепочками, охватывающими несколько государств, прохождение таможенных процедур, а также оформление внешнеторговой документации и адаптацию к колебаниям валютных курсов, помимо этого необходимо соблюдение санкционных ограничений и экспортного контроля. Особенности, перечисленные выше, имеют повышенные ожидания к компетенциям сотрудников и требуют особого подхода к мотивации.

Современные системы мотивации на предприятиях-участниках ВЭД характеризуются комплексностью и многофакторностью, сочетая в себе различные виды стимулов, а именно: материальные, нематериальные и карьерные. К материальным стимулам можно отнести премии за выполнение экспортных планов, бонусы за привлечение новых работников, а также надбавки за знание языков и компенсацию за работу в особых условиях. Нематериальные включают обучение и стажировки за рубежом, кроме того, участие в международных выставках и конференциях, а также публичное признание достижений. Возможность ротации между офисами в разных странах, назначение на руководящие позиции в зарубежных филиалах и участие в стратегических международных проектах предоставляют карьерные стимулы.

У современных систем мотивации имеется значимая особенность — ориентация на международные KPI. Ключевыми показателями для таких систем являются:

- объем экспортных поставок;
- количество новых зарубежных партнеров и рынков;
- выполнение требований международных стандартов качества;
- эффективность прохождения таможенных процедур с точки зрения затраченного времени и ресурсов;
- минимизация логистических издержек и сроков доставки;
- уровень удовлетворенности иностранных клиентов;
- успешность переговоров с иностранными контрагентами.

Помимо этого, особое внимание уделяется развитию компетенция в современных системах мотиваций. Мотивация направлена не только на достижение результатов, но и на развитие навыков сотрудников, а именно: оплату обучения, финансирование сертификации по логистическим стандартам, поддержку участия в международных конференциях и семинарах, а также компенсацию расходов на изучение иностранных языков и получение международных языков сертификатов, таких как IELTS, TOEFL, DELF и других.

Одним из методов современных систем мотивации можно считать социальное стимулирование, которое включает расширенный социальный пакет с ДМС международного покрытия, помощь в релокации для работы в зарубежных филиалах, поддержку семей сотрудников при переезде, программы адаптации и корпоративную культуру, ориентированную на международные стандарты.

Основываясь на выделенных ранее методов, можно выделить практические примеры мотивационных решений:

- языковая мотивация, к примеру, на предприятии машиностроения действует шкала доплат за знание языков, если владение английским языком достигает уровня B2, то доплата к окладу составит + 5%, если C1, то + 10%, если имеется сертификат международного образца подтверждающий уровень, то разовая премия в размере 30000 рублей;
- премии за освоение новых рынков, к примеру, компания-экспортер сельхозпродукции ввела систему бонусов к контракту, а именно: + 10% от суммы контракта за первую поставку в новую страну, + 5% за последующие контракты с тем же партнером, а также дополнительный отпуск за успешное прохождение аудита иностранного покупателя.

Вместе с тем современные системы мотивации в сфере ВЭД сталкиваются с рядом трудностей. Санкционное давление ограничивает возможности международных стажировок и командировок, а волатильность курсов влияет на размер премий в рублевом эквиваленте, также наблюдается дефицит кадров с международными компетенциями и высоким уровнем владения языками, исходя из этого возникает сложность оценки вклада

отдельных сотрудников, а также существует необходимость постоянного обновления мотивационных инструментов в условиях быстро меняющейся внешней среды.

Для преодоления этих трудностей перспективными направлениями могут стать:

- внедрение цифровых инструментов оценки KPI;
- аналитика экспортных сделок в реальном времени;
- развитие программ корпоративной социальной ответственности с международным фокусом;
- создание корпоративных онлайн-платформ для обмена опытом между сотрудниками из разных стран.

Система мотивации персонала предприятий-участников ВЭД эволюционирует от традиционных материальных стимулов к комплексным решениям, учитывающим глобальные тренды и специфику международной деятельности. В заключении можно отметить, что совершенствование систем мотивации позволит компаниям привлечь и удержать квалифицированные кадры с международными компетенциями, а также повысить эффективность внешнеэкономической деятельности, укрепить позиции на международных рынках и обеспечить устойчивое развитие в условиях глобальной конкуренции.

Использованные источники:

1. Токарева, Ю.А. Мотивация трудовой деятельности персонала: комплексный подход: монография / Ю.А. Токарева, Н.М. Глухенькая, А.Г. Токарев; Урал. федер. ун-т им. Б.Н. Ельцина, Шадр. гос. пед. ун-т. – Шадринск: ШГПУ, 2021. – 216 с.
2. Казанцева А. В. Особенности стимулирования персонала предприятий-участников внешнеэкономической деятельности [Электронный ресурс] / Казанцева А. В. // Научно-практический журнал «Диалог». 2025. № 6. режим доступа <https://www.npzhdialog.ru/gallery/91062025>.
3. Щербань В.А. Модернизация системы мотивации на предприятии-субъекте ВЭД [Электронный ресурс] / Щербань В.А. // режим доступа https://donampa.ru/images/document/republic_o/1/53.pdf

Suleimenova A. Zh.

2nd-year student

Higher School of Philology, Shakarim University

major: "Foreign Language: Two Foreign Languages"

CURRENT ISSUES IN THE APPLICATION OF TERMINOLOGY IN INTERNATIONAL TREATIES

Abstract. *The article examines key terms of international law in English, their translation into Russian, and their use in international treaties. It analyzes types of agreements (Treaty, Convention, Agreement), standard clauses (boilerplate clauses), features of legal English (double synonyms), and tips for accurate translation to reduce risks. The study emphasizes the need to understand the application of legal concepts in contractual relations of foreign economic activity.*

Keywords: *international law, legal English, contract translation, treaty terms, legal terminology, bilingual contracts.*

In modern international private law practice, the accuracy of translating legal terms is not only a linguistic requirement but also a tool of strategic risk management. Since most foreign economic activity contracts are drafted in English, inaccuracies and ambiguities lead to protracted court proceedings and significant financial losses.

The purpose of the study is to show that correctly translating an international treaty is not just selecting words from a bilingual dictionary. It is a deep understanding of legal concepts and their meaning, so that the text sounds equally precise in another language. For this, the translator needs to know the legal context and the basic concepts of international law.

According to the UN Treaty Reference Guide, international practice does not follow a rigid nomenclature. However, the choice of a document's title often reflects the parties' intentions and the level of formality in their relationship.

The term "Treaty" (Договор) is used in two primary senses:

1. As a generic (родовой) term: In this context, it covers all instruments that meet four criteria: (a) a binding nature (intent to create rights and obligations), (b) conclusion by capable subjects (States or International Organizations), (c) regulation by international law, and (d) a written form.

2. As a specific (специфический) term: This applies to the most formal acts regarding matters of special importance (such as peace or boundary treaties), which require ratification and official seals [1].

An analysis of key instruments based on UN classification reveals:

- **Convention (Конвенция):** A formal multilateral treaty with a broad range of participants, usually concluded under the auspices of international organizations and open to the global community [2].

- **Agreement (Соглашение):** More commonly applied to bilateral acts of a technical or administrative nature. These are less formal, signed by departmental representatives, and often come into force without ratification via definitive signature.

- **Protocol (Протокол):** An additional instrument that can amend the main text (Protocol to amend), regulate technical issues (Protocol of Signature), or establish a multi-level system of obligations (Optional Protocol) [3].

The choice of a specific term dictates the level of obligation, which leads us to analyze how the parties' will is expressed within the text itself. In the Anglo-Saxon legal system, certainty of expression is the foundation of a transaction's validity. Based on the form of expression, obligations are categorized into express and implied (see Table 1).

Table 1.

Contract Type	Russian Equivalent	Legal Basis	Role of the Court
Express Contract	Положительно выраженный договор; Special contract	Terms are clearly stated in writing or orally.	The court literally interprets the recorded will of the parties.
Implied Contract	Подразумеваемый договор (на основе конклюдентных действий)	The agreement arises from conduct (concludent actions) rather than words.	The court establishes obligations based on factual circumstances.

A particularly noteworthy concept is the Quasi-contract, also known as an implied-in-law contract. From an applied linguistics perspective, this is a legal construct representing an obligation imposed by law regardless of the parties' will or consent. The primary goal of this tool is to protect against unjust enrichment (неосновательное обогащение) and to provide a legal remedy (средство правовой защиты) [4].

The specific redundancy of the legal English register has deep historical roots, stemming from the interaction between Anglo-Saxon (Germanic) common law and the Latin-French tradition (Law French) introduced after the Norman Conquest. To ensure unambiguous understanding, lawyers of the past used pairs of synonyms from different linguistic layers.

In modern linguistics, this phenomenon is known as "irreversible binomials" or lexical redundancy. Despite being criticized for their "pleonastic effect," these constructions remain standard:

- **Doublets:** *Null and void* (ничтожный, недействительный), *Terms and conditions* (условия и положения), *Save and except* (за исключением), *Ways and means* (способы и средства).

• Triplets: *Cancel, annul and set aside* (аннулировать, отменять и объявлять недействительным), *Rest, residue and remainder* (остаток имущества).

Historically, the preservation of these structures was encouraged by the fact that solicitors and clerks were often paid by the word, which incentivized verbosity. Today, phrases like ways and means have transitioned into clichés even in non-legal contexts.

To ensure the equivalence of boilerplate clauses (стандартные оговорки), uniform translation is crucial. An error in these terms can deprive a document of its "force and effect" (сила и действие).

1. Performance and Breach (Исполнение и нарушение)

• Breach of contract (Нарушение договора) — *Force and effect*: Establishes the legal grounds for terminating the contract or claiming damages.

• Liability (Ответственность) — *Force and effect*: Defines the limits and nature of a party's accountability for non-performance.

• Indemnification (Возмещение убытков / Статья о компенсации) — *Force and effect*: Obligates a party to compensate for losses incurred by the counterparty in specific situations.

• Force Majeure (Непреодолимая сила) — *Force and effect*: Allows for the suspension of obligations without liability in the event of extraordinary circumstances.

2. Dispute Resolution (Разрешение споров)

• Jurisdiction (Подсудность/Юрисдикция) — *Force and effect*: Specifies the particular court authorized to hear disputes.

• Governing law (Применимое право) — *Force and effect*: Determines which state's legal system should be applied to the interpretation of the contract.

• Arbitration (Арбитраж) — *Force and effect*: Removes the dispute from the jurisdiction of state courts in favor of a private tribunal.

3. Final Provisions (Заключительные положения)

• Entire agreement (Полнота соглашения) — *Force and effect*: Confirms that the document contains the complete agreement and supersedes any prior oral or written statements.

• Severability (Делимость) — *Force and effect*: Prevents the "total collapse" of the contract if one of its articles is found invalid by a court.

• Waiver (Отказ от права) — *Force and effect*: Guarantees that the temporary non-use of a right does not mean a permanent waiver of it in the future.

• Assignment / Cession (Переуступка / Цессия) — *Force and effect*: Regulates the procedure for transferring rights or obligations to third parties.

A unified legal space is being shaped through glossaries from international organizations, such as the Council of Europe's HELP and the UN's OHCHR [2]. Mastery of this vocabulary is critical for international business.

Key categories from the ECHR Glossary include:

1. Admissibility criteria (Критерии приемлемости): Conditions that must be met for a complaint to be considered on its merits.

2. Equality of arms (Равноправие сторон / «Равенство оружия»): The principle that each party must be given a reasonable opportunity to present their case under conditions that do not place them at a substantially disadvantageous position relative to their opponent.

3. Margin of appreciation (Пределы усмотрения): A doctrine recognizing a state's right to choose the means of fulfilling obligations, taking into account national characteristics.

4. Exhaustion of domestic remedies (Исчерпание внутренних средств правовой защиты): A mandatory condition before appealing to an international court.

5. Effective remedy (Эффективное средство правовой защиты) [5].

To certify proficiency in the functional use of language in commercial law, the TOLES (Test of Legal English Skills) system is used.

Notably, TOLES certificates are valid for life (бессрочный).

- Foundation: Basic level for terminology.
- Higher: Focuses on drafting correspondence and contract analysis.
- Advanced: The gold standard for professionals, requiring the skill to interpret complex texts [6].

Based on this analysis, the following recommendations can be made for working with international legal texts:

1. Consider the source system. Always conduct a comparative analysis of terms (for instance, noting that in English law, Express contract is a synonym for Special contract).

2. Priority clause. In bilingual contracts, the following phrasing is essential: "In case of discrepancies between the Russian and the English texts of the contract, the [Language] version shall prevail."

3. Consistency. Use official resources from international organizations to maintain terminological unity.

References / Список литературы

1. UNTreatyCollection.TreatyReferenceGuide.
Definitionofkeyterms./https://www.noaa.gov/sites/default/files/2025-07/gcil_treaty_guide.pdf
2. Council of Europe (HELP). Glossary of the European Convention on Human Rights. 2015. /https://rm.coe.int/16806f0dd3
3. Lewis Foreman School. Glossary of popular contract terms./https://lewisforemanschool.ru/popularwords/contractterms
4. Borisova L.A. Certainty of expression in English Law: key terms of contract law in translation./https://www.toptr.ru/library/translation-truth/opredelennost-voleizyavleniya-storon-v-anglijskom-prave-klyuchevyie-terminyi-dogovornogo-prava-v-aspekte-perevoda.html

5. Algorithm Translation Company. Useful phrases for contract translation./<https://altm.ru/info/articles/perevod-dogovora-poleznye-frazy/>
6. Wikipedia. Legal Doublets and TOLES examination structure./<https://en.wikipedia.org/wiki/TOLES>

*Безбородов В.А.
Казанский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
Научный руководитель:
Кулешов Ю.Н., кандидат юридических наук
доцент
кафедра уголовного процесса и криминалистики
Казанский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»*

**ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ДОЗНАНИЕ В
СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Аннотация: Статья посвящена анализу правового статуса лиц, осуществляющих дознание в сокращенной форме по ст. 226.1 УПК РФ. Рассматриваются теоретические основы института дознания в сокращенной форме, практика применения в органах дознания, проблемы квалификации полномочий и ответственности, выявлены пробелы в законодательстве, предложены меры, направленные на совершенствование для повышения эффективности уголовного преследования.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме, правовой статус дознавателя, полномочия органов дознания, уголовно-процессуальное законодательство, судебный контроль, ответственность дознавателя, эффективность расследования, гарантии прав подозреваемых.

*Bezborodov V.A.
Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)
Academic Supervisor: Kuleshov Yu.N., PhD in Law
associate professor
Department of Criminal Procedure and Forensic Science
Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)*

**LEGAL STATUS OF PERSONS CONDUCTING INVESTIGATION
IN A BREVENT FORM IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS:
CURRENT ISSUES OF THEORY AND PRACTICE**

Abstract: The article is devoted to the analysis of the legal status of persons conducting an abbreviated inquest under Article 226.1 of the Code of Criminal

Procedure of the Russian Federation. The theoretical foundations of the institution of an abbreviated inquest, the practice of its application in the bodies of inquest, the problems of qualification of powers and responsibility, gaps in legislation, and measures aimed at improvement to enhance the effectiveness of criminal prosecution are considered.

Keywords: *abbreviated inquests, the legal status of the investigator, the powers of the investigative bodies, criminal procedure legislation, judicial control, the investigator's responsibility, the effectiveness of investigations, and guarantees of the suspects' rights.*

Институт дознания в сокращенной форме, который был введен Федеральным законом от 04.03.2013 №23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [2], являет собой инновацию российского уголовного процесса, позволяющий оперативно завершить производство по делам небольшой общественной опасности. Но, в то же время, правовой статус лиц, осуществляющих дознание в сокращенной форме (дознавателей), остается весьма спорным.

Согласно ч. 1 ст. 40 УПК РФ, дознание являет собой форму предварительного расследования. К органам дознания относятся:

1) органы внутренних дел РФ и входящие в их состав территориальные, включая линейные, управления (отделы, отделения, пункты) полиции, а также иные органы исполнительной власти, наделенные полномочиями по оперативно-розыскной деятельности;

2) органы принудительного исполнения РФ;

3) начальники органов военной полиции ВС РФ, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов;

4) органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы [1].

На органы дознания возлагаются:

1) дознание по делам, где предварительное следствие необязательно;

2) неотложные следственные действия по делам с обязательным следствием (ст. 157 УПК РФ);

3) иные полномочия по УПК РФ [1].

Возбуждение дел (ст. 146 УПК) и неотложные следственные действия также на:

1) капитанов морских/речных судов в дальнем плавании по преступлениям на судах;

2) руководителей геологоразведочных партий, зимовок, начальников российских антарктических станций и сезонных полевых баз, удаленных от органов дознания по преступлениям по месту;

3) глав дипломатических представительств и консульских учреждений РФ по преступлениям на их территориях [1].

В качестве одного из участников уголовного производства выступает дознаватель, который вправе осуществлять производство в форме дознания. Согласно ст. 226.1 УПК РФ производство дознания по упрощенной схеме осуществляется в полном соответствии с правилами, которые нашли свое отражение в главе 32 УПК РФ, но с учетом отдельных исключений. Инициирование дознания по упрощенной схеме происходит на основе поданного заявления подозреваемого о том, чтобы был применен упрощенный порядок проведения расследования по уголовному делу, что может быть при обязательном соблюдении следующих условий:

1) возбуждение уголовное дело против определенного лица по признакам одного или нескольких правонарушений, которые перечислены в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ;

2) лицо, которое подозревается в совершении преступления полностью признал свою вину, в полной мере оценивает степень и объем причиненного ущерба;

3) отсутствуют обстоятельства, которые предусмотрены ст. 226.2 УПК РФ, которые препятствуют проведению дознания по упрощенной схеме [1].

Основы правового статуса дознавателя в уголовном судопроизводстве заложены п. 7 ч. 1 ст. 5, ст. 41 УПК РФ. Законодатель определяет дознавателя как должностное лицо органа дознания, которое правомочно или уполномочено начальником органа дознания на осуществление предварительного расследования в форме дознания, а также наделено иными полномочиями, предусмотренными УПК РФ. От дознавателя как субъекта, уполномоченного на производство дознания, следует отличать тех лиц, на которых решением начальника органа дознания возлагаются полномочия по выполнению поручений следователя (дознавателя). Данные лица имеют полномочия, которые ограничены конкретным следственным или иным процессуальным действием, указанным в поручении, и не наделяются иными полномочиями по делу [3, с. 57].

Правовой статус дознавателя при осуществлении дознания в сокращенной форме характеризуется следующими основными элементами, а именно, полномочиями, обязанностями и процессуальными гарантиями.

Полномочия дознавателя при осуществлении дознания в сокращенной форме заключаются в следующем:

– дознаватель имеет право на возбуждение уголовного дела в установленном УПК РФ порядке, при наличии для проведения дознания в сокращенной форме оснований;

– дознаватель принимает решение о применении сокращенной формы при условии, что были установлены все условия, предусмотренные ст. 226.2 УПК РФ;

– дознаватель проводит необходимые следственные действия (допрашивает подозреваемого, потерпевшего, свидетелей, производит осмотр места происшествия, назначает проведение судебной экспертизы и т.д.) в тех

пределах, которые установлены законом для сокращенной формы. Перечень следственных действий может быть сокращен, а сроки их проведения сжаты.

- дознаватель осуществляет сбор, проверку и оценку доказательств, которые являются необходимыми для принятия решения по уголовному делу;
- по окончании проведения дознания в сокращенной форме дознаватель обязан составить обвинительный акт, который и является процессуальным документом;
- дознаватель взаимодействует с другими лицами, а именно, с прокурором, защитником, подозреваемым, потерпевшим и др. [4, с. 147].

Дознаватель в процессе осуществления дознания в сокращенной форме обязан:

- строго соблюдать нормы и требования Конституции РФ, УПК РФ и других федеральных законов;
- обеспечивать права всех участников уголовного судопроизводства;
- принять все меры, направленные на своевременное производство процессуальных действий, с соблюдением установленных законом сроков;
- стремление к объективному исследованию обстоятельств дела, выяснению как разоблачающих, так и оправдывающих доказательств, а также обстоятельств, которые смягчают и отягчают наказание [6, с. 394].

Основное отличие дознания в сокращенной форме заключается в значительном сокращении процессуальных сроков, так как общий срок дознания в сокращенной форме составляет 10 суток, но он может быть продлен прокурором до 15 суток, что требует от дознавателя высокой оперативности и четкости действий.

Обратимся к судебной практике, когда применялось дознание в сокращенной форме.

В Апелляционном постановлении от 31 августа 2025 года по делу №1-36/2025 Ярославского областного суда, суд принял решение о проведении судебного разбирательства в особом порядке с учётом требований ст. 226.9 УПК РФ, на том основании, что не было возражений сторон против дальнейшего производства по делу, дознание по которому проводилось в сокращённой форме [8].

Данный пример демонстрирует, что суд, при отсутствии возражений сторон, принимает решение о проведении судебного разбирательства в особом порядке, основанном на дознании в сокращенной форме, что подчеркивает важность согласия сторон. Поэтому, отсутствие возражений позволяет суду перейти к упрощенному порядку.

Согласно Апелляционному постановлению Брянского областного суда (Брянская область) от 28 августа 2025 года по делу №1-18/2025 (22-972/2025) суд удостоверился в том, что выполнены условия, при которых возможно проведение дознания в сокращённой форме, и рассмотрел уголовное дело в особом порядке судебного разбирательства [9].

В данном примере суд явно акцентирует внимание на том, что он удостоверился в выполнении условий для дознания в сокращенной форме, что означает, что суд не просто принимает факт проведения такого дознания, но и проверяет, были ли соблюдены все законодательные требования (признание вины, согласие с обвинением, отсутствие возражений против особого порядка и т.д.). Данное подтверждение является важным для законности дальнейшего производства.

В Приговоре Судебного участка №263 района Люблино от 30 апреля 2025 года по делу №01-0007/263/2025, согласно ч. 6 ст. 226.9 УПК РФ, в случае постановления обвинительного приговора по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращённой форме, назначенное подсудимому наказание не может превышать максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершённое преступление [10].

Данный пример подтверждает, что ограничение наказания является одной из основных процессуальных гарантий, предусмотренных для лиц, чьи дела рассмотрены в порядке дознания в сокращенной форме, что стимулирует подозреваемых и обвиняемых к признанию вины и сотрудничеству, предлагая им более мягкий вариант наказания в случае соблюдения процедуры, а суды неукоснительно следуют этому предписанию.

Несмотря на законодательное закрепление правового статуса лиц, осуществляющих дознание в сокращенной форме, на практике возникают определенные проблемы:

1) неопределенность в объеме полномочий и ответственности. Несмотря на то, что дознаватель в сокращенной форме обладает многими полномочиями, которые присущи дознавателю при обычном дознании, пределы его действий и ответственность в условиях сжатых сроков и упрощенной процедуры не всегда достаточно четко определены. При попытке ускорить процесс, дознаватель может допустить нарушения, которые способны повлечь за собой признание доказательств недопустимыми или даже прекращение уголовного преследования, что ставит под вопрос баланс между эффективностью и законностью. Законодательство, которое регулирует дознание в сокращенной форме, в основном делает отсылки к общим нормам УПК РФ, отсутствие детализированных норм, учитывающих специфику ускоренной процедуры, способно создавать пробелы в правовом применении.

2) взаимодействие с прокурором и судом. Несмотря на упрощенную процедуру, контроль прокурора за законностью действий дознавателя все еще сохраняется, а вопросы возникают тогда, когда контроль должен осуществляться в условиях ограниченного времени, не превращая его в формальность. Процедура сокращенного дознания, возможности для обжалования действий дознавателя, могут быть ограничены, что способно создавать трудности для защиты прав обвиняемых и потерпевших.

3) проблема процессуальных гарантий. В ряде случаев, в условиях скоротечности процедуры, способен возникать риск ограничения права обвиняемого на полноценную защиту, в том числе возможность своевременного получения квалифицированной юридической помощи. Процедура отмены постановления о возбуждении уголовного дела в контексте сокращенного дознания может быть не достаточно четко регламентированной, что создает неопределенность.

В качестве путей решения выявленных проблем, можно предложить:

1) внесение изменений в УПК РФ, которые более четко определяют объем полномочий и меру ответственности дознавателей при проведении дознания в сокращенной форме, с учетом специфики этой процедуры. Создание ведомственных приказов и рекомендаций, детально регламентирующих порядок проведения следственных действий, получения и оценки доказательств в рамках сокращенного дознания. Пересмотр существующих норм для обеспечения всех необходимых процессуальных гарантий для участников процесса, в особенности для обвиняемого, в условиях сокращенных сроков.

2) разработка конкретных форм и методов прокурорского надзора, адаптированных к условиям сокращенного дознания, позволяя своевременно выявлять и устранять нарушения, не замедляя при этом сам процесс. Необходимо рассмотреть возможность адаптации судебного контроля для обеспечения необходимого баланса между законностью и оперативностью, возможно, при помощи установления более четких рамок обжалования на досудебных стадиях.

Таким образом, институт дознания в сокращенной форме, несмотря на свою новизну, является важным элементом модернизации отечественного уголовного процесса. Решение проблем, которые связаны с правовым статусом лиц, осуществляющих дознание в сокращенной форме, требует подхода, который бы включал в себя нормативное совершенствование, совершенствование системы надзора и контроля.

Использованные источники:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – №52 (часть I). – Ст. 4921.
2. Федеральный закон от 04.03.2013 №23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – №9. – Ст. 875.
3. Курбаналиев Г.А. К вопросу о процессуальном статусе дознавателя в современном уголовном судопроизводстве // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 73-5. С. 57-59.

4. Наумов А.М. Основные формы процессуальной деятельности при производстве дознания в сокращенной форме // Ученые записки. 2024. №3(51). С. 111-115.
5. Озерова Ю.С., Кирикова М.В. Нужно ли дознание в сокращенной форме, как отдельная форма расследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. №1(105). С. 146-151.
6. Шаповалов А.А. Основания для производства предварительного расследования в форме дознания в сокращенной форме // Экономика и социум. 2022. №1-2(92). С. 393-403.
7. Шпагина Ю.В. Некоторые размышления об уголовно-процессуальной форме (на примере дознания в сокращенной форме) // Академическая мысль. 2023. №3(24). С. 55-58.
8. Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 31 августа 2025 года по делу №1-36/2025 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный источник] – Режим доступа: <https://sudact.ru/>
9. Апелляционное постановление Брянского областного суда (Брянская область) от 28 августа 2025 года по делу №1-18/2025 (22-972/2025) // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный источник] – Режим доступа: <https://sudact.ru/>
10. Приговор Судебного участка №263 района Люблино от 30 апреля 2025 года по делу №01-0007/263/2025 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный источник] – Режим доступа: <https://sudact.ru/>

*Власенко Г. Д.
аспирант
кафедра гражданского и предпринимательского права
ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет*

СТРАХОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТОРОН ДОГОВОРА АРЕНДЫ СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

***Аннотация:** В статье отмечается значительный рост популярности сервисов аренды СИМ, связанный с урбанизацией и цифровизацией, и вытекающую из этого необходимость детального правового регулирования. Основное внимание уделяется сложностям в определении ответственности сторон договора аренды СИМ. Особую сложность вносит участие оператора интернет-платформы как посредника при заключении договора. Подчеркивается распространение практики включения договора страхования ответственности арендатора в "накет" услуг при аренде СИМ, что приводит к активному участию страховых компаний в возможных судебных разбирательствах.*

Отмечается, что по искам о возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности (СИМ), в качестве ответчика привлекается арендатор. Это основано на толковании п. 1 ст. 1079 ГК РФ: владельцем источника повышенной опасности в момент причинения вреда признается лицо, использующее его на законном основании (в данном случае – арендатор), а не собственник (арендодатель).

***Ключевые слова:** средство индивидуальной мобильности; договор аренды; ответственность сторон договора.*

*Vlasenko G. D.
Postgraduate student
Department of Civil and Business Law of the Ulyanovsk State University*

LIABILITY INSURANCE OF THE PARTIES TO THE LEASE AGREEMENT FOR PERSONAL MOBILITY EQUIPMENT

***Abstract:** The article notes a significant increase in the popularity of SIM rental services associated with urbanization and digitalization, and the resulting need for detailed legal regulation. The main focus is on the difficulties in determining the responsibilities of the parties to the SIM lease agreement. The participation of the operator of the Internet platform as an intermediary in the conclusion of the contract makes it particularly difficult. The spread of the practice of including a tenant's liability insurance contract in the "package" of services for*

SIM rentals is emphasized, which leads to the active participation of insurance companies in possible litigation.

It is noted that in claims for compensation for damage caused by a source of increased danger (SIM), the tenant is involved as a defendant. This is based on the interpretation of Clause 1 of Article 1079 of the Civil Code of the Russian Federation: the owner of a source of increased danger at the time of causing harm is the person using it legally (in this case, the tenant), and not the owner (landlord).

Keywords: *means of individual mobility; lease agreement; responsibility of the parties to the agreement.*

Введение.

В условиях урбанизации и цифровизации наблюдается значительный рост популярности проката средств индивидуальной мобильности (далее - СИМ), таких как электросамокаты, гироскутеры, сигвеи, велосипеды, в том числе – с использованием интернет-приложений.. Этот феномен требует детального правового регулирования для защиты интересов участников сделки.

В контексте данной темы СИМ представляют собой небольшие транспортные устройства, предназначенные для личного передвижения, которые становятся все более востребованными среди населения городов с высокой плотностью населения.

Вместе с тем, резонным является вопрос об ответственности сторон такого договора, особенно в связи с осложнением субъектного состава договора оператором интернет-платформы, через которую осуществляется заключение договора аренды.

Следует также обратить внимание на возможность страхования ответственности арендатора. В этом случае участником судебного разбирательства вполне может оказаться и страховая компания.

Методы исследования.

Выявление примеров из судебной практики, когда имеют место причинение вреда имуществу, причём причинителем вреда является лицо, управляющее арендованным СИМ. Анализ мотивировочной части судебных решений, для установления позиции судебных органов относительно ответственности арендодателя и арендатора по договору аренды СИМ, а также позиции страховщика.

Результаты оригинального авторского исследования.

В результате исследования были выявлены примеры участия в рассмотрении дел о привлечении к ответственности за причинение вреда субъектов договора аренды СИМ.

Ярким примером является Определение Первого кассационного суда от 19 марта 2025 г. N 88-7475/2025. В обоснование требований истец указал на то, что в результате дорожно-транспортного происшествия, случившегося по вине К.М., управлявшего электросамокатом,

принадлежащим обществу с ограниченной ответственностью "ВУШ", поврежден принадлежащий истцу автомобиль Porsche Cayenne. Ответственность К.М. при эксплуатации электросамоката была застрахована по полису страхования пользователей электросамокатов/электровелосипедов в АО «АльфаСтрахование», которое отказало истцу в выплате страхового возмещения по случаю повреждения автомобиля.

Как установлено судами нижестоящих инстанций и следует из материалов дела, при аренде электросамоката 7 апреля 2023 г. между К.М. и АО "АльфаСтрахование" заключен договор страхования пользователей электросамокатов/ электровелосипедов.

Условия данного договора изложены в Полисе страхования пользователей электросамокатов/ электровелосипедов серии N, Правилах страхования средств индивидуальной мобильности, утвержденных страховщиком и в Публичной оферте о заключении договора страхования.

Согласно условиям договора, страхователем является дееспособное физическое лицо, заключившее с арендодателем договор по аренде электросамоката электровелосипеда путем принятия условий публичной оферты арендодателя и оплатившее аренду электросамоката/ электровелосипеда.

Застрахованным лицом является физическое лицо, которое управляет электросамокатом/электровелосипедом в рамках учетных данных поездки, указанных в полисе.

Застрахованной деятельностью является использование взятого в аренду электросамоката/ электровелосипеда с помощью мобильного приложения «Whoosh» в пределах территории, разрешенной арендодателем, для целей, не противоречащих условиям аренды электросамоката/ электровелосипеда, а также для целей, не наказуемых в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях⁵⁵ и Уголовным кодексом Российской Федерации⁵⁶.

Территорией страхового покрытия (территорией страхования) является территория использования электросамоката/ электровелосипеда, определенная в рамках соглашения об аренде, в соответствии с данными мобильного приложения «Whoosh».

В соответствии с пунктом 4.4.7.1 раздела 4 публичной оферты «Whoosh», пользователю воспрещается использовать электросамокат вне тротуаров и дорожек с твердым покрытием.

26 июня 2023 г. АО «АльфаСтрахование» отказало К.М. в удовлетворении его заявления, указывая на причинение вреда за пределами

⁵⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 23.05.2025) // Собрание законодательства РФ", 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> - 23.05.2025

⁵⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) // Собрание законодательства РФ", 17.06.1996, N 25, ст. 2954; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> - 21.04.2025

территории страхования, т.к. он использовал электросамокат, двигаясь не по тротуару, который имелся непосредственно напротив места столкновения транспортных средств, а по полосе проезжей части.

Из приведённого примера видно, что практика идёт по пути заключения договора страхования ответственности арендатора СИМ при заключении договора аренды СИМ. Полагаем, данный подход следует считать оправданным.

Ч. 2 п.1 ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) предусматривает, что «обязанность возмещения вреда возлагается на юридическое лицо или гражданина, которые владеют источником повышенной опасности на праве собственности, праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления либо на ином законном основании (на праве аренды, по доверенности на право управления транспортным средством, в силу распоряжения соответствующего органа о передаче ему источника повышенной опасности и т.п.).

На практике это положение законодательства находит подтверждение в следующих примерах: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17 февраля 2025 года . N 88-4565/2025⁵⁷; Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 14 августа 2024 г. по делу N 33-9572/2024⁵⁸; Определение Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 16 января 2025 г. N 88-327/2025-(88-38046/2024)⁵⁹; Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23 октября 2024 г. N 88-23406/2024⁶⁰

Заключение:

1. Анализ судебной практики позволяет прийти к выводу, что к делу о причинении вреда арендатором СИМ привлекаются страховые компании, так как договор страхования ответственности включается в «пакет», вместе с договором аренды СИМ.

2. В качестве ответчика по иску о причинении вреда привлекается арендодатель СИМ, а не арендатор, так как в момент причинения вреда именно арендатор является «владельцем» СИМ, как источника повышенной опасности.

⁵⁷ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17 февраля 2025 года . N 88-4565/2025 // СПС «КонсультантПлюс»

⁵⁸ Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 14 августа 2024 г. по делу N 33-9572/2024 2025 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁹ Определение Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 16 января 2025 г. N 88-327/2025-(88-38046/2024) // СПС КонсультантПлюс.

⁶⁰ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23 октября 2024 г. N 88-23406/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

*Газибегов Ш. И.
магистрант 2 года обучения
исторический факультет
Дагестанский Государственный Университет
Россия, г. Махачкала*

РОЛЬ ГАЗЕТЫ «КОЛОКОЛ» В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

***Аннотация.** В статье рассматривается роль газеты «Колокол» в формировании политического дискурса России второй половины XIX века. Анализируется издательская деятельность А.И.Герцена и Н.П.Огарева, а также влияние газеты на общественное сознание. Особое внимание уделяется проблематике крестьянской реформы, свободе печати, полемике с либеральными и революционными кругами, а также освещению Польского восстания 1863 года. Показано, что «Колокол» стал важным каналом формирования альтернативной публичной сферы и оказал заметное воздействие на развитие российской политической мысли.*

***Ключевые слова.** А.И. Герцен, Н.П. Огарев, «Колокол», Вольная русская типография, политическая публицистика, общественная мысль XIX века, политический дискурс, русская эмиграция, Польское восстание 1863 года.*

*Gazibegov Sh.I.
graduate student
Faculty of History
Dagestan State University
Makhachkala, Russia*

THE ROLE OF THE KOLOKOL NEWSPAPER IN FORMING THE POLITICAL DISCOURSE OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

***Annotation.** This article examines the role of the newspaper Kolokol in shaping political discourse in Russia in the second half of the 19th century. It analyzes the publishing activities of Alexander Herzen and Nikolai Ogarev, as well as the newspaper's influence on public consciousness. Particular attention is paid to the issues of peasant reform, freedom of the press, polemics with liberal and revolutionary circles, and coverage of the January Uprising of 1863. It demonstrates that Kolokol became an important channel for the formation of an alternative public sphere and had a significant impact on the development of Russian political thought. It concludes that the publication played a significant role in institutionalizing a new type of political thinking in Russia.*

Key words. *Alexander Herzen, Nikolai Ogarev, Free Russian printing house, political journalism, social thought of the 19th century, political discourse, Russian emigration, Polish uprising of 1863.*

Газета «Колокол», издававшаяся Александром Ивановичем Герценом и Николаем Платоновичем Огаревым с 1857 по 1868 год, занимает особое место в истории русской политической журналистики. Становление издания было неразрывно связано с деятельностью Вольной русской типографии, организованной А.И.Герценом в Лондоне. Первоначально «Колокол» задумывался как приложение к альманаху «Полярная звезда», но уже в 1857 году стал самостоятельным печатным органом, предназначенным для распространения (в месяц) и за десятилетие издательства успела завоевать устойчивое внимание среди представителей самых разных социальных слоёв: от чиновников до студентов и даже крестьянства.

Создатели «Колокола» стремились сформировать альтернативное официальной прессе пространство политического обсуждения. Герцен и Огарев обозначили для себя три принципиальных требования: освобождение печати от цензуры, освобождение крестьян от помещиков и отмена телесных наказаний [3, с.40]. В центре внимания издания оказывались ключевые проблемы общественной жизни — крестьянский вопрос, политическая несвобода, коррупция и произвол чиновничества. Герцен, стоявший у истоков редакторской политики, подчеркивал, что «открытая, вольная речь — великое дело», и видел в «Колоколе» средство непосредственного обращения к российскому народу, лишённому возможности выражать свою позицию в рамках легальной печати [2, с.47]

Тематика материалов была разнообразна: в газете публиковались статьи самого А.И.Герцена (часто под псевдонимом Искандер), аналитика, литературные произведения, программные документы подпольных организаций («Земля и воля»), правительственные указы, разоблачения злоупотреблений и письма из России. Газета функционировала как своеобразный «переплет» интеллектуальной и революционной оппозиции. Среди авторов и корреспондентов значились М.А. Бакунин, Н.А. Добролюбов, И.С. Тургенев, К.Д. Кавелин, а также иностранные деятели — Дж. Гарибальди, В. Гюго и П. Прудон. Газета не испытывала недостатка в материалах; напротив, объем присылаемых текстов позволил с 1859 года выпускать специальное приложение — «Под суд!» [3, с.45].

Газета оказала заметное влияние на формирование политического сознания в России. По свидетельствам современников, «Колокол» читали не только в студенческих кружках и либеральных салонах, но и в провинциальных чиновничьих кабинетах и даже крестьянских избах. Тираж газеты достигал 2000–2500 экземпляров, что по меркам нелегальной русской прессы середины XIX века было значительным показателем. Это

свидетельствовало о глубоком дефиците легальной публичной сферы и жажде политической информации. «Колокол» на время стал единственным устойчивым каналом для распространения радикальных идей в стране.

Принципиальным моментом, выделяющим «Колокол» среди прочих изданий эпохи, стала его попытка институционализировать новое политическое мышление. В публицистике А.И.Герцена явно прослеживалась тенденция к осмыслению опыта европейских революций и адаптации этих идей к российским условиям.

Он отстаивал возможность мирных перемен, не поддерживал террор и выступал против насилия как метода политической борьбы — этим он отличался от части своих радикальных современников, включая М.А.Бакунина. На страницах газеты развернулась масштабная полемика как с либералами, так и с революционерами, что, в свою очередь, стало отражением разлома внутри российского оппозиционного лагеря.

Показательным примером вмешательства газеты в актуальные политические события стало освещение Польского восстания 1863 года. В статье «Expiation!» А.И.Герцен осуждал кровавое подавление восстания, но при этом сочувствовал полякам [1, т.15, с.252-253]. Такой подход вызвал волну критики в российской прессе, особенно со стороны умеренных и монархически настроенных изданий, в частности, «Русского вестника» М.Н.Каткова [2, с.49]. Подобная реакция обострила и без того напряженные отношения между А.И.Герценом и российскими либералами. Особенно острой стала критика, когда в 1868 году издание стало выходить на французском языке — решение, принятое А.И.Герценом в условиях снижения интереса к газете и растущей изоляции редакции. Многие прежние соратники восприняли этот шаг как капитуляцию или предательство прежней линии.

Несмотря на постепенное угасание политической активности вокруг «Колокола» и окончательное закрытие издания в 1869 году, его значение в истории русской политической мысли остается значительным. Исходя из всего вышесказанного можно заключить, что газета как минимум формировала политическую повестку и задавала дискурс, а как максимум — влияла на политическую обстановку в государстве.

Использованные источники:

1. Герцен А.И. Собрание сочинений в 30-ти томах // Том 2. М., 1954-1959. 520 с.
2. Колесникова Е.В. А.И. Герцен – эмигрант, журналист, издатель // Миграции в истории, 2017. С.46-51
3. Упоров И. В. «Колокол» Герцена в контексте политической ситуации в России // Актуальные вопросы исторических наук. 2023. С.44-50

*Зайнудинова А. И.
магистрант 2 курса*

по специальности «История»

*Научный руководитель: Джабаева Т. Ч., к.и.н.
Дагестанский государственный университет*

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ В СИСТЕМЕ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДАГЕСТАНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

***Аннотация:** В статье рассматривается состояние и ключевые проблемы системы религиозного образования в Дагестане в начале XX века. Автор анализирует кризис традиционных методов обучения в мектебах и медресе, а также дискуссии в обществе того времени о необходимости модернизации учебного процесса. Освещаются сложности материально-технического обеспечения школ и нехватки квалифицированных кадров в условиях меняющейся социально-политической обстановки.*

***Ключевые слова:** религиозное образование, Дагестан, начало XX века, медресе, мектеб, джадидизм, исламское просвещение, история образования.*

Zaynudinova A. I.

*2nd-year Master's student in History,
Dagestan State University*

*Scientific Supervisor: Dzhabayeva T. Ch., Candidate of Historical
Sciences*

Dagestan State University

ON SOME PROBLEMS IN THE SYSTEM OF RELIGIOUS EDUCATION IN DAGESTAN AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

***Abstract:** The article examines the state and key challenges of the religious education system in Dagestan at the beginning of the 20th century. The author analyzes the crisis of traditional teaching methods in maktab and madrasas, as well as the public debates of that era regarding the necessity of modernizing the educational process. The study highlights the difficulties of material and technical support for schools and the shortage of qualified personnel amidst a changing socio-political environment.*

***Keywords:** religious education, Dagestan, early 20th century, madrasa, maktab, Jadidism, Islamic enlightenment, history of education.*

Система религиозного образования в Дагестане является уникальной и исторически самой древней из тех, что действовали на территории

сегодняшней России. Проблемы в системе религиозного обучения и методах преподавания существовали как в начале XX века, так и в настоящее время. Прогрессивно настроенные духовные деятели считали, что религиозное образование должно эволюционировать в своем развитии, чтобы соответствовать изменениям, происходящим в обществе в то или иное время.

В начале XX века в Дагестанской области насчитывалось 740 мусульманских религиозных школ, что значительно больше, чем в других районах Северного Кавказа.⁶¹ Методы преподавания в подобных школах были устаревшими. В отличие от ряда других мусульманских районов Кавказа, религиозные школы Дагестана позднее и медленнее стали на путь сближения к светским школам. Это объяснялось сопротивлением духовенства, пользовавшимся большим влиянием на население. К примеру, оно считало, что включение в учебный план светских дисциплин ослабит влияние и поколеблет устои мусульманской религии.⁶²

Сторонники реформы религиозной системы образования, в частности примечетской школы, предлагали применять новейшие приемы преподавания, совершенствовать процесс курса обучения, а также улучшить гигиенические условия в помещении для занятий. Более того, сохраняя в основе религиозное содержание обучения, предлагалось ввести в эти школы звуковой метод преподавания грамоты, преподавание арифметики и по возможности русского языка.⁶³ Это была попытка приспособить религиозную школу к потребностям новых производственных отношений, к интересам нарождающейся местной буржуазии.

Однако, в результате активной оппозиции духовенства, примечетская школа не претерпела серьезных изменений вплоть до XX века и продолжала пользоваться своими средневековыми схоластическими методами, тем самым, тормозя культурное развитие общества.

В начале XX века благодаря активному участию Гасана Алкадари, Али Каяева, Магомед-Кади Дибирова и других видных ученых, были открыты первые в Дагестане новометодные школы. Новометодные школы предполагали обновление всей системы мусульманского образования, начиная с введения новых предметов, в частности естественных и технических наук. По замыслу новый метод заключался в замене буквослагательного обучения детей звуковым методом обучения, а также в преподавании кроме вероучения арифметики, естествознания, географии, истории. В классе предусматривались парты, доски, географические карты.

Али Каяев одним из первых в Дагестане выступил с требованием реформирования системы мусульманского образования. В России это течение

⁶¹ Булатов Б. Б., Гаджиева Ф. Г., Зульпукарова Э. М.-Г. Школьная система в Дагестане в XIX – в первой трети XX в. (становление и развитие). Махачкала, 2006. С.140

⁶² Каймаразов Г. Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989. С. 89-90

⁶³ Черняевский А. О. Мусульманское духовенство и народные школы // Кавказ. 12 сентября 1893.

стало известно под названием «джадидизм». А. Каяев не только пропагандировал эту систему, но и ввел ее в свое медресе. Первоначальное обучение он осуществлял на родном языке, а затем постепенно, по мере усвоения материала, переходил на арабский язык.

Однако несмотря на все усилия новометодные школы не получили широкого распространения. В 1908 г. в Дагестане насчитывалось всего 8 подобных школ, и они мало чем отличались от мечетских. Отличие состояло лишь в преподавании турецкого языка и арифметики.

Вхождение Дагестана в состав России, характеризующееся появлением светских учебных заведений, где выходцы из местной верхушки обучались основам современных знаний, необходимых для подготовки в последующем к службе в местном военно-административном аппарате, в различных сферах хозяйственной, культурной и другой деятельности⁶⁴, не помогло полностью решить проблему распространения грамотности среди населения Дагестана.

Царское правительство не имело возможности уделить достаточное внимание этой проблеме, так как в стране в этот период стояли более серьезные задачи, которые требовали материальных и физических ресурсов.

Царская администрация, с одной стороны, не открывала в достаточном количестве светских школ и училищ в крае, с другой, ограничивала деятельность религиозных учебных заведений (традиционных и новометодных). Ограничение деятельности религиозных учебных заведений было связано с политикой интеграции региона в российское социально-культурное поле. Царские власти не доверяли мусульманскому духовенству, не без основания подозревая его в протурецкой ориентации, в явной и скрытой антирусской агитации среди населения. Открываться новометодные школы могли только с официального разрешения властей, и работать под надзором местной администрации, которая контролировала используемые учебники и вмешивалась в работу преподавателей.

Тем не менее, новометодные школы сыграли большую роль в формировании местной религиозной, светской и научной интеллигенции.⁶⁵

Основными нерешенными проблемами религиозного образования данного периода являлись: во-первых – введение преподавания светских дисциплин, сохранив в основе религиозное содержание обучения; во-вторых – составление единой программы обучения; в-третьих – усовершенствование методов преподавания; в-четвертых – повышение уровня квалификации преподавателей; в-пятых – изменение режима и улучшение условий для занятий.

⁶⁴ Гасанов М. М. Административная и культурно-образовательная политика царизма в Дагестане во второй половине XIX – нач. XX в. Махачкала, 2012. С.17

⁶⁵ Гаджиев А. С. Прогресс культуры и духовной жизни народов Дагестана в конце XIX – начале XX веков. Махачкала, 1996. С.17

Таким образом, в рассматриваемый период система обучения и методы преподавания в дагестанских религиозных школах не претерпели значительных изменений. Это свидетельствует о консерватизме конфессиональной системы обучения и господствовавших в ней методов преподавания.

Использованные источники:

1. Булатов Б. Б., Гаджиева Ф. Г., Зульпукарова Э. М.-Г. Школьная система в Дагестане в XIX – в первой трети XX в. (становление и развитие). Махачкала, 2006.
2. Гаджиев А. С. Прогресс культуры и духовной жизни народов Дагестана в конце XIX – начале XX веков. Махачкала, 1996.
3. Каймаразов Г. Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989.
4. Черняевский А. О. Мусульманское духовенство и народные школы // Кавказ. 12 сентября 1893.
5. Гасанов М. М. Административная и культурно-образовательная политика царизма в Дагестане во второй половине XIX – нач. XX в. Махачкала, 2012.

*Зайнудинова А. И.
магистрант 2 курса*

по специальности «История»

*Научный руководитель: Джабаева Т. Ч., к.и.н.
Дагестанский государственный университет*

О РОЛИ ПЕДАГОГОВ-ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XIX ВЕКЕ

***Аннотация:** В статье исследуется деятельность педагогов-просветителей XIX века и их вклад в становление образовательной системы на Северном Кавказе. Автор анализирует специфику взаимодействия светского и национального образования в условиях интеграции региона в общероссийское социокультурное пространство. Особое внимание уделяется роли передовой интеллигенции в создании первых учебных пособий, открытии школ и формировании гуманистических идеалов. Рассматривается влияние просветительских идей на трансформацию общественного сознания горских народов и развитие межкультурного диалога.*

***Ключевые слова:** педагоги-просветители, Северный Кавказ, история образования, XIX век, народные школы, культурная интеграция.*

*Zaynudinova A. I.
2nd-year Master's student*

*Department of History,
Dagestan State University*

Scientific Supervisor:

*Dzhabayeva T. Ch., Candidate of Historical Sciences
Dagestan State University*

THE ROLE OF EDUCATOR-ENLIGHTENERS IN THE DEVELOPMENT OF THE EDUCATION SYSTEM OF THE NORTH CAUCASUS IN THE 19TH CENTURY

***Abstract:** The article examines the activities of 19th-century educator-enlighteners and their contribution to the formation of the educational system in the North Caucasus. The author analyzes the specifics of interaction between secular and national education during the region's integration into the Russian socio-cultural space. Special attention is paid to the role of the leading intelligentsia in creating the first textbooks, opening schools, and shaping humanistic ideals. The study considers the influence of enlightenment ideas on the transformation of the*

social consciousness of the mountain peoples and the development of intercultural dialogue.

Keywords: *educators-enlighteners, North Caucasus, history of education, 19th century, folk schools, cultural integration.*

Проникновению на Северный Кавказ передовой русской культуры и искусства русского народа способствовала деятельность передовой русской интеллигенции. В их числе были академики Г.В. Абих, Д.Н. Анучин, профессор ботаник Н.И. Кузнецов, языковед П.К. Услар, историк Е.И. Козубский, врач И.С. Костемеровский.

Свое призвание И. Костемеровский видел не только во врачевании, но и в оказании посильной помощи горцам в их общекультурном росте и развитии грамотности. В 1913 году был открыт Дагестанский кустарный музей имени И. Костемеровского, для организации которого он завещал 27779 руб.

Адыгские деятели Хан-Гирей, Султан Адиль-Гирей, Казы-Гирей, Ш.Б. Ногмов, У. Берсей последовательно выступали за сближение с Россией, усматривая большой прогресс в развитии экономики и культуры горских народов в составе России. В своих произведениях просветители прямо и недвусмысленно писали о решающей роли России в обороне и защите горцев от иноземных завоевателей – Ирана и Турции.

В начале 40-х годов XIX века Ш. Ногмов обратился с прошением к наместнику на Кавказе открыть школы в регионе. Хотя в 1843 г. было дано разрешение на устройство в Нальчике школы, она там не была открыта. В 1848 г. наместник Кавказа кн. М.С. Воронцов счел необходимым для детей кабардинских князей открыть школу, и она была основана в 1851 г.

Первая половина XIX века ознаменовалась началом научного изучения осетинского языка русским академиком А.М. Шегренем. Он, после двухлетнего пребывания в Осетии напечатал в издании Академии наук «осетинскую грамматику с кратким словарем осетино-русским и русско-осетинским»⁶⁶. Эта книга способствовала не только развитию осетинской письменности на русской основе, но и сближению осетин с другими народами, в частности с русским. Данная книга должна была служить руководством всем желающим ознакомиться с осетинским языком. Многим высшим и низшим военным и гражданским представителям российской администрации, имеющим взаимоотношения с осетинами, было приятно получить способ мало-помалу узнать их язык и избавиться от переводчиков. Составленный им первый алфавит для осетинского языка на русской основе сыграл большую роль в развитии

⁶⁶ Шегрен А.М. Осетинская грамматика с кратким словарем осетино-русским и русско-осетинским. СПб., 1844.

осетинской культуры и просвещения, им пользовались все последующие исследователи осетинского языка⁶⁷.

С 80-х годов XIX века начинается новый этап в изучении осетинского языка. Этот связан с деятельностью другого русского ученого В.Ф. Миллера, внесшего крупный вклад в развитие всей осетинской культуры. Он занимался изучением осетинского языка в сравнительном плане с другими иранскими языками. Созданная Шегренем и Миллером осетинская письменность послужила мощным толчком для развития культуры и просвещения в Осетии. Она «разбудила, - как отмечает В.И. Абаев, - дремавшие силы одаренного народа»⁶⁸.

Почти вся вторая половина XIX века и последующий предреволюционный период в Осетии характеризуются непрерывным ростом национальной интеллигенции, воспитанием кадров в самых различных отраслях хозяйства. Среди передовой части осетинской интеллигенции пробуждается большой интерес к истории своего народа, его культуре и быту⁶⁹.

В Дагестане в Темир-Хан-Шуринском реальном училище трудились высококвалифицированные преподаватели, получившие высшее образование в ведущих вузах страны. Среди них следует назвать кандидатов наук – историка Е.И. Козубского, математиков Е.Ф. Ньюблинга и Г.Н. Остапенко, филологов Х.Г. Яновского, Н.Ф. Ясковского, А.В. Барсов и других⁷⁰.

В 1871 году разрешение на открытие элементарного двухклассного училища в Петровске получила Е.Е. Немирович-Данченко, но по каким-то причинам оно не было открыто. В этом же году об открытии общественного женского училища в Дешлагаре ходатайствовала жена начальника 21-ой пехотной дивизии С.Я. Петрова. Но «в виду необеспеченности содержания училища» она получила отказ. Несмотря на это «при помощи некоторых лиц, которые согласились преподавать, а также взялись за «ежедневное приготовление с детьми уроков», С.Я. Петрова организовала у себя дома небольшую частную школу.

Содержание этой школы и снабжение учениц учебными пособиями происходило на средства самой С.Я. Петровой и на собираемые ею пожертвования. На эти же средства она еще и одевала некоторых учениц. В школе было 50 учениц. Обучались они «учебным предметам приготовительного и первого классов женских прогимназий и рукоделию». Школа Петровой просуществовала до 1873 года, когда она была закрыта в связи с переходом штаба 21-й пехотной дивизии из Дешлагара в Петровск.

⁶⁷ Грамматика осетинского языка. Фонетика и морфология. Т.1. Орджоникидзе. 1963.

⁶⁸ Калоев Б.А. Осетины (историко-этнографическое исследование). М. «Наука», 1967. С.218

⁶⁹ Тотоев М.С. Очерки истории, культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период. Орджоникидзе. 1957.

⁷⁰ Егорова В.П. Педагогическая и административная служба Е.И. Козубского в Дагестане (1881-1911). С. 41-42.

Открытие в Дагестане русских учебных заведений имело значение для распространения русского языка. Известный ученый П.К. Услар в ходе исследования дагестанских языков на русской графической основе составил алфавиты аварского, даргинского, лакского, табасаранского и лезгинского языков. На основе этих алфавитов он с помощью своих дагестанских помощников, А. Чиркеевского, А. Омарова и других, составил и издал на местных языках несколько учебных пособий. Они вместе собрали и опубликовали произведения дагестанской литературы и фольклора⁷¹.

После проведения этой подготовительной работы для обучения горцев по составленным Усларом алфавитам в 1865-1867 годах были открыты специальные школы в Хунзахе, Казии-Кумухе, Гунибе, Ахтах. В этих горско-русских школах учащихся обучали и русскому, и родному языкам. Основная цель подобных школ – подготовка кадров для административного окружного и областного аппарата.

Использованные источники:

1. Грамматика осетинского языка. Фонетика и морфология. Т.1. Орджоникидзе. 1963.
2. Егорова В.П. Педагогическая и административная служба Е.И. Козубского в Дагестане (1881-1911 гг.). Махачкала, 2012.
3. Исаев А.А. О проникновении в Дагестан русского языка и о его значении в жизни горцев (вторая половина XIX – начало XX в.) // Русский язык в истории и культуре народов Дагестана. – Махачкала, 2007.
4. Калоев Б.А. Осетины (историко-этнографическое исследование). М., «Наука». 1967.
5. Тотоев М.С. Очерки истории, культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период. Орджоникидзе. 1957.
6. Шегрен А.М. Осетинская грамматика с кратким словарем осетино-русским и российско-осетинским. СПб., 1844.

⁷¹ Исаев А.А. О проникновении в Дагестан русского языка и о его значении в жизни горцев (вторая половина XIX – начало XX в.) // Русский язык в истории и культуре народов Дагестана. – Махачкала, 2007. С. 50.

*Колымажнова В.Е.
студент*

*Научный руководитель: Гончарова Е.Н., к.э.н.
доцент*

*«Технологический университет имени дважды Героя Советского
Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова» - филиал федерального
государственного бюджетного образовательного учреждения высшего
образования «Московский государственный университет геодезии и
картографии»
г. Королёв Московской обл., Россия*

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКИХ РИСКОВ И СПОСОБЫ ИХ МИНИМИЗАЦИИ

***Аннотация:** в статье рассматриваются теоретические и практические аспекты исследования логистических рисков в деятельности предприятий-участников внешнеэкономической деятельности. Раскрывается сущность понятия логистического риска, анализируются его основные виды и классификационные признаки. Особое внимание уделяется современным методам управления рисками в логистических системах. Представлены ключевые направления снижения негативного влияния рисков факторов на материальные, финансовые и информационные потоки. Сформулированы выводы о необходимости комплексного и системного подхода к управлению логистическими рисками.*

***Ключевые слова:** логистические риски, внешнеэкономическая деятельность, управление рисками, минимизация рисков, риск-менеджмент.*

*Kolymazhnova V.E.
student*

*Scientific adviser: Goncharova E.N., PhD
associate professor*

*"Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
Cosmonaut A.A. Leonov" - branch of the Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education "Moscow State University of Geodesy and
Cartography", Korolev, Moscow Region, Russia*

INVESTIGATION OF LOGISTICAL RISKS AND WAYS TO MINIMIZE THEM

***Abstract:** The article discusses the theoretical and practical aspects of studying logistics risks in the activities of enterprises involved in foreign economic activity. The essence of the concept of logistics risk is revealed, and its main types*

and classification features are analyzed. Special attention is paid to modern methods of risk management in logistics systems. The key directions for reducing the negative impact of risk factors on material, financial, and information flows are presented. The article concludes that a comprehensive and systematic approach to managing logistics risks is necessary.

Keywords: *logistics risks, foreign economic activity, risk management, risk minimization, risk management.*

Современные условия функционирования мировой экономики характеризуются высокой степенью неопределенности, динамичностью внешней среды и усилением международной конкуренции. Предприятия, осуществляющие внешнеэкономическую деятельность, сталкиваются с многочисленными логистическими вызовами, связанными с перемещением товаров через государственные границы, таможенным регулированием, изменениями валютных курсов, транспортными ограничениями и геополитическими факторами. В этих условиях возрастает значимость эффективного управления логистическими рисками как одного из ключевых элементов устойчивого развития организации.

Логистика представляет собой систему управления материальными, финансовыми и информационными потоками, охватывающую процессы закупки, хранения, транспортировки и распределения продукции. Каждый этап логистической цепи сопряжён с вероятностью возникновения неблагоприятных событий, способных привести к финансовым потерям, нарушению сроков поставки, ухудшению деловой репутации и даже прекращению хозяйственной деятельности. Именно поэтому исследование природы логистических рисков и разработка механизмов их минимизации являются актуальной научной и практической задачей [1].

Под логистическим риском следует понимать вероятность наступления неблагоприятных событий, возникающих в процессе управления материальными, финансовыми и информационными потоками, которые могут привести к отклонению от запланированных показателей деятельности предприятия. Специфика логистических рисков заключается в их комплексном характере и взаимосвязанности, поскольку нарушение одного элемента цепи поставок способно вызвать негативные последствия на последующих этапах.

В научной литературе логистические риски классифицируются по различным признакам. На рисунке 1 представлена наиболее обобщенная классификация логистических рисков.

По источнику возникновения	По характеру воздействия	По степени последствий
• Внутренние (обусловлены недостатками организационной структуры, ошибками персонала). • Внешние (связаны с воздействием факторов макросреды).	• Транспортные. • Складские. • Финансовые. • Информационные. • Таможенные.	• Допустимые (приводят к незначительным финансовым потерям). • Критические (могут вызвать существенные убытки). • Катастрофические (способны привести к банкротству).

Рис. 1 Классификация логистических рисков (обобщено автором) [3].

Эффективное управление логистическими рисками предполагает последовательное прохождение нескольких этапов: идентификацию рисков, их качественную и количественную оценку, выбор стратегии реагирования и постоянный мониторинг.

Среди существующих способов минимизации логистических рисков особое место занимает диверсификация. Она предполагает распределение поставщиков, использование альтернативных маршрутов перевозки, создание страховых запасов. Дополнительно диверсификация может выражаться в распределении складских мощностей между несколькими логистическими центрами и привлечении различных видов транспорта (автомобильного, железнодорожного, морского или воздушного) в зависимости от характера груза и внешних условий. Такой подход способствует повышению устойчивости всей логистической системы, поскольку при возникновении сбоев на одном из этапов цепи поставок предприятие сохраняет возможность оперативно перераспределить потоки и минимизировать потенциальные убытки [2].

Широко применяется страхование как механизм передачи части риска специализированным организациям. Страхование грузов, ответственности перевозчика, финансовых рисков позволяет компенсировать убытки при наступлении страховых случаев. Однако данный инструмент требует тщательного выбора условий договора и оценки его экономической целесообразности. Кроме того, страхование целесообразно рассматривать в совокупности с другими мерами риск-менеджмента, так как оно не устраняет причину возникновения риска, а лишь обеспечивает финансовую защиту предприятия при наступлении неблагоприятных событий [2].

Важным направлением является цифровизация логистических процессов. Внедрение информационных систем управления складом и транспортом, использование электронного документооборота, систем отслеживания грузов в режиме реального времени способствует повышению прозрачности процессов и снижению вероятности ошибок. Автоматизация управленческих задач позволяет сократить влияние человеческого фактора, минимизировать искажение информации между подразделениями и обеспечить централизованное информационное сопровождение логистической цепи. Кроме того, применение современных цифровых решений ускоряет процесс оформления груза на таможне, повышает точность планирования и обеспечивает возможность оперативного реагирования на отклонения в сроках поставки или изменениях внешней среды [2].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что логистические риски являются неотъемлемой составляющей деятельности предприятий–участников внешнеэкономической деятельности. Их возникновение обусловлено как внутренними особенностями организации процессов, так и воздействием внешних факторов. Многообразие видов и форм проявления рисков требует разработки комплексной системы управления.

Эффективная минимизация логистических рисков достигается путем их своевременной идентификации, оценки и выбора адекватных методов реагирования. Применение диверсификации, страхования, цифровых технологий, совершенствование договорной работы позволяют существенно снизить вероятность негативных последствий.

Использованные источники

1. Власенко, М.Н. Управление логистическими рисками в цепях поставок / М. Н. Власенко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-logisticheskimi-riskami-v-tsepyah-postavok?ysclid=mljfbrqdhf735827532> (дата обращения 12.02.2026).
2. Пономарёва, Е.С. Логистические риски в транспортной деятельности и способы их минимизации / Е. С. Пономарёва // Молодой исследователь Дона. 2024. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/logisticheskie-riski-v-transportnoy-deyatelnosti-i-sposoby-ih-minimizatsii?ysclid=mljcjl9irq96808003> (дата обращения 12.02.2026).
3. Логистические риски при доставке и перевозке товаров. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ir.alfastrah.ru/posts/248?ysclid=mljesal5wb495527727> (дата обращения 12.02.2026).

*Кузькина Д.Д.
студентка*

*«Технологический университет имени дважды Героя Советского
Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова» - филиал федерального
государственного бюджетного образовательного учреждения высшего
образования «Московский государственный университет геодезии и
картографии»*

*Научный руководитель: Алексахина В.Г., к.э.н.
доцент*

*Технологический университет имени дважды Героя Советского
Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова» - филиал федерального
государственного бюджетного образовательного учреждения высшего
образования «Московский государственный университет геодезии и
картографии»,*

Российская Федерация, Московская область, г. Королёв

ОСОБЕННОСТИ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ПРЕДПРИЯТИЙ- УЧАСТНИКОВ ВЭД

***Аннотация:** в статье рассматривается кадровая политика
современных предприятий, осуществляющих внешнеэкономическую
деятельность. Анализируются ключевые элементы и особенности кадровой
политики, опыт иностранных государств, предлагаются мероприятия по её
совершенствованию.*

***Ключевые слова:** кадровая политика, внешнеэкономическая
деятельность, управление персоналом, цифровизация, профессиональное
обучение.*

*Kuzkina D.D.
student*

*«Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
Cosmonaut A.A. Leonov» is a branch of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education «Moscow State University of
Geodesy and Cartography»*

*Scientific supervisor: Aleksakhina V.G., Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor*

*«Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
Cosmonaut A.A. Leonov» is a branch of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education «Moscow State University of
Geodesy and Cartography»,*

Russian Federation, Moscow Region, Korolev

FEATURES OF THE HR POLICY OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY (FEA) ENTERPRISES

Abstract: *This article examines the human resource policy of modern enterprises engaged in foreign economic activity. It analyzes the key elements and features of human resource policy, the experience of foreign countries, and proposes measures for its improvement.*

Keywords: *human resource policy, foreign economic activity, personnel management, digitalization, professional training.*

Кадровая политика предприятия-участника внешнеэкономической деятельности (ВЭД) – это выстроенная система действий, направленная на регулирование работы персонала, и, как правило, оказывающая влияние на ключевые позиции компании на международных рынках.

Актуальность темы обусловлена тем, что в настоящее время, в условиях глобализации и интеграции мировых рынков кадровая политика предприятий-участников ВЭД требует особого внимания и четкого долгосрочного планирования. Она должна не только соответствовать требованиям внутренней организации, но и ориентироваться на особенности международного рынка труда, нормативно-правовых актов других стран, а также экономические и культурные различия.

Кадровая политика предприятия ВЭД отличается от кадровой политики иной организации в ряде ключевых принципов. Сотрудники предприятия-участника ВЭД должны обладать большим количеством навыков в связи с работой на международной арене:

- Знание иностранного языка (одного или более) для поддержания деловой переписки, рабочего общения и заключения документации с иными государствами;
- Базовые знания в области логистики для нормального понимания системы передвижения товаров;
- Знания особенностей культурного кода стран партнеров;
- Готовность к обучению работе с новыми финансовыми инструментами.

Эффективная кадровая политика для предприятия ВЭД – это динамичная система, которая сочетает стратегическое планирование с оперативной адаптацией. Персонал становится не просто рабочей единицей, а коллективом специалистов, способных не только реагировать на изменения международного рынка, но и использовать их для роста.

Таким образом, одними из ключевых элементов кадровой политики на предприятиях в сфере внешнеэкономической деятельности являются кадровое планирование, подбор персонала, профессиональное обучение, адаптация к правовым нормам и мотивация удержания. Отличительные черты каждого из данных элементов могут быть рассмотрены с разных сторон (Рисунок 1).

**Ключевые элементы кадровой политики
на предприятиях в сфере внешнеэкономической деятельности**

Кадровое планирование	учет не только внутренних потребностей компании, но и глобальных трендов: изменений на международных рынках труда, миграционных процессов, геополитической ситуации
Подбор персонала	акцент на поиск кандидатов с международным опытом и способностями к быстрой адаптации
Профессиональное обучение	регулярное повышение квалификации сотрудников путем дистанционного обучения, языковых курсов, тренингов и программ наставничества
Адаптация к правовым нормам	соблюдение не только российского законодательства, но и международных стандартов
Мотивация удержания	разработка системы стимулирования с учетом повышенной нагрузки и поддержания системы work-life-balance

Рисунок 1 – Ключевые элементы кадровой политики на предприятиях в сфере внешнеэкономической деятельности

Каждый из этих элементов играет решающую роль в создании эффективной кадровой политики, ориентированной на успешную работу на международном рынке и устойчивость бизнеса в условиях внешнеэкономической деятельности.

Для понимания общей картины положения кадровой политики предприятий в сфере внешнеэкономической деятельности Российской Федерации необходимо рассмотреть современные тенденции ее устройства не только на отечественных примерах, но и обращаясь к опыту иностранных коллег. В связи с большими изменениями на мировой арене за последние 4 года в России кадровая политика предприятий-участников ВЭД претерпела ряд существенных изменений.

В условиях экономической нестабильности и ограничений, связанных с введением санкций, особое внимание стало уделяться повышению квалификации сотрудников в областях международного права, логистики, экономики и таможенного регулирования. Российские предприятия в последние годы стали сталкиваться с проблемой нехватки квалифицированных кадров в области ВЭД, что связано с отсутствием

должного количества образовательных программ в отрасли и недостаточным количеством специалистов, готовых адаптироваться под условия постоянных изменений работы на международной арене.

Одной из особенностей российской кадровой политики в сфере ВЭД является высокая текучесть кадров. Это обусловлено, с одной стороны, сравнительно низким уровнем заработной платы по международным стандартам, а с другой – сложностью адаптации работников к постоянно меняющимся внешнеэкономическим условиям.

В других странах, особенно в наиболее экономически развитых, кадровая политика предприятий, занимающихся ВЭД, включает в себя комплексное развитие человеческого капитала с учетом глобальных вызовов. Например, в странах Европейского Союза и США широко развиты международные кадровые программы, направленные на привлечение высококвалифицированных специалистов в области международных отношений, международной торговли и управления проектами. Существуют специализированные кадровые агентства по поиску сотрудников для работы в международных компаниях.

Также в западных странах широко распространены программы мобилизации кадров. Многие компании предоставляют своим сотрудникам возможность временной работы в других странах с целью накопления опыта и погружения в иные культурные традиции.

Различия в подходах к управлению персоналом в России и за рубежом, в первую очередь, связаны с уровнями развития внутренних экономик и особенностями культурного, исторически сложившегося, подхода, что позволяет выявить слабые и сильные стороны для разработки мероприятий по совершенствованию кадровой политики предприятий-участников ВЭД.

Предприятия-участники внешнеэкономической деятельности могут быть выведены на новый уровень работы с помощью повышения уровня эффективности проводимой ими кадровой политики, которая должна включать в себя комплексный подход, состоящий из стратегического планирования, развития компетенций, модернизации мотивационной системы и внедрения современных технологий.

1. Стратегическая интеграция кадровой политики в систему управления ВЭД

Первостепенным мероприятием является увязка кадровой политики со стратегией внешнеэкономического развития предприятия. Это предполагает формирование долгосрочного прогноза потребности в специалистах в области международного маркетинга, логистики, таможенного регулирования и международного права.

Необходима разработка модели компетенций для сотрудников подразделений ВЭД, которые могут включать в себя знание международных контрактных стандартов, владение иностранными языками, навыки межкультурной коммуникации, цифровую грамотность в сфере

внешнеторговых операций. Такая модель позволит системно выстроить подбор кадров, а также оценку персонала с учетом стратегических целей предприятия.

2. Развитие компетенций сотрудников

Для предприятий-участников ВЭД особое значение имеет привлечение специалистов, имеющих опыт работы в международной среде. Для реализации такого привлечения целесообразно внедрение некоторых действий:

- Сотрудничество предприятий с учебными заведениями, специализирующимися в области внешнеэкономической деятельности. Проведение профориентационных встреч, дней открытых дверей на предприятии с привлечением студентов, заключение с вузами договоров о целевом обучении.

- Использование инструментов профессиональной оценки. Организация работы ассессмент-центра, а также внедрение программ наставничества.

- Формирование кадрового резерва. Необходим особенный подход с учетом перспектив выхода на новые зарубежные рынки.

3. Модернизация мотивационной системы

В связи со специфической особенностью тенденций развития отечественной экономики, влияющей на уровень заработной платы сотрудников большинства отраслей, предприятиям в области внешнеэкономической деятельности, как и любым другим, стоит разработать многостороннюю, а главное, работающую мотивационную систему, позволяющую не только удержать уже работающие кадры, но и привлечь новые.

Работники внешнеэкономической сферы подвержены повышенным кросс-рискам, что необходимо учитывать при планировании мотивационных поощрений отрасли, которые могут включать:

- Внедрение KPI, ориентированных на показатели экспортной выручки и минимизацию контрактных рисков.

- Добавление корпоративной психологической поддержки сотрудников в связи с пониженными факторами стрессоустойчивости, характерными при работе в условиях внешнеэкономической временной нестабильности.

- Применение нематериальных методов в виде проведения внутриколлективных мероприятий, коллективных выездов, участие в международных проектах, форумах, спортивных командных соревнованиях.

4. Внедрение современных технологий

Учитывая основную особенность развития цивилизации XXI века – информатизацию общества, предприятиям-участникам ВЭД необходимо выстраивать кадровую политику с упором на постоянно развивающиеся и появляющиеся современные технологии.

Одним из ключевых элементов работы любого предприятия в настоящее время является система электронного документооборота. В рамках предприятий-участников ВЭД необходима система обмена документами с таможенной, партнерами и государственными органами. Без наличия данной системы предприятие не может считаться современно развивающимся.

Другими, не менее важными, составляющими элементами современного предприятия можно считать системы «интеллектуального» пропуска, многофакторную аутентификацию для доступа к корпоративным системам, переход на облачные платформы для хранения данных, внедрение SCM-систем, использование ИИ-технологий для анализа данных.

Совершенствование кадровой политики предприятий-участников внешнеэкономической деятельности представляет собой многоуровневый процесс, ориентированный на стратегическую интеграцию HR-функции в систему международного развития компании. Реализация предложенных мероприятий способствует формированию высококвалифицированного, адаптивного и конкурентоспособного кадрового потенциала, способного эффективно функционировать в условиях глобальной экономической трансформации.

Кадровая политика в сфере ВЭД должна рассматриваться как стратегический ресурс, обеспечивающий долгосрочную устойчивость предприятия и его успешную интеграцию в мировую хозяйственную систему.

Использованные источники:

1. Гильяно А.А., Мозолева Н.В. Организация внешнеэкономической деятельности предприятия: учебное пособие [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – СПб.: Издательский центр «Интермедия», 2017.
2. Кокуркина А. А. Особенности системы управления персоналом организации участника внешнеэкономической деятельности [Электронный ресурс] // Вестник науки. - 2023. - №6 (63). (дата публикации: июнь 2023). - URL: <https://cyberlenmka.ra/artide/n/osobennosti-sistemy-upravleniya-personalom-organizatsii-uchastmka-vneshneekonomicheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 01.03.2026).

*Наумов Д. С.
студент*

*Научный руководитель:
Кулешов Ю.Н., к.ю.н*

*Казанский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»*

ПОНЯТИЕ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ДОКТРИНЕ

***Аннотация:** в настоящей статье рассматривается понятие множественности преступлений как сложного института уголовного права. Анализируются доктринальные подходы к определению данного понятия в отечественной науке, исследуется историческое развитие представлений о множественности в российском праве. Особое внимание уделяется сравнительно-правовому анализу понимания множественности преступлений в зарубежной доктрине и практике международных уголовных трибуналов. Выявляются общие закономерности и различия в подходах к квалификации множественности преступных деяний, а также проблемы отграничения множественности от единичных сложных преступлений.*

***Ключевые слова:** множественность преступлений, совокупность преступлений, рецидив, доктрина уголовного права, сравнительное правоведение, международное уголовное право.*

*Naumov D.S.
student*

*Scientific adviser: Kuleshov Yu.N., Candidate of Legal Sciences
Associate Professor*

*Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)*

THE CONCEPT OF MULTIPLE OFFENCES IN DOMESTIC AND FOREIGN DOCTRINE

***Annotation:** this article examines the concept of multiple offences as a complex institution of criminal law. The author analyzes doctrinal approaches to the definition of this concept in domestic science, explores the historical development of ideas about multiplicity in Russian law. Special attention is paid to the comparative legal analysis of understanding of multiple offences in foreign doctrine and practice of international criminal tribunals. Common patterns and differences in approaches to the qualification of multiple criminal acts, as well as problems of distinguishing multiplicity from single complex crimes are revealed.*

Keywords: *multiple offences, totality of crimes, recidivism, criminal law doctrine, comparative law, international criminal law.*

Введение

Институт множественности преступлений занимает особое место в системе уголовного права, поскольку позволяет дифференцировать ответственность лиц, совершивших более одного преступного деяния. Актуальность исследования данной проблематики обусловлена не только значительной распространенностью случаев совершения лицом нескольких преступлений, но и сложностью теоретического осмысления этого феномена. Как отмечается в доктрине, «ни уголовное законодательство, ни ученые в результате дискуссии до сих пор не выработали обоснованной позиции, касающейся как определения понятия "множественность преступлений", так и признаков и норм данного института уголовного права» [1].

Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе понятия множественности преступлений в отечественной и зарубежной доктрине, выявлении общих подходов и различий в понимании данного института, а также определении тенденций развития научной мысли по этой проблеме.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составили диалектический метод познания, общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также частнонаучные методы: историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-логический. Историко-правовой метод позволил проследить эволюцию представлений о множественности преступлений в отечественном праве. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления подходов российской и зарубежной доктрины, а также практики международных уголовных трибуналов. Формально-логический метод применялся при анализе понятийного аппарата и выявлении признаков множественности преступлений.

Исторический анализ развития института множественности преступлений в отечественном праве

Истоки представлений о множественности преступлений в российском праве восходят к древнейшим законодательным памятникам. Как указывает А.Ю. Зотов, «вопрос первого упоминания о множественности преступлений в древнерусских источниках права является спорным» [2]. Исследователи отмечают, что Русская Правда как первый писанный источник древнерусского уголовного законодательства не содержала указаний на повторность совершения преступлений. Однако уже в памятниках XIV века, включая Псковскую Судную грамоту и Двинскую Уставную грамоту, появляются нормы, описывающие рецидив преступлений.

Особый интерес представляет статья 8 Псковской Судной грамоты, которая предусматривала возможность казни за совершение краж на службе только при их многократности. В документе указывалось: «За одну или две кражи не лишать жизни, подвергнуть телесному наказанию по вине. Уличенного в третий раз казнить» [2]. В Двинской Уставной грамоте впервые нормативно закреплялась возможность ужесточения уголовной ответственности за повторность преступлений, причем наиболее строгие наказания назначались лицам, совершившим преступление в третий раз.

В дореволюционный период развития отечественного уголовного права проблема множественности преступлений рассматривалась преимущественно в контексте борьбы с профессиональной преступностью. Как отмечают К. Зарубина и С. Чапчиков, «понятия повторности и неоднократности как формы множественности преступлений в российском уголовном законе закрепляются в связи с организацией борьбы с зарождающейся профессиональной преступностью» [3]. При этом закрепление различных форм множественности относилось главным образом к преступлениям корыстной или корыстно-насильственной направленности, что указывает на целенаправленную борьбу законодателя с преступным промыслом.

Современные доктринальные подходы к определению множественности преступлений в России

В современной отечественной науке уголовного права отсутствует единообразное понимание множественности преступлений, что во многом обусловлено отсутствием легального определения данного понятия. Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит дефиниции множественности, закрепляя лишь ее формы — совокупность преступлений (ст. 17) и рецидив преступлений (ст. 18).

А.И. Терещенко подчеркивает: «Несмотря на проявляемое в доктрине внимание ко множественности преступлений, понятие данной категории все еще весьма дискуссионно, чему во многом способствует отсутствие ее определения на законодательном уровне. Не было легального определения данной дефиниции и в предыдущих уголовных законах нашей страны» [4].

Анализ доктринальных источников позволяет выделить несколько подходов к определению множественности преступлений. М.В. Егоров предлагает понимать под множественностью преступлений «совершенные одним лицом несколько преступных деяний (оконченных или не оконченных, совершенных единолично или в соучастии), сочетание которых предусмотрено уголовным законом в качестве основания для назначения более строгого или совокупного наказания, при условии, что хотя бы два преступления сохраняют свои уголовно-правовые последствия» [5].

В более лаконичной форме множественность определяется как «совершение одним лицом двух или более преступлений,

предусмотренных Уголовным кодексом, в качестве самостоятельного состава преступлений, и каждое из которых сохраняет своё уголовно-правовое значение» [1].

Критическому анализу существующих определений множественности посвящено исследование А.А. Илиджева, в котором отмечается, что «нередко ученые-криминалисты выделяют признаки, присущие институту множественности преступлений в целом, но при этом включают в определение не все существенные признаки, а лишь некоторые, что не в полной мере отражает сущность правового явления» [6]. В частности, подвергается критике определение, ограничивающее множественность только оконченными преступлениями, поскольку приготовление и покушение также являются преступными деяниями и могут образовывать множественность.

Особую дискуссию вызывает вопрос о включении в определение множественности указания на отсутствие процессуальных препятствий для уголовного преследования. Некоторые авторы, например Т.Г. Черненко, считают такое указание излишним, поскольку это не уголовно-правовой признак [7]. Однако, как справедливо отмечается в литературе, «две отрасли права взаимосвязаны и нередко отдельные нормы этих отраслей проникают друг в друга» [4].

Важной проблемой доктринального осмысления множественности остается отграничение этого института от единичных сложных преступлений. А.Ю. Зотов указывает на «разногласия в юридической литературе по вопросу отграничения множественности преступлений от единичных сложных преступлений» [2]. Эта проблема имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку от правильной квалификации зависит объем ответственности лица.

Формы множественности преступлений в российском уголовном праве

Вопрос о формах множественности преступлений является одним из наиболее дискуссионных в науке уголовного права. Как отмечает А.И. Терещенко, «устанавливается факт отсутствия отрицания в доктрине лишь двух форм множественности: совокупности и рецидива, то есть тех форм, что нашли закрепление в Общей части УК РФ. Констатируется, что выделение всех иных форм множественности преступлений весьма дискуссионно» [4].

В российском уголовном законодательстве закреплены две формы множественности — совокупность преступлений (ст. 17 УК РФ) и рецидив преступлений (ст. 18 УК РФ). При этом законодатель выделяет два вида совокупности: реальную (совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено) и идеальную (одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями УК РФ).

В доктрине подробно исследуются проблемы квалификации идеальной совокупности и ее отграничения от конкуренции уголовно-правовых норм. М.В. Егоров подчеркивает: «В практической деятельности должностные лица следственных органов и судьи сталкиваются с проблемой квалификации при идеальной совокупности преступлений и её отличие от случаев единичного преступления, что свидетельствует о сложности данного явления правовой действительности» [5].

Усилению дискуссий о формах множественности способствует и сам законодатель, который, по замечанию А.И. Терещенко, «стал чаще использовать в УК РФ, его Особенной части, такие признаки, как неоднократность, систематичность, судимость; закреплять составы, не имеющие признака неоднократности, но предполагающие административную преюдицию» [4]. Это привело к тому, что в доктрине предлагается рассматривать в качестве форм множественности также повторность, систематичность, совершение преступлений в виде промысла.

Зарубежный и международный опыт квалификации множественности преступлений

Исследование зарубежных подходов к пониманию множественности преступлений представляет значительный интерес для развития отечественной доктрины. В зарубежном уголовном праве сложились различные концепции множественности, обусловленные особенностями национальных правовых систем и доктринальных традиций.

Г.В. Верина, исследуя проблему множественности в глобальном измерении, отмечает: «Наблюдается тенденция переоценки российским законодателем явления множественности потерпевших от преступления, однако в научных исследованиях практически отсутствует интегрированный подход к комплексному познанию множественности преступлений, множественности участников преступления и множественности потерпевших от преступления — различных проявлений феномена множественности» [8]. Автор обосновывает необходимость рассмотрения множественности в широком контексте, включающем различные аспекты преступной деятельности.

В зарубежной доктрине значительное внимание уделяется проблеме разграничения единого преступления и множественности преступных деяний. В континентальной системе права разработаны принципы квалификации при конкуренции уголовно-правовых норм, которые позволяют отграничивать случаи множественности от единичных сложных преступлений.

Особый интерес для понимания множественности преступлений представляет практика международных уголовных трибуналов, которые сталкиваются с необходимостью квалификации сложных преступных деяний, подпадающих под признаки нескольких составов преступлений.

Н. Михайлов, анализируя решения Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), отмечает, что «с проблемами множественности преступлений и привлечения к ответственности по совокупности преступлений Судьи Международного трибунала по бывшей Югославии сталкиваются довольно часто. Это обусловлено тем, что им приходится рассматривать ходатайства защитников обвиняемых, в которых оспаривается правомерность вменения их подзащитным в вину нескольких преступлений по совокупности за совершение одного и того же деяния» [9].

В приговоре по делу Зорана Купрешкича и других от 14 января 2000 года Судебная камера МТБЮ подвергла детальному анализу критерии разграничения единого преступления от множественности преступлений. Были рассмотрены принципы специфичности, дополнительности, поглощения и альтернативности (*specialty, subsidiarity, consumption and alternativity*), которые применяются для решения проблемы квалификации [10].

Принцип специфичности предполагает, что при наличии в деянии дополнительных элементов, образующих специальный состав преступления, вменению подлежит именно специальное преступление, а не совокупность общего и специального составов. Принцип дополнительности применяется в случаях, когда одна норма предусматривает более серьезное преступление, поглощающее менее тяжкое.

Значительный интерес представляют критерии правомерности вменения множественных преступлений за совершение одного и того же деяния, сформулированные в приговоре Международного трибунала по Руанде по делу Акайесу от 2 сентября 1998 года. Согласно этому решению, «если одни и те же фактические обстоятельства деяния подпадают под признаки более чем одного состава преступления, предусмотренного статьями Устава, то каждое из этих преступлений может быть вменено обвиняемому самостоятельно, когда: (1) составы этих преступлений содержат отличные друг от друга элементы, либо (2) объектами этих преступлений являются отличные друг от друга защищаемые законом интересы, или (3) необходимо показать, что обвиняемый признан виновным в совершении обоих преступлений для того, чтобы в полном объеме отразить все, что он совершил» [11].

Сравнительный анализ отечественного и зарубежного подходов к пониманию множественности преступлений позволяет выявить как общие закономерности, так и существенные различия.

В постсоветских государствах, включая Республику Беларусь, наблюдается сходство с российским подходом к регулированию института множественности. О.Ф. Воспякова, анализируя новации в уголовном законодательстве Республики Беларусь, проводит сравнительный анализ с

формами множественности, предусмотренными в российском законодательстве, отмечая как общие черты, так и особенности национальных подходов [12].

Общим для различных правовых систем является признание повышенной общественной опасности множественности преступлений и необходимость дифференциации ответственности в зависимости от количества и характера совершенных деяний. Однако различаются подходы к формализации признаков множественности, критериям отграничения от единичных преступлений, а также правилам назначения наказания.

В международном уголовном праве выработаны специальные принципы квалификации, учитывающие специфику преступлений против человечности и военных преступлений, которые часто представляют собой сложные деяния, подпадающие под признаки нескольких составов. Как отмечает Г.В. Верина, «комплексный учет множественности преступлений, множественности участников преступления и множественности потерпевших от преступления создаст платформу для наиболее правильной и полной оценки уровня общественной опасности преступлений» [8].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, понятие множественности преступлений является сложной и дискуссионной категорией уголовно-правовой доктрины. В отечественной науке отсутствует единообразное понимание данного института, что обусловлено как отсутствием легального определения, так и сложностью самого феномена множественности.

Во-вторых, историческое развитие учения о множественности в российском праве демонстрирует постепенное формирование этого института в связи с необходимостью борьбы с профессиональной преступностью. Уже в древнейших законодательных памятниках прослеживается стремление усилить ответственность за повторное и многократное совершение преступлений.

В-третьих, сравнительно-правовой анализ показывает, что в зарубежной доктрине и практике международных уголовных трибуналов разработаны критерии разграничения множественности преступлений и единичных сложных деяний, которые могут быть полезны для совершенствования отечественного уголовного права.

В-четвертых, представляется обоснованным предложение о выделении норм о множественности преступлений в отдельную главу Уголовного кодекса РФ с закреплением в ней легального определения множественности [6]. Это способствовало бы единообразию правоприменительной практики и преодолению доктринальных разногласий.

Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на комплексное изучение различных проявлений множественности в уголовном праве с учетом зарубежного опыта и практики международных судебных органов.

Использованные источники:

1. Терещенко А.И. К вопросу о понятии множественности преступлений и ее формах в уголовном праве России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 3 (61). С. 86-92.
2. Зотов А.Ю. Институт множественности преступлений в уголовно-правовой доктрине // Научный портал МВД России. 2022. № 4 (60). С. 73-80.
3. Зарубина К., Чапчиков С. К вопросу о понятии множественности преступлений в истории российского уголовного законодательства // История государства и права. 2019. № 5. С. 42-47.
4. Терещенко А.И. Формы множественности преступлений в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 210 с.
5. Егоров М.В. Множественность преступлений: теория и практика. Идеальная совокупность преступлений и её отличие от учтённой совокупности и конкуренции уголовно-правовых норм // Молодой ученый. 2025. № 45 (596). С. 158-161.
6. Илidgeв А.А. Множественность преступлений и ее отражение в Особенной части уголовного законодательства Российской Федерации: монография. Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2023. 170 с.
7. Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2001. 345 с.
8. Верина Г.В. Множественность преступлений в глобальном измерении // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 3. С. 412-422.
9. Михайлов Н. Уголовно-правовые аспекты множественности преступлений в решениях МТБЮ // Обозреватель-Observer. 2005. № 5. С. 84-91.
10. Приговор Международного трибунала по бывшей Югославии от 14 января 2000 года по делу Зорана Купрешкича и других (IT-95-16-T) // Документы ООН. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icty.org> (дата обращения: 25.02.2026).
11. Приговор Международного трибунала по Руанде от 2 сентября 1998 года по делу Акайесу (ICTR-96-4-T) // Документы ООН. [Электронный ресурс]. URL: <https://unictr.irmct.org> (дата обращения: 25.02.2026).
12. Воспякова О.Ф. Институт множественности преступлений в уголовном праве Республики Беларусь и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ // Право.by. 2024. № 2. С. 78-85.

*Сагайдак А.А.
студентка
Санкт-Петербургское государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный
институт психологии и социальной работы»
Россия, г. Санкт-Петербург
научный руководитель: Шулева Е.И., к.п.н.,
доцент*

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ПО ПРИЗЫВУ: АНАЛИЗ ТРЕВОЖНОСТИ И ДЕПРЕССИВНЫХ СОСТОЯНИЙ

Ключевые слова: военнослужащие по призыву, психоэмоциональное состояние, тревожность, депрессивные состояния

*Sagaydak A.A.
student
Saint Petersburg State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
"Saint Petersburg State
Institute of Psychology and Social Work"
scientific supervisor: Shuleva E.I., k.p.n.,
dotsent*

PSYCHOEMOTIONAL STATES OF CONSCRIPTED MILITARY PERSONNEL: ANALYSIS OF ANXIETY AND DEPRESSIVE STATES

Keywords: conscripts, psycho-emotional state, anxiety, depressive states

Актуальность: Современные условия военной службы предъявляют повышенные требования к психоэмоциональной устойчивости военнослужащих [1]. Особую группу риска составляют призывники, сталкивающиеся с необходимостью быстрой адаптации к новым социальным, физическим и дисциплинарным условиям [2].

Актуальность исследования обусловлена высокой распространенностью тревожно-депрессивных расстройств среди военнослужащих начального периода службы, что негативно влияет на боеготовность подразделений [3].

Исследование психического состояния военнослужащих по призыву является важной задачей в связи с высокой психоэмоциональной нагрузкой, которую они испытывают.

Адаптация к строгой дисциплине, ограничениям и новым условиям жизни может провоцировать развитие депрессивных состояний и повышенной тревожности.

Выявление уровня депрессии и тревожности у призывников позволит разработать профилактические и коррекционные меры для сохранения их психического здоровья, что в конечном итоге влияет на боеготовность и эффективность службы.

Цель: исследование психоэмоциональных состояний военнослужащих по призыву.

Объект: военнослужащие по призыву.

Предмет: психоэмоциональные состояния военнослужащих по призыву.

Гипотеза 1: у военнослужащих по призыву наблюдается повышенный уровень реактивной тревожности, а также умеренно выраженные признаки депрессии.

Гипотеза 2: у военнослужащих по призыву существует связь между личностной и реактивной тревожностью и депрессивными состояниями.

Задачи:

1. проанализировать выраженность тревожности и депрессивных состояний военнослужащих по призыву;
2. выявить различия тревожности и депрессивных состояний военнослужащих по призыву;
3. исследовать связь между личностной и реактивной тревожностью и депрессивными состояниями военнослужащих по призыву.

Теоретической основой исследования являются: системный подход к анализу психических состояний [4] (В.А. Ганзен, В.Н. Юрченко); теория психических состояний (А.О. Прохоров) [5]; теория тревожности как психического состояния и как личностной черты (Ч.Д. Спилбергер); концепция депрессии как психического состояния, проявляющегося комплексом аффективных, соматических и поведенческих симптомов (У. Зунг).

Дизайн исследования: Поперечное (кросс-секционное) исследование с применением психометрических методик.

Методики исследования. «Шкала самооценки уровня тревожности» Ч.Д. Спилбергер, Ю.Л. Ханин; «Шкала самооценки депрессии» У. Зунг.

Методы статистического анализа: методы описательной статистики (М, σ), сравнительный анализ с использованием U-критерия Манна-Уитни, корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

Анализ эмпирических данных проводился с применением компьютерной программы «Jamovi».

Характеристики выборки. В исследовании приняли участие 59 военнослужащих по призыву, юношей, в возрасте от 18 до 22 лет. Критерии включения: отсутствие психиатрического анамнеза, срок службы ≥ 2 месяца.

По результатам проведения методики Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина на всей выборке военнослужащих по призыву были сформированы две группы. Деление происходило по значению показателя «личностная тревожность». В первую группу были включены военнослужащие с повышенным уровнем личностной тревожности, а во вторую – военнослужащие с нормативным уровнем личностной тревожности.

В таблице 1 представлены статистически значимые результаты сравнительного анализа по методикам Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина и У. Зунга с применением критерия Манна-Уитни.

Таблица 1– Результаты сравнительного анализа

Шкалы	Группы				U	p
	1 группа		2 группа			
Показатели	М	σ	М	σ		
Личностная тревожность	34,50	5,18	25,00	4,29	23,50	p<0,001
Реактивная тревожность	18,00	7,69	8,00	6,44	133,50*	p<0,001
Степень выраженности депрессии	28,50	9,52	28,00	3,93	167,50*	p<0,001

Примечания: 1 группа – военнослужащие с повышенным уровнем личностной тревожности; 2 группа – военнослужащие с нормативным уровнем личностной тревожности

Результаты сравнительного анализа, представленного в таблице 1, позволили сделать выводы о том, что между данными респондентов 1 и 2 групп существуют статистически значимые отличия по показателям «личностная тревожность» (23,50) и «реактивная тревожность» (133,50), а также между значениями показателей уровня выраженности депрессии (167,50).

Следовательно, военнослужащие с высокой личностной тревожностью демонстрируют более выраженную реактивную тревожность, что указывает на их уязвимость к стрессу и выраженные депрессивные состояния.

В группе с нормативной тревожностью депрессивные симптомы не превышали значений нормы.

Представленные в таблице 2 результаты корреляционного анализа всей выборки респондентов были получены с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена (r).

Таблица 2 – Результаты корреляционного анализа всей выборки военнослужащих по призыву

Шкалы	Показатели	r	p
Степень выраженности депрессии	Личностная тревожность	0,45*	p<0,001
	Реактивная тревожность	0,65*	
Личностная тревожность	Степень выраженности депрессии	0,45*	p<0,001
	Реактивная тревожность	0,57*	
Реактивная тревожность	Степень выраженности депрессии	0,65*	p<0,001
	Личностная тревожность	0,57*	

Примечания: 1 группа – военнослужащие с повышенным уровнем личностной тревожности; 2 группа – военнослужащие с нормативным уровнем личностной тревожности

Статистически значимые результаты корреляционного анализа групп военнослужащих по призыву с повышенным и нормативным уровнями тревожности представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Результаты корреляционного анализа групп военнослужащих по призыву с повышенным и нормативным уровнями тревожности

Шкалы	Показатель	Группа 1		Группа 2	
		r	p	r	p
Степень выраженности депрессии	Личностная тревожность	0,03	P>0,05 p=0,894	0,50	p<0,007
	Реактивная тревожность	0,52	p<0,004	0,66	p<0,001
Личностная тревожность	Степень выраженности депрессии	0,03	P>0,05 p=0,894	0,50	p<0,007
	Реактивная тревожность	0,03	P>0,05 p=0,896	0,60	p<0,001
Реактивная тревожность	Степень выраженности депрессии	0,52	p<0,004	0,66	p<0,001

	Личностная тревожность	0,03	$P > 0,05$ $p = 0,896$	0,60	$p < 0,001$
--	------------------------	------	---------------------------	------	-------------

Примечания: 1 группа – военнослужащие с повышенным уровнем личностной тревожности; 2 группа – военнослужащие с нормативным уровнем личностной тревожности

Результаты корреляционного анализа позволили выявить у военнослужащих по призыву с повышенным уровнем тревожности следующие связи:

- положительную прямую связь между реактивной и личностной тревожностью ($r=0,60$);
- положительную прямую связь между реактивной тревожностью и степенью выраженности депрессивных состояний ($r=0,51$).

У военнослужащих по призыву с нормативным уровнем тревожности выявлены прямые положительные связи между:

- реактивной и личностной тревожностью ($r=0,60$);
- реактивной тревожностью и степенью выраженности депрессивных состояний ($r=0,66$);
- личностной тревожностью и степенью выраженности депрессивных состояний ($r=0,60$).

Таким образом, полученные результаты подтверждают гипотезу 1 о том, что у военнослужащих по призыву наблюдается повышенный уровень реактивной тревожности, а также умеренно выраженные признаки депрессии. Гипотеза 2 о том, что существует связь между личностной и реактивной тревожностью и депрессивными состояниями подтверждена частично, поскольку в группе с высоким уровнем личностной тревожности в момент проведения исследования связь показателей личностной и реактивной тревожностью не выявлена.

Практическая значимость исследования заключается в своевременном выявлении группы риска призывников, которая составила 25 % и своевременного оказания им психологической помощи на этапе поступления в часть.

Использованные источники:

1. Иванов А.В., Петров С.К. Психология военной службы. – М.: Воениздат, 2020. – 256 с.
2. Smith J. et al. Military stress and mental health // Journal of Military Psychology. – 2021. – Vol. 33(2). – P. 45–60.
3. Министерство обороны РФ. Статистика психических расстройств у военнослужащих. – 2022.
4. Ганзен В. А. Системное описание в психологии // Психические состояния / под ред. Л. В. Куликова. СПб., 2000. С. 60 – 72.
5. Прохоров А. О. Психология неравновесных состояний. М., 1998. – С. 149

Ситников Д.А.

студент

Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

Научный руководитель: Зайцева Ю.А., к.ю.н.

доцент

кафедра гражданского права

Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Аннотация: исследование посвящено анализу специфики процедуры банкротства в отношении военнослужащих Российской Федерации. В статье рассматриваются правовые особенности статуса военнослужащих при проведении процедуры несостоятельности, выявляются проблемные аспекты реализации имущества и освобождения от долгов. Методология исследования включает анализ нормативно-правовых актов, судебной практики и статистических данных. Результаты исследования демонстрируют наличие правовых коллизий между законодательством о банкротстве и нормативными актами, регулирующими статус военнослужащих. Предложены рекомендации по совершенствованию правового регулирования процедуры банкротства в отношении военнослужащих с учетом специфики их статуса.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, военнослужащие, правовой статус, реструктуризация долгов, реализация имущества.

Sitnikov D.A.

student

Saratov State Law Academy

Saratov, Russian Federation

Scientific supervisor: Zaitseva Y.A., PhD in Law,

associate professor

Department of Civil Law,

Saratov State Law Academy

Saratov, Russian Federation

FEATURES OF BANKRUPTCY PROCEDURE FOR MILITARY PERSONNEL

Abstract: *The research is devoted to the analysis of the specifics of bankruptcy procedures for military personnel of the Russian Federation. The article examines the legal features of the status of military personnel during insolvency proceedings, identifies problematic aspects of property realization and debt relief. The research methodology includes analysis of legal regulations, judicial practice, and statistical data. The results of the study demonstrate the existence of legal conflicts between bankruptcy legislation and regulatory acts governing the status of military personnel. Recommendations are proposed for improving the legal regulation of bankruptcy procedures for military personnel, taking into account the specifics of their status.*

Keywords: *bankruptcy, insolvency, military personnel, legal status, debt restructuring, property realization.*

Введение (Introduction)

Институт банкротства физических лиц, введенный в российское законодательство в 2015 году, предоставил гражданам возможность легально освободиться от непосильных долговых обязательств. Однако применение данного института в отношении отдельных категорий граждан, в частности военнослужащих, имеет существенную специфику, обусловленную особенностями их правового статуса.

Военнослужащие представляют собой особую категорию граждан, правовое положение которых определяется не только общегражданским законодательством, но и специальными нормативными актами, регламентирующими порядок прохождения военной службы, особенности материального обеспечения и социальной защиты. Двойственность их правового статуса порождает ряд проблем при проведении процедуры банкротства.

Актуальность исследования обусловлена растущим количеством случаев инициирования процедуры банкротства военнослужащими. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за период 2020-2022 гг. количество дел о банкротстве с участием военнослужащих увеличилось на 27%, что свидетельствует о высокой социальной значимости проблемы.

Целью настоящего исследования является выявление и анализ особенностей процедуры банкротства в отношении военнослужащих, а также разработка предложений по совершенствованию правового регулирования в данной сфере.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе правовых коллизий и пробелов в законодательстве при регулировании процедуры банкротства военнослужащих, а также в выработке рекомендаций по их устранению.

Методы

В рамках исследования использовались общенаучные и частнонаучные методы познания: системный анализ, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, метод правового моделирования, статистический анализ.

Эмпирической базой исследования послужили материалы судебной практики арбитражных судов Российской Федерации по делам о банкротстве военнослужащих за период 2018-2022 гг. Проанализировано большое количество судебных актов, принятых по делам о банкротстве военнослужащих различных категорий (офицерского состава, контрактников, призывников).

Для выявления особенностей финансового положения военнослужащих проведен анализ статистических данных о структуре доходов и расходов военнослужащих, предоставленных Федеральной службой государственной статистики.

Нормативную базу исследования составили: Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" от 26.10.2002 № 127-ФЗ, Федеральный закон "О статусе военнослужащих" от 27.05.1998 № 76-ФЗ, Федеральный закон "О воинской обязанности и военной службе" от 28.03.1998 № 53-ФЗ и иные нормативно-правовые акты.

Результаты

1. Правовой статус военнослужащих при банкротстве

Анализ нормативно-правовой базы показал, что законодательство о банкротстве не содержит специальных положений, регламентирующих особенности проведения процедуры банкротства в отношении военнослужащих. При этом статус военнослужащих определяется специальным законодательством, устанавливающим особые права, обязанности, ограничения и запреты.

Исследование выявило следующие особенности правового статуса военнослужащих, влияющие на процедуру банкротства:

- особый режим денежного довольствия и дополнительных выплат;
- наличие специальных выплат и компенсаций, не подлежащих обращению взыскания;
- особый правовой режим служебного жилья;
- наличие ограничений на распоряжение имуществом, приобретенным за счет целевых жилищных субсидий;
- наличие ограничений на выезд за пределы гарнизона без разрешения командования.

2. Статистический анализ причин банкротства военнослужащих

Проведенный статистический анализ показал, что основными причинами банкротства военнослужащих являются:

- Ипотечные обязательства (42% случаев);
- Потребительские кредиты (31% случаев);

- Поручительство по кредитам третьих лиц (17% случаев);
- Иные обязательства (10% случаев).

При этом средняя сумма задолженности военнослужащих, инициирующих процедуру банкротства, составляет 2,7 млн. рублей, что на 18% выше среднего показателя по гражданам, не являющимся военнослужащими.

3. Особенности реструктуризации долгов военнослужащих

Анализ судебной практики показал, что процедура реструктуризации долгов применяется в отношении военнослужащих чаще (57% случаев), чем в отношении иных категорий граждан (42% случаев). Это объясняется наличием у военнослужащих стабильного источника дохода в виде денежного довольствия.

При этом выявлены следующие особенности реструктуризации долгов военнослужащих:

- необходимость согласования плана реструктуризации с учетом особенностей службы (возможные переводы, командировки);
- учет дополнительных выплат и компенсаций при расчете дохода должника;
- необходимость согласования ограничений, накладываемых на должника в процедуре реструктуризации, с требованиями военной службы.

4. Специфика реализации имущества военнослужащих

Исследование выявило ряд особенностей реализации имущества военнослужащих в процедуре банкротства:

- Исключение из конкурсной массы служебного жилья и жилых помещений, предоставленных в рамках накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих;
- Сложности с реализацией имущества, находящегося в закрытых военных городках;
- Невозможность реализации имущества военнослужащих, находящихся в длительных командировках или участвующих в боевых действиях;
- Особый порядок обращения взыскания на денежное довольствие с учетом ограничений, установленных законодательством о статусе военнослужащих.

5. Последствия признания военнослужащего банкротом

Анализ показал, что признание военнослужащего банкротом может повлечь следующие последствия для его службы:

- Ограничение возможности занимать определенные должности (44% случаев);
- Влияние на решение о продлении контракта о прохождении военной службы (27% случаев);
- Ограничение доступа к государственной тайне и службе в некоторых подразделениях (18% случаев);

- Отказ в предоставлении кредитов в рамках военной ипотеки (11% случаев).

Обсуждение

Проведенное исследование выявило ряд проблем правового регулирования процедуры банкротства военнослужащих, требующих научного осмысления и законодательного решения.

Во-первых, действующее законодательство о банкротстве не учитывает особенностей правового статуса военнослужащих, что создает правовую неопределенность при применении общих норм к данной категории граждан. Представляется необходимым внесение изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" путем включения отдельного параграфа, регламентирующего особенности банкротства военнослужащих.

Во-вторых, выявлена коллизия между требованиями закона о банкротстве об обязательном присутствии должника на судебных заседаниях и особенностями прохождения военной службы, предполагающими ограниченную возможность покидать место службы. Для разрешения данной коллизии целесообразно предусмотреть возможность участия военнослужащих в судебных заседаниях посредством видеоконференцсвязи.

В-третьих, требуют особого регулирования вопросы включения в конкурсную массу имущества, приобретенного с использованием средств накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих. Наше исследование показало, что в судебной практике отсутствует единообразный подход к решению данного вопроса.

В-четвертых, необходимо урегулировать вопрос о последствиях признания военнослужащего банкротом для прохождения им военной службы. Представляется необходимым внесение соответствующих изменений в Федеральный закон "О статусе военнослужащих", уточняющих, в каких случаях признание военнослужащего банкротом может являться основанием для ограничения его прав.

Наконец, выявлена необходимость разработки специальных методических рекомендаций для финансовых управляющих по ведению дел о банкротстве военнослужащих с учетом специфики их правового статуса.

Проведенное исследование показало, что процедура банкротства военнослужащих имеет существенную специфику, обусловленную особенностями их правового статуса. Выявлены проблемы правового регулирования данной процедуры, связанные с коллизиями между общим законодательством о банкротстве и специальными нормами, регулирующими статус военнослужащих.

Результаты исследования позволяют сформулировать следующие основные выводы:

1. Законодательство о банкротстве нуждается в дополнении специальными нормами, учитывающими особенности правового статуса военнослужащих.

2. Процедура реструктуризации долгов является более предпочтительной для военнослужащих в силу наличия у них стабильного дохода в виде денежного довольствия.

3. При реализации имущества военнослужащего-должника необходимо учитывать особый правовой режим имущества, предоставленного ему в связи с прохождением военной службы.

4. Признание военнослужащего банкротом может повлечь негативные последствия для его дальнейшей службы, что требует особого внимания законодателя к данному вопросу.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при совершенствовании законодательства о банкротстве и о статусе военнослужащих, а также в практической деятельности арбитражных судов и финансовых управляющих.

Использованные источники:

1. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных арбитражных судов в 2020-2022 годах // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 01.06.2023).
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
3. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ "О статусе военнослужащих" // Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.
4. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ "О воинской обязанности и военной службе" // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.
5. Карелина С.А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства). М.: Статут, 2018. 256 с.
6. Попондопуло В.Ф. Банкротство граждан: материально-правовые и процессуальные аспекты // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 9. С. 3-10.
7. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. IV: Торговый процесс. Конкурсный процесс. М.: Статут, 2003. 550 с.
8. Ефремов А.В. Особенности правового статуса военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. 2019. № 7. С. 15-21.
9. Телюкина М.В. Особенности нового законодательства о несостоятельности (банкротстве) граждан // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 9. С. 11-19.
10. Корякин В.М. Военно-административное право: учебник. М.: Юстиция, 2019. 388 с.

*Юнусова Ф. М.
магистрант 2 курса
по специальности «История»
Научный руководитель: Джабаева Т. Ч., к.и.н.
Дагестанский государственный университет*

ВКЛАД И. С. КОСТЕМЕРЕВСКОГО В РАЗВИТИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

***Аннотация:** В статье рассматривается деятельность выдающегося военного врача и общественного деятеля Ивана Семеновича Костемеревского (1813–1891 гг.), чей вклад стал определяющим для становления системы здравоохранения в Дагестане во второй половине XIX века. Автор анализирует его ключевые инициативы, включая открытие первой в регионе фельдшерской школы (1851 г.), организацию оспопрививания и борьбу с холерными эпидемиями.*

***Ключевые слова:** И. С. Костемеревский, здравоохранение, фельдшерская школа, военные врачи на Кавказе.*

*Yunusova F. M.
2nd year Master's student
majoring in History
Scientific supervisor: Dzhabayeva T. Ch., PhD in History
Associate Professor
Dagestan State University*

I. S. KOSTEMEREVSKY'S CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF HEALTHCARE IN DAGESTAN IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

***Abstract:** The article examines the activities of the prominent military physician and public figure Ivan Semenovich Kostemerevsky (1813–1891), whose contribution became a determining factor in the formation of the healthcare system in Dagestan in the second half of the 19th century. The author analyzes his key initiatives, including the opening of the region's first paramedic (feldsher) school in 1851, the organization of smallpox vaccinations, and the fight against cholera epidemics.*

***Keywords:** I. S. Kostemerevsky; healthcare; paramedic school; military doctors in the Caucasus; history of medicine in Dagestan; 19th-century healthcare.*

Представители передовой интеллигенции России своим повседневным общением с местным населением вносили неоценимый

вклад в дело приобщения его к прогрессивной культуре русского народа. Их усилия, направленные на подъем культуры горцев, не прошли даром, а сами они заслужили глубокую симпатию горских народов. Помимо развития народного образования на Северном Кавказе царская администрация наряду с ней осуществляла линию, направленную на улучшение медицинского обслуживания на Кавказе.⁷²

К числу представителей русской интеллигенции, которые внесли огромный вклад в развитие здравоохранения на Северном Кавказе, принадлежал Иван Семенович Костемеровский. Выходец из бедной семьи И. Костемеровский большую часть своей жизни провел в Дагестане, где он работал врачом Дагестанского конно-иррегулярного полка, окружным (Гунибского и Казикумухского округа) врачом.

Современники характеризуют его как человека образованного, начитанного, веселого. Он был любимцем всех знавших его. Эти качества помогли завоевать русскому врачу симпатию и доверие горцев. Как корреспондент газет «Московские ведомости», «Северная пчела», «Кавказ», он знакомил русского читателя с жизнью дагестанцев, с его важнейшими событиями, происходившими в крае. О горцах И. Костемеровский отзывался с высоким уважением, считая, что они «от природы богато наделены умственными способностями».⁷³

Как военный врач он обязан был оказывать медицинскую помощь только военнослужащим и их семьям. Но он всегда находил время для лечения пришедших к нему горцев, так как их привлекало, что русский врач разговаривает на аварском и кумыкском языке, а не на непонятном для них русском. К нему стали приезжать со всех концов горного края. Даже горянки обращались к русскому доктору, безбоязненно вручали ему своих детей. Бывало даже такое, когда И. Костемеровский в день принимал по 1300 пациентов. За 1853-1861 гг. им была оказана медицинская помощь 15478 местным жителям, основную часть которых составляли женщины и дети. «Без замедления оказывая каждому больному должное внимание и необходимую помощь, - писал Е.И. Козубский, - он скоро сделался популярным медиком, как в полку, так и среди местного населения».⁷⁴

Как человека высокообразованного И. Костемеровского очень волновало отсутствие грамотных местных людей для подготовки фельдшеров, оспопрививателей, которые помогли бы распространять сведения о научной медицине и проводили профилактические мероприятия.

⁷² Клычников Ю. Ю. История и культура народов Северного Кавказа: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2023 С. 120

⁷³ Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана: От времени присоединения к России до наших дней. — М: Наука, 1971. С.122

⁷⁴ Свистунова А. И. Прогрессивная деятельность русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала, 1973. С. 97

Для этих целей русский врач создает при аптеке конно-иррегулярного полка школу для обучения русской грамоте сыновей, малолетних братьев всадников полка. Но вскоре весть об открытии школы в Дженгутае (где был расквартирован полк) привлекла столько желающих, что аптека не могла их вместить. Преподаванием в этой школе занимался сам И.С. Костемеровский и его помощники фельдшера. В школе изучали русский язык, арифметику, географию, историю (в форме бесед).

По свидетельству самого И. Костемеровского, некоторые выпускники Дженгутаевской школы впоследствии сами занимались распространением русской грамоты в Аварии.⁷⁵

Отказывая себе во многом, И. С. Костемеровский в течение жизни скопил 30 тысяч рублей, которые завещал использовать на нужды лечебных и учебных заведений Дагестана. Это еще раз подтверждает его стремление видеть народы Дагестана здоровыми, грамотными и высокообразованными. Вся жизнь Ивана Костемеровского, по сути, была свидетельством беззаветного служения истинного русского интеллигента благородному делу духовного развития горцев и их культуры.

У И. Костемеровского было много воспитанников и последователей. Можно выделить, к примеру, фельдшера Николая Львова, который также как и его учитель пользовался большим авторитетом среди горцев. Н. Львов многое сделал для распространения медицинских знаний, а также занимался практическим осуществлением мер борьбы со свирепствовавшими в то время эпидемиями. Ф. Качановский работал врачом Темир-Хан-Шуринской прогимназии, а затем реального училища. Он был активным пропагандистом медицинских и санитарных знаний среди населения. Он бескорыстно оказывал населению медицинскую помощь, являясь продолжателем дела И. С. Костемеровского.⁷⁶

Умер И.С. Костемеровский в 1891 г. в Темир-Хан-Шуре в возрасте 77 лет. Этого врача можно назвать поистине самоотверженным человеком, потому что он 50 лет своей жизни посвятил развитию здравоохранения в горном крае.

Использованные источники:

1. Клычников Ю. Ю. История и культура народов Северного Кавказа: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2023
2. Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана: От времени присоединения к России до наших дней. — М: Наука, 1971. — 475 с.
3. Свистунова А. И. Прогрессивная деятельность русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала, 1973.
4. Абдулатипов Р.Г., Кадиев З. М. Русско-дагестанские межнациональные отношения. Махачкала, 1990.

⁷⁵ Абдулатипов Р.Г., Кадиев З. М. Русско-дагестанские межнациональные отношения. Махачкала, 1990. С.

87

⁷⁶ Свистунова А. И. Прогрессивная деятельность русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала, 1973. С.

90

Юнусова Ф. М.
магистрант 2 курса
по специальности «История»
Научный руководитель: Джабаева Т. Ч., к.и.н.
Дагестанский государственный университет

ВКЛАД РУССКИХ ВРАЧЕЙ В ДЕЛО РАЗВИТИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье исследуется историческая роль русских врачей в становлении и развитии системы здравоохранения в Дагестане во второй половине XIX века. Автор анализирует процесс перехода от традиционных методов лечения к научно обоснованной медицине, рассматривает деятельность военных и гражданских медиков по организации первых лазаретов, аптек и санитарных служб. Особое внимание уделяется вкладу русской медицинской интеллигенции в борьбу с эпидемиями, внедрению оспопрививания и санитарному просвещению горского населения.

Ключевые слова. Дагестан, здравоохранение, русские врачи, военная медицина, вторая половина XIX века, санитарное состояние, эпидемии, оспопрививание, медицинское просвещение.

Yunusova F. M.
2nd year Master's student
Specializing in "History"
Scientific supervisor: Dzhabaeva T. Ch., PhD in Historical Sciences,
Associate Professor
Dagestan State University

CONTRIBUTION OF RUSSIAN DOCTORS TO THE DEVELOPMENT OF HEALTHCARE IN DAGESTAN IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Abstract. The article explores the historical role of Russian doctors in the formation and development of the healthcare system in Dagestan during the second half of the 19th century. The author analyzes the transition from traditional healing methods to science-based medicine and examines the activities of military and civilian medical professionals in organizing the first infirmaries, pharmacies, and sanitary services. Special attention is paid to the contribution of the Russian medical intelligentsia to the fight against epidemics, the introduction of smallpox vaccination, and the sanitary education of the mountain population.

Keywords: Dagestan, healthcare, Russian doctors, military medicine, second half of the 19th century, sanitary condition, epidemics, smallpox vaccination, medical education.

Во второй половине XIX века здравоохранение в Дагестане находилось на начальной стадии формирования, характеризуясь фактическим отсутствием организованной системы, высокой смертностью и частыми эпидемиями (малярия, оспа, тиф, холера). Медицинская помощь была доступна преимущественно в городах, а большинство населения полагалось на народных целителей.

Состояние здравоохранения в Дагестане было плачевным, так как системы здравоохранения как таковой фактически не существовало. Вместе с тем, были отдельные лица, которые занимались врачебной практикой. Был даже случай, когда один из так называемых врачей сумел сделать операцию по трепанации черепа, хотя подобную операции не проводились даже в России, но это были единичные случаи, которые существовали только в виде исключений. На деле же отсутствовала сеть лечебных амбулаторных, стационарных учреждений, население относилось к медицинским работникам с недоверием (во многом под влиянием духовенства), люди доверяли своё здоровье и здоровье своих близких незнакомым знахарям и целителям.

Ко второй половине XIX века в Дагестанской области свирепствовали такие страшные болезни, как оспа, холера, брюшной тиф, малярия, для лечения которых необходимо было прививать, чтобы она не распространялась среди населения.⁷⁷

Появление грамотных специалистов, внедрение российских медицинских знаний давали свои положительные результаты. Впервые в связи с этим стало практиковаться прививание от наиболее заразных и опасных болезней. Раньше с оспой эффективно бороться не умели, единственным способом предохранения была изоляция больного. Теперь по оспе стали наносить чувствительные удары, прививая против нее население. Прививки стали делать сами горцы. В Ахтах, к примеру, прививал Мусахан Гасан-оглы, Агама Хасбулат-оглы, Гаджи Агаси-оглы. Они являлись штатными оспопрививателями. Их, как специалистов, готовили российские врачи. Так, врач Б. Саркисов подготовил 30 оспопрививателей из горцев. В своем отчете за 1899 г. начальник Андийского округа писал: «Теперь за небольшим исключением жители осознали пользу его и часто сами обращались с просьбой прислать в аулы оспопрививателя. Всего за 1899 г. сделано оспопрививателями и фельдшером 2081 предохранительная прививка». ⁷⁸ Однако окружной врач в своем отчете говорил все еще о малом доверии населения к русской медицине.

Это свидетельство об ограниченном диапазоне действий официальной медицины, которая пока не могла продемонстрировать массам своего преимущества. Пока можно было говорить о фрагментах полноценной медицинской деятельности. В 1899 г., например, в Даргинском округе, хотя и

⁷⁷ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI- XIX в. М., 1958. С. 217

⁷⁸ Рамазанов А.Х. Международные экономические связи и культурное развитие Дагестана в составе России в XIX – начале XX вв. Махачкала, 1990.С. 64

было сделано 937 прививок, в 36 селениях свирепствовала корь, в двух аулах был тиф, в 11 – скарлатина, в трех – оспа. Препградой для русских медработников был языковой барьер, а врачей, которые знали хотя бы один национальный язык, было единицы. Кроме того за медицинскую помощь порой взималась плата. Например, в Ботлихе суточная плата за лечение в медотделении при войсках обходилась в 39 копеек. Поэтому число лечащихся было не велико.

В деле развития системы здравоохранения на Северном Кавказе, в частности, в Дагестане, особого внимания заслуживают те русские врачи, которые большую часть своей жизни посвятили распространению медицинских знаний среди горцев. Помимо И. Костемеровского, который заслуживает особого внимания и отдельного исследования за его неоценимый вклад в дело развития здравоохранения в крае, можно отметить его последователя Николая Львова. Он сделал многое для распространения медицинских знаний, а также занимался практическим осуществлением мер борьбы со свирепствовавшими в то время эпидемиями. До прибытия Н. Львова в Аварский округ здесь была распространена оспа. Жители после ряда бесед, проведенных с ними, согласились прививать своим детям вакцину против профилактики оспы. В течение трех лет он успешно провел оспопрививание 710 детям. «Доверие Львову оказывалось горцами потому, что он был знаком с ними и хорошо знал аварский язык», - писал окружной врач К. М. Трипольский.

Достойное место в плеяде талантливых медиков занимает Э.Р. Гольмблат, который проработал в Дагестане 20 лет.⁷⁹ По специальности он был военным врачом. Долгое время проработал главным доктором в Темир-Хан-Шуринском госпитале – центре не только лечебной работы, но и подготовки медработников. Будучи главным доктором, он разработал меры по борьбе с малярией. По предложению Э. Гольмблата врач Н. Торопов изучал причины распространения лихорадки в горном крае. О результатах исследований врач сообщает в статьях в Кавказском календаре, а затем публикует книгу «Опыт медицинской географии относительно перемежающихся лихорадок Кавказа», которая помогла точно определить районы распространения малярии на Кавказе и в Дагестане, а также способствовала выяснению причин распространения этой болезни.

В числе активных медицинских работников выделялся Ф.А. Качановский. По окончании Петербургской медико-хирургической академии в 1858 г. он был прикомандирован к Темир-Хан-Шуринскому военному госпиталю на должность ординатора. В 1865 г. он был назначен главным полковым лекарем, а с 1874 г. работал главным врачом этого госпиталя. Это лечебное учреждение являлось основным центром медобслуживания области, в нем, наряду с лечебной работой, проводились большие санитарно-

⁷⁹ Рамазанов А.Х. Международные экономические связи и культурное развитие Дагестана в составе России в XIX – начале XX вв. Махачкала, 1990.С. 65

противоэпидемические и профилактические мероприятия. Здесь же готовились кадры среднего медперсонала, повышали свою квалификацию медработники округов. Ф. Качановский работал врачом Темир-Хан-Шуринской прогимназии, а затем реального училища. Он был активным пропагандистом медицинских и санитарных знаний среди населения. Он бескорыстно оказывал населению медицинскую помощь, являясь продолжателем дела И. С. Костемеровского.⁸⁰

С 1860 г. с введением «Положения об управлении Дагестанской областью» сеть лечебных заведений несколько расширилась: медицинскую помощь населению оказывалась врачами и фельдшерами по округам, а в Темир-Хан-Шуре, Дербенте и Порт-Петровске появились должности городских врачей. Разумеется, этот штат работников был не в состоянии оказать помощь при тяжелых, не терпящих промедления заболеваниях, так как на каждого врача приходилось до 60 тысяч населения и 3 тысячи квадратных верст пространства. Основными центрами медобслуживания были военные госпитали.

В 1861 г. по инициативе врачей при Хасавюртовском госпитале было создано научное общество, где заседали для обсуждения докладов на научно-методические темы. На заседаниях выступали с докладами местные врачи, а также врачи из других областей Кавказа: разбирались истории болезней, результаты операций, обсуждались вопросы организации здравоохранения и меры по ликвидации эпидемических болезней, рассматривались новые открытия в медицине и т.д. При научном обществе функционировала госпитальная библиотека.⁸¹ Доклады и отчеты врачей печатались в медицинской литературе: «Современная медицина», «Медицинский вестник», где были опубликованы статьи окружного врача К. М. Трипольского, в частности «О туземной медицине в Аварии», в которой он освещал работу местных лекарей-хакимов, указывал причину распространения болезней. Также русские врачи отмечали, что работа по медобслуживанию населения серьёзно осложнялась тем, что очень мало было медработников из местных народностей и почти не было женщин для ухода за тяжело больными людьми.⁸²

Основанная в 1860 г. сельская медицина в виде помощи была крайне убогой. Врачи не имели права посещать больных на дому без разрешения начальника округа. Окружные медики обязывались лечить только тех больных «к коим будут откомандированы начальниками округа по особо уважительным причинам». К тому же, материальная сторона этой профессии не была столь

⁸⁰ Свиштунова А.И. Прогрессивная деятельность русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала, 2003.С.

90

⁸¹ Свиштунова А.И. Прогрессивная деятельность русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала, 2003.С.

63

⁸² Гасанов М.М. Дагестан в составе России. Махачкала, 1999.С. 299

привлекательной. Известно, что годовое жалованье врача 5-го разряда составляло 786 рублей, а фельдшера 1-го разряда - 64,80 копеек.⁸³

Тем не менее, новая медицина пришла в горный край. В 1860 г. была открыта первая аптека провизора К. Фразе. Стала формироваться местная медицинская интеллигенция, появились такие люди как Рза Шихсаидов, окончивший Петербургскую военно-медицинскую академию, М. Нахибашев и М. Дибиров, окончившие Тифлисскую фельдшерскую школу, Магомед Далгат окончил медицинский факультет Цюрихского Университета, стал известным, работая по специальности во Владикавказе и был избран депутатом IV Госдумы. Высшее медицинское образование получили в Петербурге Бейбола Султанов и Магомед Кажлаев. Они стали проводниками достижений российского здравоохранения в Дагестане и на Кавказе.⁸⁴

Таким образом, в области здравоохранения наметились определенные положительные изменения. Они не могли кардинально изменить ситуацию в Дагестане, но, тем не менее, некий прогресс все-таки был замечен. Это были первые шаги на пути развития системы как таковой, и стоит отдать должное тем людям, которые посвятили своему делу улучшения жизни горских народов.

Использованные источники:

1. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI- XIX в. М., 1958.
2. Рамазанов А.Х. Международные экономические связи и культурное развитие Дагестана в составе России в XIX – начале XX вв. Махачкала, 1990.
3. Свистунова А.И. Прогрессивная деятельность русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала, 2003.
4. Гасанов М.М. Дагестан в составе России. Махачкала, 1999.
5. Акты собранные Кавказской Археографической комиссий. Архив главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. Время управления Кавказом наместника Кавказского князя А. И. Барятинского 1856-1862 гг. Т. XII, Ч. II, Тифлис, 1893.

⁸³ Акты собранные Кавказской Археографической комиссий. Архив главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. Время управления Кавказом наместника Кавказского князя А. И. Барятинского 1856-1862 гг. Т. XII, Ч. II, Тифлис, 1893. С. 783

⁸⁴ Рамазанов А.Х. Международные экономические связи и культурное развитие Дагестана в составе России в XIX – начале XX вв. Махачкала, 1990.С. 81

*Магомедрагим С.А., магистр
Научный руководитель: Богопольский В.О.
доцент
Азербайджанский Государственный
Университет Нефти и Промышленности.*

СОВРЕМЕННЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ В ТЕХНОЛОГИЯХ ПОВЫШЕНИЯ ГАЗООТДАЧИ ТРАДИЦИОННЫХ ГАЗОВЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ

Аннотация: Традиционные месторождения природного газа остаются основной движущей силой добычи и своего рода «фундаментом» отрасли. В целях планомерного повышения качества освоения таких активов в данной работе проводится критический обзор моделей оценки газоотдачи и анализ ключевых факторов, влияющих на этот процесс. Далее представлен сравнительный анализ подходов к повышению нефте- и газоотдачи, на основе которого выделяются специфические концептуальные особенности разработки именно газовых пластов. Авторы подробно останавливаются на двух фундаментальных проблемах — неравномерности выработки запасов и гетерогенном обводнении пласта, — предлагая технические решения в рамках методов интенсификации и повышения газоотдачи (IGR и EGR). В качестве практического подтверждения рассматриваются два примера эффективной разработки, опирающиеся на теорию сбалансированного освоения: месторождение плотных песчаников Сулигэ (бассейн Ордос) и газоносные пласты формации Лунванмяо (месторождение Аньюэ, бассейн Сычуань). В заключении сформулированы предложения по существенному увеличению коэффициента извлечения газа (КИГ) за счет оптимизации коэффициента охвата пласта падением давления и повышения эффективности истощения залежи. Представленные выводы формируют базу для стратегического планирования и научно-исследовательских работ в области применения методов закачки CO₂ и химических методов повышения газоотдачи.

Ключевые слова: традиционный природный газ, сбалансированная добыча, методы повышения газоотдачи, оптимизация.

*Mahammadrahim S.A.
Master's Student
Scientific Supervisor: Bogopolsky V.O., Associate Professor
Azerbaijan State Oil and Industry University*

MODERN ADVANCES IN TECHNOLOGIES FOR ENHANCING GAS RECOVERY FROM CONVENTIONAL GAS FIELDS

Abstract: *Conventional natural gas fields remain the primary driving force of gas production and serve as the fundamental basis of the industry. In order to systematically improve the efficiency of developing such assets, this study provides a critical review of gas recovery evaluation models and analyzes the key factors influencing this process. Furthermore, a comparative analysis of approaches to enhancing oil and gas recovery is presented, highlighting the specific conceptual features of gas reservoir development. The authors focus in detail on two fundamental challenges — uneven reserve depletion and heterogeneous water encroachment in the reservoir — and propose technical solutions within the framework of intensification and enhanced gas recovery methods (IGR and EGR). As practical evidence, two examples of effective reservoir development based on the theory of balanced production are considered: the Sulige tight sandstone gas field (Ordos Basin) and the gas-bearing reservoirs of the Longwangmiao Formation (Anyue Field, Sichuan Basin). In conclusion, recommendations are formulated for significantly increasing the Gas Recovery Factor (GRF) through optimization of reservoir sweep efficiency driven by pressure decline and improved depletion efficiency. The presented findings form a foundation for strategic planning and research activities related to the application of CO₂ injection and chemical methods for enhanced gas recovery.*

Keywords:

Conventional natural gas, balanced production, enhanced gas recovery methods, optimization.

1. Введение.

Развитие газодобывающего сектора корпорации Sinopec прошло три последовательных этапа: начальное освоение, стабилизация добычи и фаза интенсивного роста. В настоящее время ежегодный объем промышленной добычи газа превышает 30 млрд куб. м, при этом 70% этого объема (21,4 млрд куб. м) приходится на традиционные месторождения [1-6]. Таким образом, научно обоснованное и эффективное освоение традиционных газовых залежей играет определяющую роль в повышении общего уровня развития отрасли в Китае и обеспечении национальной энергетической безопасности.

Основной фонд активов Sinopec представлен пятью типами коллекторов: карбонатными, низкопроницаемыми плотными песчаниками, газоконденсатными, вулканогенными и терригенными пластами со средней и высокой проницаемостью. Среди них доминирующее положение занимают крупные и средние карбонатные месторождения и плотные песчаники. Так, месторождения Пугуан и Юаньба находятся на стадии стабильной добычи; Чжуншэн и Чжунцзян (относящиеся к

низкопроницаемым песчаникам) характеризуются ростом добычи, в то время как месторождение Даниуди вступило в период стабилизации показателей (рис. 1).

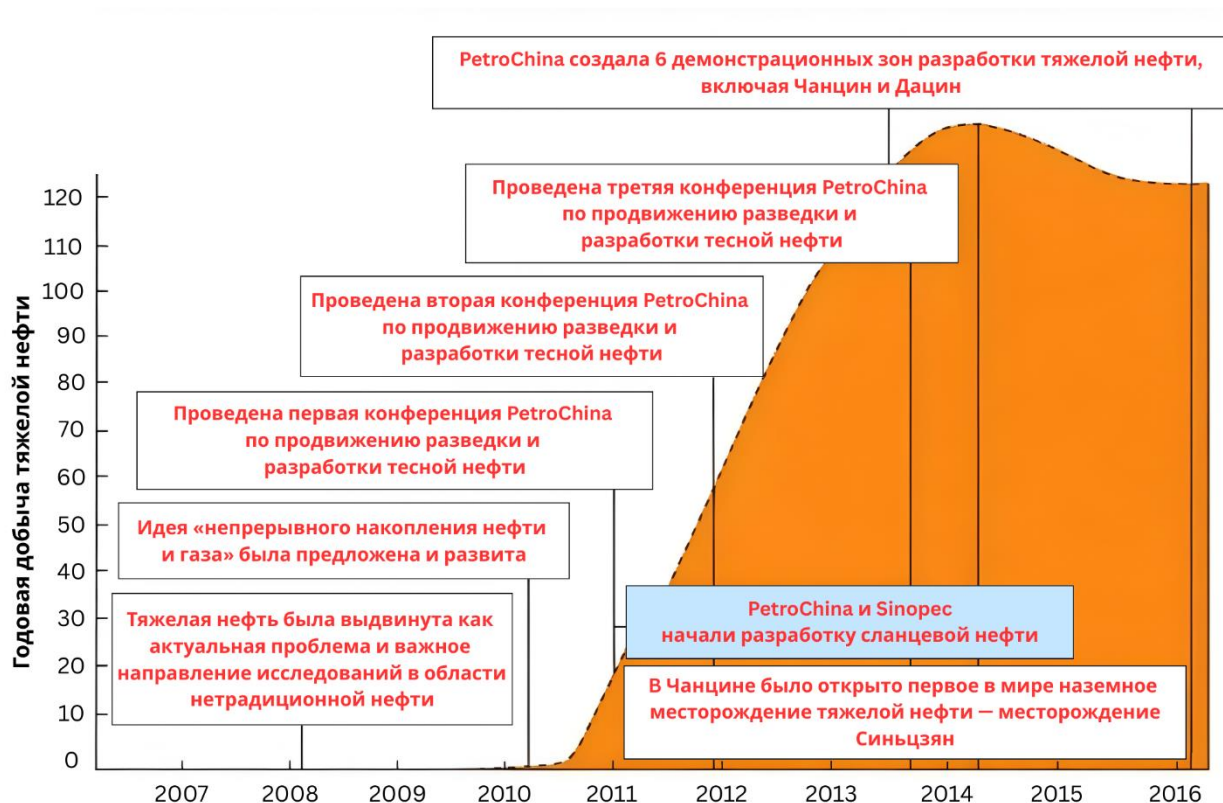

Рис. 1. Стадии развития методов повышения нефтегазоотдачи в Китае.

На текущий момент существует острая потребность в решении ряда технологических задач:

1) детальная характеристика остаточных запасов, повышение коэффициента извлечения газа (КИГ) и технологии компрессорной добычи обводненного газа на высокосернистых карбонатных объектах, включая методы ограничения водопритока и контроля серы;

2) прецизионное описание трещинно-каверновых коллекторов и прогнозирование наиболее продуктивных зон («свит-спотов»), идентификация флюидов, а также технологии низкзатратного бурения и щадящего вскрытия пласта;

3) моделирование сильно неоднородных пластов в плотных песчаниках, количественное прослеживание остаточного газа и инженерные методы повышения отдачи для обводненных плотных коллекторов.

Несмотря на достигнутые успехи, уровень освоения разведанных запасов и текущие показатели КИГ остаются недостаточно высокими, а проектные коэффициенты отдачи для разных типов залежей существенно варьируются. Это указывает на значительный потенциал для интенсификации добычи [7-9]. Систематический анализ мирового опыта позволяет

оптимизировать стратегии доразработки и формирует базу для стратегического планирования и научно-исследовательских работ в области газовых и химических методов повышения газоотдачи.

2. Коэффициент извлечения газа и основные факторы, влияющие на разработку.

Механизмы вытеснения флюида из газовых и нефтяных залежей существенно различаются. Разработка нефтяных месторождений часто требует искусственного поддержания пластовой энергии, так как нефть обладает низкой сжимаемостью и ограниченным запасом упругой энергии. После истощения естественной энергии пласта для извлечения остаточных запасов применяют закачку воды, газа, химических реагентов или теплоносителей.

Процесс нефтеотдачи имеет стадийный характер:

- Первичная стадия — разработка на естественном упругом режиме;
- Вторичная стадия — заводнение;
- Третичная стадия — применение методов повышения нефтеотдачи (МПН).

В ходе разработки нефтенасыщенность пласта постепенно уменьшается. Использование современных МПН позволяет увеличить коэффициент извлечения нефти на 5–30% сверх базовых 30–40%, достигаемых при заводнении. Напротив, фундаментом разработки газовых залежей является истощение природной энергии и максимальное использование упругой силы расширения газа. Этот процесс можно охарактеризовать как «постоянное падение пластового давления». Благодаря высокой сжимаемости газа, его извлечение на основе естественного режима истощения (а не за счет ППД) экономически более оправдано и технически эффективно для всех типов коллекторов, кроме газоконденсатных с высоким содержанием жидкой фазы. Теоретически, в сухих газовых месторождениях при снижении конечного давления до 10–20% от начального, накопленная добыча может достигать 70–80% от геологических запасов.

Коэффициент извлечения газа определяется как отношение накопленной добычи к величине геологических запасов.

В академической практике и промышленном проектировании КИГ традиционно представляется как произведение нескольких составляющих:

$$E_R = E_D * E_V \quad (1)$$

Где: E_R — конечный коэффициент извлечения газа;

E_D — коэффициент вытеснения (эффективность микроскопического вытеснения в порах);

E_V — коэффициент охвата (эффективность макроскопического охвата пласта воздействием).

В данной работе КИГ рассматривается как производная **трех факторов:**

- **Степень охвата** геологических запасов разработкой: - доля запасов в границах участков, вовлеченных в эксплуатацию согласно проектным решениям.

- **Коэффициент охвата** пласта падением давления (ripple coefficient): - отношение динамических запасов к геологическим запасам в зоне дренирования.

- **Коэффициент эффективности** истощения давления: - доля накопленной добычи относительно динамических запасов, ограниченная давлением заброса (когда эксплуатация становится нерентабельной).

Согласно уравнению состояния идеального газа, при постоянной температуре количество вещества пропорционально давлению и объему. Следовательно, эффективность извлечения напрямую зависит от того, насколько полно падение давления распространилось по объему залежи и до какого предела это давление удалось снизить.

Геологические факторы: свойства пласта (пористость, проницаемость), неоднородность и связность коллекторов, характеристики флюида и режим залежи.

Неоднородность определяет охват пласта и продуктивность скважин.

Наличие водонапорного режима (активного притока пластовых вод) часто негативно сказывается на КИГ: внедряющаяся вода блокирует газ в порах, снижая как коэффициент охвата падением давления, так и эффективность истощения.

Технологические (инженерные) факторы: качество заканчивания скважин и параметры системы обустройства. К потерям газа приводят повреждения призабойной зоны пласта (ПЗП), смыкание искусственных трещин ГРП, а также потери в системе сбора и подготовки газа на поверхности.

Экономические факторы: внешние условия, определяющие «давление заброса». Сюда относятся цена на газ, стоимость рабочей силы, инфляция и валютные курсы. Цена на газ напрямую определяет порог рентабельности: когда выручка перестает покрывать операционные расходы, разработка достигает критической точки, определяющей конечный экономически оправданный КИГ.

Основные концепции повышения газоотдачи

1. Непрерывность процесса управления КИГ на протяжении всего жизненного цикла. В отличие от нефтяных месторождений, здесь нет четко разделенных стадий «первичной» или «третичной» добычи. Повышение газоотдачи (IGR/EGR) должно сопровождать проект с самого начала. Одной из главных проблем является неравномерное обводнение. В условиях неоднородности пласта вода прорывается по высокопроницаемым каналам, создавая зоны «защемленного газа», которые невозможно извлечь обычными методами. Водная фаза резко снижает фазовую проницаемость для газа, увеличивая потери энергии пласта. Следовательно, ядром стратегии

повышения КИГ является предотвращение преждевременного обводнения и минимизация давления заброса.

2. Предотвращение ущерба на ранних стадиях важнее, чем попытки исправления ситуации на поздних. Ущерб коллекторским свойствам, нанесенный при бурении или из-за чрезмерных депрессий (вызывающих деформацию пласта или выпадение конденсата), крайне сложно и дорого компенсировать впоследствии. Для водонапорных пластов эффект «водяного замка» (water locking) практически необратим в промышленных масштабах. Поэтому принцип «баланса» и бережного освоения на начальном этапе является экономически более эффективным, чем применение сложных методов увеличения отдачи на стадии истощения.

3. Методы повышения газоотдачи в традиционных месторождениях природного газа.

Мировая практика освоения традиционных газовых активов показывает [11-16], что два определяющих фактора влияют на коэффициент извлечения газа (КИГ) и общую эффективность разработки: фильтрационно-емкостные свойства (ФЕС) и связность пласта, а также объем пластовых вод и механизм их внедрения.

В целом, отрасль сталкивается с двумя фундаментальными проблемами:

1. **Неравномерность выработки запасов.** Эта проблема актуальна в первую очередь для месторождений, работающих на газовом режиме, особенно с высокой степенью гетерогенности. Из-за литологической изменчивости или плохих ФЕС залежь часто оказывается разобранной на отдельные изолированные блоки. Даже в пределах одного эксплуатационного объекта характеристики коллектора и структура порового пространства могут существенно варьироваться. Ввиду сложности трехмерного распределения эффективных мощностей и ограничений точности сейсмогеологического моделирования, часть запасов остается не вовлеченной в активную разработку, что ведет к дисбалансу выработки по площади и разрезу.

2. **Неоднородное (неравномерное) обводнение.** Проблема характерна для месторождений с водонапорным режимом (наличие подошвенных или контурных вод). Ключ к успеху здесь кроется в эффективном управлении контактом «газ-вода» и рациональном использовании энергии пластовых вод. Энергию подошвенных вод можно классифицировать по трем уровням:

«Положительная энергия»: Идеальный сценарий, при котором за счет научно обоснованной плотности сетки скважин и оптимального режима их работы поддерживается равномерное продвижение ГВК. Это обеспечивает мягкое восполнение пластовой энергии, продлевая безводный период эксплуатации.

«Нулевая энергия»: Сценарий, при котором благодаря методам изоляции водопритока или дренирования воды удается максимально долго сохранять

центральную часть залежи сухой, полностью реализуя упругий потенциал расширения газа.

«Отрицательная энергия»: Худший сценарий, связанный с преждевременным прорывом воды из-за ошибок в стратегии размещения скважин. Это ведет к формированию зон защемленного газа в порах пласта и неоправданному расходу пластовой энергии на подъем и перемещение водной фазы.

Цель эффективной разработки — трансформировать энергию пластовых вод в «положительную» или «нулевую», избегая «отрицательного» воздействия.

Методы повышения КИГ в традиционных коллекторах можно разделить на три стратегических направления, исходя из базовой модели оценки:

1. Повышение степени охвата запасов

- Уплотнение сетки скважин: Самый прямой метод вовлечения недренируемых участков и нивелирования влияния неоднородности.

- Оптимизация конструкции и типов скважин: Переход к направленному бурению, использованию скважин с большим отходом от вертикали и горизонтальных стволов для увеличения площади контакта с пластом.

- Зарезка боковых стволов (ЗБС) и многоуровневое вскрытие: Эффективные способы вовлечения невыработанных пропластков по разрезу.

2. Увеличение коэффициента охвата падением давления

- Методы интенсификации притока: Искусственное улучшение ФЕС (например, через ГРП) для расширения зоны дренирования каждой скважины.

- Сбалансированное освоение: Оптимизация системы размещения скважин и режимов их эксплуатации для предотвращения преждевременного обводнения и достижения максимально равномерного снижения давления по всей залежи.

3. Повышение эффективности истощения (Pressure Depletion Efficiency)

- Механизированная добыча и удаление жидкости: Применение технологий выноса жидкости с забоя для продления срока жизни скважин.

- Наземное компримирование: Снижение давления на устье и использование дожимных компрессорных станций (ДКС) для уменьшения конечного пластового давления (давления заброса).

- Цифровизация и автоматизация: Снижение операционных затрат за счет внедрения интеллектуальных систем управления, что позволяет эксплуатировать месторождение до более низких пределов рентабельности.

Стратегия разработки должна адаптироваться под конкретный тип объекта. Для сильно неоднородных залежей с газовым режимом приоритетом является равномерность выработки за счет уплотнения сетки и ГРП. Для водонапорных объектов фокус смещается на контроль ГВК и максимизацию эффективности вытеснения, чтобы обеспечить равномерное падение давления и минимизировать потери газа в обводненных зонах (см. Таблицу 1).

4. Примеры сбалансированной разработки традиционных месторождений природного газа.

Газовая залежь формации Лунванмяо месторождения Аньюэ является хрестоматийным примером разработки объектов с краевыми и подошвенными водами в условиях активного обводнения [17–20]. На сегодняшний день это крупнейшее в Китае сверхмассивное карбонатное газовое месторождение морского генезиса.

Геологические условия залежи характеризуются высокой сложностью: низкая амплитуда структуры сочетается с обширной газоводяной переходной зоной, достигающей 37% объема. Коллектор отличается низкими емкостными свойствами (средняя пористость — 4,3%) и выраженной склонностью к «водяному запиранию» (эффект water lock). Высокая степень неоднородности пласта (вариация проницаемости достигает 450 крат) создает предпосылки для неравномерного фронта внедрения пластовых вод. При этом водоносный горизонт с аномально высоким пластовым давлением (АВПД) обладает значительной упругой энергией расширения; оценочный объем воды превышает 2,5 млрд м³. По состоянию на 2022 год коэффициент компенсации отборов внедряющейся водой составлял от 0,15 до 0,4, что позволяет классифицировать данный объект как газовую залежь с умеренно активным водонапорным режимом.

Таблица 1.

Технологические направления и методы повышения газоотдачи.

Технологическое направление	Технологические методы	Механизмы реализации
1. Повышение эффективности истощения пластового давления	Наземное компримирование и снижение устьевого давления	Снижение фильтрационного сопротивления в пласте и гидравлических потерь в стволе скважины
	Удаление пластовой воды (механизированная добыча)	Использование насосных установок или плунжерного лифта для снижения сопротивления движению потока в НКТ
2. Увеличение коэффициента охвата пласта падением давления	Оптимизация типов и конструкций скважин	Повышение степени вовлечения недренируемых запасов в межскважинном пространстве
	Зарезка боковых стволов (ЗБС) и уплотнение сетки скважин	Вовлечение в разработку изолированных и слабодренируемых зон
3. Оптимизация коэффициента охвата заводнением	Разработка горизонтальными скважинами	Изменение характера продвижения фронта воды и увеличение коэффициента охвата вытеснением

	Размещение скважин в структурно приподнятых зонах	Увеличение «высоты обхода» воды (отдаление момента прорыва) и повышение КИГ
	Устранение блокировок и эффекта «водяного замка»	Изменение или расширение путей внедрения воды; повышение коэффициента охвата на поздней стадии
	Оптимизация распределения отборов (дебитов)	Контроль конусообразования (конуса обводнения) для обеспечения равномерности вытеснения
4. Повышение макроскопической эффективности газоотдачи	Закачка CO ₂ и других газов (инновационные методы)	Восполнение пластовой энергии и замещение природного газа в поровом пространстве
	Деблокирование защемленного газа	Высвобождение и добыча газа из зон, изолированных пластовой водой

Исходя из характеристик месторождения, была внедрена концепция сбалансированного освоения, ориентированная на охват всей залежи и выравнивание пластового давления между различными участками. Опираясь на детальную характеризацию каналов прорыва воды, оптимизацию режимов эксплуатации и систему раннего предупреждения обводнения, была сформирована комплексная модель управления водным режимом на протяжении всего жизненного цикла («прогрессивный контроль обводнения»). Она включает три этапа: «раннее предупреждение внедрения воды, промежуточный контроль обводнения и предотвращение защемления газа на поздней стадии».

На начальном этапе, характеризующемся аномально высоким пластовым давлением, за счет оптимизации сетки скважин и темпов отбора была реализована стратегия «контроля периферии и дренирования центра». Это позволило предотвратить преждевременный прорыв подошвенных вод, повысить коэффициент охвата падением давления и эффективность истощения в чисто газовой зоне, обеспечив равномерное снижение давления по всей залежи.

На среднем этапе, когда скважины еще способны полностью выносить жидкость с забоя, основное внимание уделяется оптимизации режимов работы и функциональной трансформации фонда. С одной стороны, контролируется скорость продвижения фронта воды по каналам фильтрации. С другой стороны, рациональное использование энергии пласта позволяет поддерживать стабильную работу частично обводненных скважин, предотвращая их остановку. Это повышает общую эффективность истощения и макроскопический КИГ.

На позднем этапе, при масштабном обводнении залежи, фокус смещается на технологии удаления жидкости. Используется комбинация

дренажных скважин в пониженных частях структуры и оптимизированной добычи в приподнятых зонах. Это предотвращает формирование зон заземленного газа и обеспечивает непрерывный рост КИГ.

Благодаря переходу от экстренных локальных мер к системному управлению обводнением на протяжении всего жизненного цикла, показатели месторождения Лунванмяо существенно улучшились. При начальном давлении 76 МПа и среднем давлении заброса 15 МПа, коэффициент охвата всей залежи достиг 83%, а эффективность истощения — 71%. Согласно данным гидродинамического моделирования, с учетом остаточной газонасыщенности, расчетный конечный КИГ составит 64%.

Месторождение плотных песчаников Сулигэ

Месторождение Сулигэ является классическим примером разработки сильно неоднородных залежей на режиме истощения [21–25]. С фондом более 17 000 скважин и годовой добычей 30,2 млрд м³, оно является крупнейшим по запасам и объемам производства в Китае.

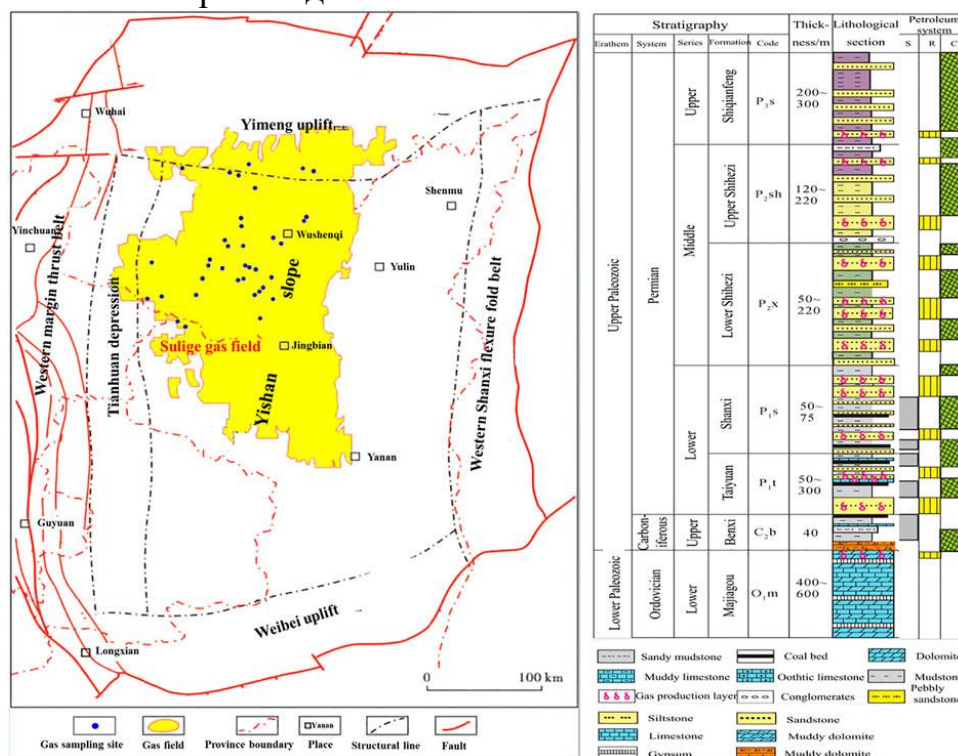

Рис. 2. Визуализация микротрещиноватости и поровой сети в плотных песчаниках, полученная методом компьютерной микротомографии месторождения Сулигэ.

Геологическое строение характеризуется широким распространением линзовидных песчаных тел руслового генезиса. Эффективные коллекторы представлены средне- и грубозернистыми кварцевыми песчаниками. Газоносные песчаные линзы разобщены (толщина 2–5 м, ширина 100–500 м), при этом более 70% из них не имеют гидравлической связи между собой. Фактически месторождение представляет собой совокупность множества независимых эксплуатационных объектов (Рис. 2).

Разработка здесь — это процесс динамического баланса между КИГ и экономической эффективностью. Основным инструментом повышения отдачи является этапное уплотнение сетки скважин:

Начальный этап: Сетка 600×800 м. Из-за сложности прогнозирования линз коэффициент охвата падением давления составил всего 35%, а КИГ — около 30%.

Текущий этап: После проведения пилотных проектов и уточнения геологической модели сетка была уплотнена до 500 × 650 м. Это позволило увеличить охват до 51%, а прогнозный КИГ — до 43%.

Перспектива: В будущем планируется уплотнение до 4 скважин на км². Ожидается, что охват превысит 63%, а за счет внедрения систем удаления жидкости и дожимного компримирования на поздней стадии, конечный КИГ месторождения превысит 50%.

Блок Кела-2: песчаный коллектор с краевыми и подошвенными водами.

Месторождение Кела-2 характеризуется значительной высотой залежи (500 м) и вертикальным характером обводнения вдоль крупных разломов [26, 27]. Стратегия повышения КИГ здесь включает:

Размещение основного фонда скважин в наиболее приподнятых структурных частях (вдали от контура обводнения).

Регулирование дебитов для выравнивания фронта вытеснения.

На поздних стадиях — использование горизонтальных скважин для дренирования и блокировки воды в каналах прорыва. Такой подход позволил снизить давление заброса и увеличить прогнозную накопленную добычу на 8,05 млрд м³ (прирост КИГ на 3,4%).

Многопластовое месторождение Сэбэй.

Месторождение Сэбэй (бассейн Цайдам) отличается наличием нескольких этажей газоносности с независимыми водонапорными системами [28, 29]. Ключом к повышению отдачи здесь стало дифференцированное управление пластами:

Идентификация: Оценка вклада каждого пропластка через профили притока и определение источников воды.

Активный контроль: Размещение водозаборных и дренажных скважин непосредственно в каналах прорыва.

Принцип трех балансов: Региональный, плоскостной и профильный (вертикальный). Например, «плоскостной баланс» достигается за счет создания зон пониженного давления в сводовой части, что формирует своего рода «барический барьер» для краевых вод. «Профильный баланс» обеспечивается за счет селективной перфорации и изоляции обводненных интервалов, что позволяет вовлекать в разработку низкопродуктивные пласты без риска мгновенного обводнения всей скважины.

5. Анализ и практические рекомендации.

Коэффициент извлечения газа (КИГ) является производной трех составляющих: уровня развития технологий, капитальных затрат и общей экономической конъюнктуры. Опираясь на модель оценки КИГ и теорию сбалансированного освоения, можно выделить три магистральных пути интенсификации добычи: расширение степени вовлечения запасов, увеличение коэффициента охвата падением давления и повышение эффективности истощения пласта.

Для традиционных водонапорных залежей приоритетной задачей является минимизация зон обводнения, что позволяет сократить объемы макроскопически защемленного газа и нейтрализовать микроскопический эффект «водяного замка». В случае плотных коллекторов (tight gas) технологический акцент смещается в сторону уплотнения сетки скважин, проведения многостадийного ГРП (МСГРП) для расширения зоны дренирования и внедрения методов компрессорной добычи для максимально глубокого истощения залежи.

Первоочередное внимание следует уделить фундаментальным исследованиям механизмов газоотдачи и поиску новых материалов для МПП (методов повышения газоотдачи). Необходимо ускорить полевые испытания технологий, адаптированных к специфическим геологическим условиям Китая.

В частности, требуется детальное изучение механизмов прорыва воды, поиск методов активного регулирования потоков в трещиноватых средах и разработка новых химических реагентов. Параллельно с этим перспективным направлением является изучение геометрии трещин (высота, длина, извилистость) и развитие технологий «энергозамещения» (закачка газа) и закачки химических агентов для снижения фильтрационного сопротивления пласта.

6. Заключение.

1. Конечный коэффициент извлечения газа представляет собой произведение степени вовлечения геологических запасов, коэффициента охвата падением давления и эффективности истощения пластового давления. Эти параметры взаимосвязаны и оказывают совокупное влияние на результат.

2. На величину КИГ влияют три группы факторов — геологические, технологические (инженерные) и экономические. Именно их сочетание определяет потенциал увеличения газоотдачи.

3. Повышение газоотдачи должно быть сквозным процессом на протяжении всего жизненного цикла месторождения. Предотвращение ущерба коллектору на ранних этапах (при бурении и первичном освоении) является более эффективным и экономически оправданным, чем попытки интенсификации добычи на стадии глубокого истощения.

4. Основными барьерами на пути к высокой газоотдаче остаются неравномерность выработки запасов и неоднородное обводнение. Решение

этих проблем лежит в плоскости оптимизации систем размещения скважин, управления охватом пласта и повышения эффективности использования пластовой энергии.

Использованные источники:

1. Ma, X. (2009) Natural Gas in CNPC Is Coming in a Stage of Leapfrogging Development. Lecture Collection of the First Global Think Tank Summit, Beijing, China Center for International Economic Exchanges, 3-4 July 2009, 172-173.
2. Jia, A.L., He, D.B., Wei, Y.S., et al. (2021) Predictions on Natural Gas Development Trend in China for the Next Fifteen Years. *Journal of Natural Gas Geoscience*, 37, 709-715.[CrossRef]
3. Li, J.Z., Zhen, M., Guo, Q.L., et al. (2019) Fourth Assessment for Oil and Gas Resource. Petroleum Industry Press, Beijing.
4. Ma, X.H., Chen, J.J. and Tang, J.W. (2003) The Natural Gas Development Characteristics and Strategy in China. *Journal of Natural Gas Geoscience*, 14, 15-20.
5. Oil and Gas Department of National Energy Administration, Resource and Environmental Policy Research Institute of the Development Research Center of the State Council, Oil and Gas Resources Strategic Research Center of the Ministry of Natural Resources (2022) Natural Gas Development Report of China. Petroleum Industry Press, Beijing.
6. Zou, C.N., He, D.B., Jia, C.Y., et al. (2021) Connotation and Pathway of World Energy Transition and Its Significance for Carbon Neutral. *Acta Petrolei Sinica*, 42, 233-247.
7. Li, S.L., Wang, Y., Liu, T.Y., et al. (2008) Good Experiences Learned from Home and Abroad to Develop Large Gas Fields in China. *Natural Gas Industry*, 28, 7-11.
8. Sun, Y.P., Lu, J.L., Wan, Y.J., et al. (2016) Enlightenments of Lacq and Meillon Gas Fields in France to the Development of Longwangmiao Fm Gas Reservoirs in the Anyue Gas Field, Sichuan Basin. *Natural Gas Industry*, 36, 37-45.
9. Jia, A.L. and Yan, H.J. (2014) Problems and Countermeasures for Various Types of Typical Carbonate Gas Reservoirs Development. *Acta Petrolei Sinica*, 35, 519-527.
10. Jia, A.L., Yan, H.J., Guo, J.L., et al. (2014) Characteristics and Experiences of the Development of Various Giant Gas Fields All over the World. *Natural Gas Industry*, 34, 33-46.
11. He, D.B., Yan, H.J., Yang, C.C., et al. (2022) Gas Reservoir Characteristics and Technical Countermeasures for Development in the Fourth Member of Dengying Formation in Anyue Gas Field. *Acta Petrolei Sinica*, 43, 977-988.
12. Tang, Z.Y. and Kong, J.X. (1984) Structural Characteristics of Sinian Reservoirs in Weiyuan Gas Field, Sichuan. *Acta Petrolei Sinica*, 5, 43-54.
13. Wen, H.C. (1986) Gas-Water Relation in Weiyuan Gas Field. *Natural Gas Industry*, 6, 14-19.

14. Liu, E. (1985) Characteristics of Production Performance and an Idea of the Intensive Water Withdrawal in Gas Wells of Sinian Gas Pool, Weiyuan Gas Field. *Natural Gas Industry*, 5, 41-46.
15. Li, C.L. (2005) *Fundamentals of Reservoir Engineering*. Petroleum Industry Press, Beijing.
16. Jia, A.L. and Cheng, L.H. (2010) The Technique of Digital Detailed Reservoir Characterization. *Petroleum Exploration and Development*, 37, 709-715.
17. Li, X.Z., Guo, Z.H., Wan, Y.J., et al. (2017) Geological Characteristics and Development Strategies for Cambrian Longwangmiao Formation Gas Reservoir in Anyue Gas Field, Sichuan Basin, SW China. *Petroleum Exploration and Development*, 44, 428-436.
18. Jia, A.L., Yan, H.J., Guo, J.L., et al. (2013) Development Characteristics for Different Types of Carbonate Gas Reservoirs. *Acta Petrolei Sinica*, 34, 914-923.
19. Ma, X.H., Yang, Y., Wen, L., et al. (2019) Distribution and Exploration Direction of Medium-and Large-Sized Marine Carbonate Gas Fields in Sichuan Basin, SW China. *Petroleum Exploration and Development*, 46, 1-15.
20. Xie, J. (2020) Innovation and Practice of the Key Technologies for the Efficient Development of the Supergiant Anyue Gas Field. *Natural Gas Industry*, 40, 1-10.
- [21] He, D.B., Wang, L.J., Ji, G., et al. (2012) Well Spacing Optimization for Sulige Tight Sand Gas Field, NW China. *Petroleum Exploration and Development*, 39, 491-497.
22. He, D.B., Jia, A.L., Ji, G., et al. (2013) Well Type and Pattern Optimization Technology for Large Scale Tight Sand Gas, Sulige Gas Field. *Petroleum Exploration and Development*, 40, 84-95.[CrossRef]
23. Lei, Q., Guan, B.S., Cai, B., et al. (2019) Technological Progress and Prospects of Reservoir Stimulation. *Petroleum Exploration and Development*, 46, 605-613.
24. Wang, J.P., Zhang, C.W., Li, J.Y., et al. (2021) Tight Sandstone Gas Reservoirs in the Sulige Gas Field: Development Understandings and Stable-Production Proposals. *Natural Gas Industry*, 41, 100-110
25. Li, T., Li, Q., Hu, Y., et al. (2021) Quantitative Characterization of Irregular Micro-Fracture Network and Its Effect on the Permeability of Porous Media. *Petroleum Exploration and Development*, 48, 430-441.
26. Shen, P.P., Yuan, S.Y., Han, D., et al. (2001) Strategy Study and Potentiality Evaluation of EOR for Onshore Oil Fields in China. *Acta Petrolei Sinica*, 22, 45-48.
27. Yuan, S.Y., Wang, Q., Li, J.S., et al. (2021) EOR Technological Innovation Keeps China's Crude Oil Production Stable on Longterm Basis. *Petroleum Science and Technology Forum*, 40, 24-32.
28. Yuan, S.Y., Hu, Y.L. and Luo, K. (2005) State of the Art, Challenges and Countermeasures of Natural Gas Development in China. *Petroleum Exploration and Development*, 32, 1-6.

29. Sun, L.D., Zou, C.N., Jia, A.L., et al. (2019) Development Characteristics and Orientation of Tight Oil and Gas in China. Petroleum Exploration and Development, 46, 1073-1087.

Федотова Е. А.
студент
Научный руководитель: Преснов О. М., к.т.н.
доцент
ФГБОУ ВО «Красноярский институт
железнодорожного транспорта»
Филиал ИрГУПС
г. Красноярск

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИКИ МЕРЗЛЫХ ГРУНТОВ И ИХ ПОВЕДЕНИЕ ПРИ ОТТАИВАНИИ

Аннотация: Мерзлые грунты занимают около 65% территории Российской Федерации и представляют собой сложную многокомпонентную систему, физико-механические свойства которой существенно изменяются при изменении температурного режима. Статья рассматривает современные представления о механике мерзлых грунтов, анализирует их структурные особенности и реологические характеристики. Особое внимание уделяется процессам, происходящим при оттаивании: потере несущей способности, развитию деформаций, изменению порового давления. Представлены актуальные данные исследований российских ученых за 2023-2025 годы, проанализированы механизмы криогенных процессов и их влияние на инженерные сооружения. Работа имеет практическую значимость для проектирования и эксплуатации объектов инфраструктуры в криолитозоне.

Ключевые слова: мерзлые грунты, криогенные процессы, оттаивание грунтов, несущая способность, мерзлотная механика, деформации оттаивания, криолитозона.

Fedotova E. A.
student
Academic Supervisor: Presnov O.M., candidate of technical sciences,
assistant professor
FSBEI HE "Krasnoyarsk Institute of Railway Transport",
branch of IrGUPS in Krasnoyarsk

FEATURES OF FROZEN SOIL MECHANICS AND THEIR BEHAVIOR DURING THAWING

Annotation: Frozen soils occupy about 65% of the Russian Federation territory and represent complex multicomponent system whose physical and mechanical properties change significantly with temperature regime variations. The article examines modern concepts of frozen soil mechanics, analyzes their structural features and rheological characteristics. Special attention is paid to processes occurring during thawing: loss of bearing capacity, development of

deformations, and changes in pore pressure. Current research data from Russian scientists for 2023-2025 are presented, mechanisms of cryogenic processes and their impact on engineering structures are analyzed. The work has practical significance for the design and operation of infrastructure facilities in the cryolithozone.

Keywords: *frozen soils, cryogenic processes, soil thawing, bearing capacity, permafrost mechanics, thaw deformations, cryolithozone.*

ФИЗИКО-МЕХАНИЧЕСКАЯ ПРИРОДА МЕРЗЛЫХ ГРУНТОВ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Мерзлые грунты представляют собой уникальную геологическую среду, формирующуюся в условиях отрицательных температур и характеризующуюся наличием льда в порах и трещинах. Их механическое поведение принципиально отличается от талых аналогов вследствие криогенных связей между минеральными частицами, опосредованных ледяными включениями [1].

Современная классификация мерзлых грунтов основывается на нескольких критериях:

- температурный режим (многолетнемерзлые, сезонномерзлые, охлажденные);
- содержание льда и его распределение в массиве;
- генезис и условия формирования;
- степень засоления и литологический состав;
- криогенная текстура и структурные особенности.

Согласно исследованиям Роман [2], выполненным на основе анализа обширного массива данных по территории Восточной Сибири, прочностные характеристики мерзлых грунтов могут превышать аналогичные показатели талых грунтов в 10-100 раз при температурах ниже -5°C . Однако эта прочность носит временный характер и критически зависит от температурного режима.

Криогенное строение мерзлых грунтов определяется характером распределения ледяных включений. Выделяют массивную, слоистую, сетчатую, ячеистую и атакситовую криотекстуры. Каждая из них формирует специфические механические свойства и по-разному реагирует на изменение температурных условий [3].

Особенностью механики мерзлых грунтов является их выраженное реологическое поведение — способность к длительным деформациям ползучести под действием постоянной нагрузки. Этот процесс обусловлен пластическим течением льда и перераспределением напряжений в скелете грунта. При температурах близких к 0°C скорость ползучести возрастает на порядки, что создает серьезные проблемы для устойчивости фундаментов сооружений.

Прочность мерзлых грунтов определяется несколькими компонентами:

• криогенными связями (ледяными цементными связями между частицами);

- структурными связями минерального скелета;
- силами трения между частицами при сдвиге;
- адгезией льда к минеральным зернам.

Исследования показывают, что прочность на сжатие мерзлых глинистых грунтов может достигать 4-8 МПа при температуре -10°C , тогда как при температуре -1°C она снижается до 0,5-1,5 МПа. Песчаные мерзлые грунты демонстрируют меньшую температурную чувствительность, но также существенно теряют прочность при повышении температуры.

ТЕРМОДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И МЕХАНИЗМЫ ДЕГРАДАЦИИ МЕРЗЛЫХ ГРУНТОВ

Процессы оттаивания мерзлых грунтов представляют собой сложное взаимодействие теплофизических, гидрологических и механических явлений. При переходе температуры через 0°C происходит фазовое превращение льда в воду, сопровождающееся фундаментальными изменениями в структуре и свойствах грунтового массива [4].

Механизм оттаивания определяется несколькими факторами:

• температурным градиентом и скоростью продвижения фронта оттаивания;

- льдистостью грунта и характером распределения льда;
- фильтрационными свойствами и возможностью дренирования воды;
- величиной и характером внешней нагрузки;
- минералогическим составом и гранулометрией грунта.

Согласно данным Волкова и Дроздова [5], полученным при моделировании процессов оттаивания в условиях изменения климата, скорость деградации многолетнемерзлых грунтов на территории Западной Сибири за период 2020-2024 годов увеличилась на 15-25% по сравнению с предыдущим десятилетием. Это создает беспрецедентные вызовы для инженерной инфраструктуры северных регионов.

При оттаивании льдонасыщенных грунтов происходит разрушение криогенных связей и высвобождение значительного количества воды. Если грунт не имеет возможности дренирования, формируется избыточное поровое давление, которое снижает эффективные напряжения и может приводить к разжижению грунта — явлению, аналогичному сейсмическому разжижению.

Деформации оттаивания подразделяются на несколько типов:

• осадка вследствие уплотнения минерального скелета под действием нагрузки;

- просадка из-за структурного разрушения и коллапса пор;
- течение грунта при потере прочности;
- неравномерные деформации из-за неоднородности льдистости.

Экспериментальные исследования Медведева [6] показали, что величина относительной осадки при оттаивании может достигать 10-40% для

сильнольдистых грунтов и 2-8% для слабольдистых. Эти деформации развиваются неравномерно во времени: в начальный период оттаивания скорость деформаций максимальна, затем она постепенно затухает по мере консолидации грунта.

Критическим параметром является коэффициент оттаивания — отношение осадки оттаявшего грунта к мощности оттаявшего слоя. Для проектирования фундаментов на многолетнемерзлых грунтах этот параметр определяет выбор конструктивных решений и технологии строительства.

Процесс оттаивания сопровождается изменением теплофизических свойств грунта. Теплопроводность мерзлого грунта примерно в 1,5-2 раза выше, чем талого, благодаря высокой теплопроводности льда. При оттаивании эффективная теплопроводность снижается, что замедляет дальнейшее продвижение фронта оттаивания.

Особую опасность представляет термокарст — процесс просадки поверхности вследствие вытаивания подземного льда. Формирование термокарстовых воронок и провалов может происходить катастрофически быстро, приводя к разрушению зданий, дорог и трубопроводов.

ИНЖЕНЕРНЫЕ РЕШЕНИЯ И МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ ТЕРМОМЕХАНИЧЕСКИМ СОСТОЯНИЕМ ОСНОВАНИЙ

Строительство на мерзлых грунтах требует применения специальных технологий, учитывающих особенности их термомеханического поведения. Существуют два принципиально различных подхода к проектированию оснований в криолитозоне [7].

Первый принцип — сохранение мерзлого состояния грунтов основания в течение всего периода эксплуатации сооружения:

- применение проветриваемых подполий и свайных фундаментов для обеспечения терморегуляции;
- использование сезонно-действующих охлаждающих устройств (термосифонов);
- устройство теплоизолирующих покрытий и экранов;
- организация снегозадержания или, напротив, снегоудаления;
- применение активного замораживания грунтов.

Второй принцип предусматривает оттаивание грунтов основания до начала строительства или в его процессе с последующей их консолидацией:

- предварительное оттаивание и уплотнение грунтов;
- устройство грунтовых подушек и свайных полей;
- замена слабых грунтов на непросадочные материалы;
- применение специальных конструкций фундаментов, компенсирующих деформации.

Современные исследования Парамонова демонстрируют эффективность комбинированных методов, сочетающих элементы обоих принципов в зависимости от конкретных инженерно-геокриологических условий. Например, для магистральных трубопроводов применяется

технология управляемого термостабилизированного основания с использованием термосифонов переменной мощности.

Численное моделирование термомеханических процессов становится неотъемлемой частью проектирования в криолитозоне. Современные программные комплексы позволяют прогнозировать:

- динамику температурных полей в основании сооружений;
- развитие деформаций во времени при различных сценариях эксплуатации;
- эффективность термостабилизирующих мероприятий;
- влияние климатических изменений на устойчивость оснований.

Согласно данным Шестернева и соавторов, применение цифровых двойников для мониторинга состояния оснований в криолитозоне позволяет снизить риск аварийных ситуаций на 30-45% за счет раннего выявления неблагоприятных тенденций и своевременного принятия корректирующих мер.

Особое значение приобретают методы геотехнического мониторинга:

- температурные измерения на различных глубинах;
- контроль деформаций основания и сооружений;
- мониторинг порового давления в оттаивающих грунтах;
- геофизические методы оценки состояния мерзлых толщ.

Инновационным направлением является применение георадарного зондирования для непрерывного мониторинга положения кровли многолетнемерзлых грунтов и выявления участков повышенной льдистости. Эта технология позволяет оперативно обнаруживать зоны риска и корректировать режимы эксплуатации термостабилизирующих систем.

Для дорожного строительства в криолитозоне разработаны специальные технологии:

- устройство теплоизолирующих слоев из пенополистирола или других материалов;
- применение конструкций с воздушными каналами для отвода тепла;
- использование светоотражающих покрытий для снижения тепlopоступления;
- создание дренажных систем для отвода талых вод.

Практика показывает, что стоимость строительства с применением термостабилизирующих технологий может быть на 20-50% выше по сравнению с обычным строительством, однако эксплуатационные расходы и риски аварий существенно снижаются.

КЛИМАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КРИОЛИТОЗОНЫ

Современные климатические тренды оказывают значительное влияние на состояние многолетнемерзлых грунтов. По данным мониторинга, проводимого на сети геокриологических станций, за последние 15 лет

отмечается устойчивое повышение температуры мерзлых грунтов на 0,3-0,8°C в различных регионах России.

Наиболее выраженные изменения наблюдаются в европейской части страны и в южных районах криолитозоны Сибири, где происходит:

- деградация мерзлоты на южной границе ее распространения;
- увеличение мощности сезонноталого слоя на 15-30%;
- формирование сквозных таликов под крупными водоемами и реками;
- активизация термокарстовых и термоэрозионных процессов;
- изменение гидрологического режима территорий.

Прогнозные модели указывают на возможное смещение южной границы распространения многолетнемерзлых грунтов к северу на 50-150 км к середине XXI века при реализации различных климатических сценариев. Это создает угрозу для существующей инфраструктуры и требует разработки адаптационных стратегий.

Особую озабоченность вызывает состояние технических систем — нефте- и газопроводов, дорог, аэродромов, фундаментов зданий. По оценкам экспертов, около 40% инфраструктурных объектов в криолитозоне испытывают повышенные риски вследствие деградации мерзлоты.

Перспективные направления исследований в области механики мерзлых грунтов включают:

- развитие многомасштабных моделей, учитывающих процессы на уровне пор, агрегатов и массива;
- изучение влияния циклического замораживания-оттаивания на долговременную прочность;
- разработку новых методов стабилизации оттаивающих оснований;
- создание систем прогноза и раннего предупреждения криогенных процессов;
- исследование микробиологических процессов в мерзлых грунтах и их влияния на механические свойства.

Развитие технологий дистанционного зондирования открывает новые возможности для мониторинга состояния мерзлоты на обширных территориях. Использование данных спутниковой радарной интерферометрии позволяет выявлять зоны активных деформаций с точностью до миллиметров.

Для северных регионов России актуальной задачей становится создание региональных систем мониторинга и прогноза состояния мерзлых грунтов, интегрированных с системами управления инфраструктурой. Такие системы должны обеспечивать:

- непрерывный сбор данных о температурном режиме и деформациях;
- автоматизированный анализ и выявление опасных тенденций;
- прогнозирование развития ситуации на основе численных моделей;
- выработку рекомендаций по корректирующим мероприятиям.

Экономический аспект проблемы деградации мерзлоты заслуживает особого внимания. Предварительные оценки указывают на то, что затраты на адаптацию инфраструктуры к изменяющимся геокриологическим условиям могут составить сотни миллиардов рублей в ближайшие десятилетия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Механика мерзлых грунтов представляет собой динамично развивающуюся область геотехники, имеющую критическое значение для устойчивого развития северных территорий России. Особенности физико-механического поведения мерзлых грунтов — их высокая прочность при отрицательных температурах и резкая потеря несущей способности при оттаивании — определяют необходимость применения специальных инженерных решений и технологий строительства.

Процессы оттаивания мерзлых грунтов сопровождаются комплексом сложных термомеханических явлений: разрушением криогенных связей, развитием деформаций осадки и просадки, изменением порового давления и фильтрационных характеристик. Величина деформаций оттаивания зависит от льдистости грунта, его структурных особенностей и условий дренирования, и может достигать значительных величин для высокольдистых разновидностей.

Современные подходы к строительству на мерзлых грунтах основаны на двух принципах: сохранении мерзлого состояния основания или допущении его оттаивания с соответствующим учетом в проектных решениях. Выбор принципа определяется экономическими соображениями, инженерно-геокриологическими условиями и назначением сооружения. Эффективным направлением является применение активных термостабилизирующих систем, численного моделирования и геотехнического мониторинга.

Климатические изменения, наблюдаемые в последние десятилетия, приводят к деградации многолетнемерзлых грунтов, активизации криогенных процессов и повышению рисков для существующей инфраструктуры. Это требует разработки адаптационных стратегий, совершенствования технологий строительства и создания систем мониторинга и прогноза состояния криолитозоны.

Перспективы дальнейших исследований связаны с развитием многомасштабного моделирования, изучением долговременной прочности при циклических воздействиях, применением методов дистанционного зондирования и созданием интеллектуальных систем управления состоянием оснований. Практическая значимость работ в области механики мерзлых грунтов будет возрастать по мере освоения северных территорий и развития арктической инфраструктуры.

Использованные источники:

1. Парамонов В.Н. Современные методы проектирования оснований в криолитозоне. Москва: Изд-во АСВ, 2023. 456 с.

2. Роман Л.Т. Механика мерзлых грунтов. Новосибирск: Наука, 2024. 542 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=62847531> (дата обращения: 15.01.2025).
3. Шестернев Д.М., Литовко А.В., Сократов С.А. Цифровые технологии мониторинга геотехнических систем в криолитозоне // Геотехника. 2025. Т. 17. № 1. С. 5-18.
4. Хименков А.Н., Станиловская Ю.В. Термокарст в криолитозоне России: современное состояние и прогноз развития // Геоэкология. 2024. № 3. С. 67-82.
5. Волков Н.Г., Дроздов Д.С. Динамика деградации многолетнемерзлых грунтов Западной Сибири в условиях изменения климата // Криосфера Земли. 2024. Т. 28. № 2. С. 45-58. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=63254789> (дата обращения: 15.01.2025).
6. Медведев И.В. Экспериментальное исследование деформаций оттаивания льдонасыщенных грунтов // Основания, фундаменты и механика грунтов. 2024. № 5. С. 12-19.
7. Григорьев А.М., Instenberg Е.М. Применение георадарного зондирования для мониторинга криолитозоны // Инженерная геология. 2023. № 4. С. 28-37.

*Цибулько Е.М.
студентка
Биологический факультет
Учреждение образования «Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины»
Беларусь, г. Гомель
Лысенко А.Н.
старший преподаватель
Кафедра биологии
Учреждение образования «Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины»
Беларусь, г. Гомель*

ДИНАМИКА ЧАСТОТЫ СЕРДЕЧНЫХ СОКРАЩЕНИЙ У ЮНЫХ ГРЕБЦОВ С РАЗНЫМ ТРЕНИРОВОЧНЫМ СТАЖЕМ

Аннотация: В статье представлены результаты исследования динамики частоты сердечных сокращений у 40 юных спортсменов 11-15 лет, занимающихся академической греблей. Целью работы было выявление особенностей адаптации сердечно-сосудистой системы к тренировочным нагрузкам в зависимости от стажа занятий. Анализировались показатели ЧСС в состоянии покоя и после стандартной физической нагрузки.

Установлено, что с увеличением стажа тренировок происходит достоверное снижение ЧСС покоя и более умеренная реакция на нагрузку, что свидетельствует о формировании физиологической брадикардии и переходе к экономичному инотропному механизму обеспечения сердечного выброса.

Ключевые слова: академическая гребля, частота сердечных сокращений, адаптация, тренировочный стаж, физиологическая брадикардия.

*Tsibulko E.M.
student
Faculty of Biology
Francisk Skaryna Gomel State University
Belarus, Gomel
Lysenko A.N.
senior lecturer
Department of Biology
Francisk Skaryna Gomel State University
Belarus, Gomel*

HEART RATE DYNAMICS IN YOUNG ROWERS WITH DIFFERENT TRAINING EXPERIENCE

Abstract: *The article presents the results of a study of heart rate dynamics in 40 young athletes aged 11-15 years involved in rowing. The aim of the work was to identify the features of adaptation of the cardiovascular system to training loads depending on the length of training experience. Heart rate indicators at rest and after standard physical exertion were analyzed. It was found that with an increase in training experience, there is a significant decrease in resting heart rate and a more moderate response to exercise, which indicates the formation of physiological bradycardia and the transition to an economical inotropic mechanism for ensuring cardiac output.*

Keywords: *rowing, heart rate, adaptation, training experience, physiological bradycardia.*

Академическая гребля относится к видам спорта с преимущественным развитием выносливости и предъявляет высокие требования к функциональным возможностям сердечно-сосудистой системы.

Эффективность спортивной деятельности в этом виде спорта напрямую зависит от адаптационных возможностей организма, формирующихся под воздействием систематических тренировок. Долговременная адаптация к аэробным нагрузкам сопровождается комплексом морфофункциональных перестроек, среди которых ключевое место занимают изменения частоты сердечных сокращений (ЧСС) [1, 2].

Частота сердечных сокращений является одним из наиболее информативных и легко регистрируемых показателей функционального состояния сердечно-сосудистой системы. ЧСС отражает не только работу сердца как насоса, но и степень напряжения регуляторных механизмов, уровень активности симпатического и парасимпатического отделов вегетативной нервной системы, а также эффективность процессов восстановления [3]. Анализ динамики ЧСС в покое и в ответ на физическую нагрузку позволяет составить объективное представление о степени тренированности организма и качестве долговременной адаптации к мышечной деятельности.

Особую актуальность приобретает изучение этих процессов на этапе начальной спортивной подготовки, когда происходит формирование базовых адаптационных механизмов. Понимание закономерностей становления хронотропной функции сердца у юных спортсменов позволяет своевременно корректировать тренировочные нагрузки, предотвращая развитие дезадаптации и переутомления [3].

Целью настоящего исследования явилось изучение особенностей частоты сердечных сокращений у юных спортсменов, занимающихся академической греблей, в зависимости от стажа тренировочных занятий.

Исследование проводилось на базе Гомельского областного центра олимпийского резерва по гребным видам спорта. В нем приняли участие 40 юных спортсменов-гребцов в возрасте от 11 до 15 лет. Все испытуемые были разделены на две группы в зависимости от стажа занятий: 1-я группа — начинающие спортсмены со стажем до 12 месяцев ($n=29$), 2-я группа — спортсмены со стажем более 1 года ($n=11$).

Частота сердечных сокращений определялась методом пальпации лучевой артерии. Измерения проводились в два этапа: в состоянии относительного покоя после 10-минутного отдыха и непосредственно после выполнения стандартной тренировочной нагрузки. В состоянии покоя подсчет ЧСС проводился в течение 30 секунд с последующим умножением на 2 для получения показателя в минуту. После нагрузки измерения выполнялись в течение 15 секунд с умножением на 4 для ускоренной оценки состояния спортсмена.

Анализ показателей ЧСС выявил четкую и достоверную зависимость от тренировочного стажа (таблица 1). У спортсменов, только начинающих свой тренировочный путь (стаж до 12 месяцев), средняя частота пульса в покое составила $65,2 \pm 1,9$ уд/мин. Данное значение, хотя и находится в пределах общепринятых возрастных норм для нетренированных подростков, свидетельствует о том, что сердечно-сосудистая система этих юных гребцов ещё функционирует в режиме, близком к таковому у лиц, не занимающихся спортом. Поддержание необходимого минутного объема кровообращения в покое у них обеспечивается преимущественно за счёт относительно более высокой частоты сокращений, тогда как ударный объем крови, вероятно, остаётся неоптимальным [2].

Таблица 1 — Показатели ЧСС у юных гребцов с разным стажем занятий ($M \pm m$)

Показатель	Группа 1: стаж до 12 мес. ($n=29$)	Группа 2: стаж > 1 года ($n=11$)
ЧСС покоя, уд/мин	$65,2 \pm 1,9$	$55,0 \pm 1,3$
ЧСС после нагрузки, уд/мин	$104,8 \pm 2,8$	$92,5 \pm 1,4$
Прирост ЧСС, уд/мин	39,6	37,5

В группе спортсменов со стажем более одного года наблюдается достоверное снижение пульса покоя до $55,0 \pm 1,3$ уд/мин. Такое урежение пульса носит название физиологической брадикардии спортсменов и является классическим, хорошо изученным маркером высокой тренированности, особенно в видах спорта, развивающих выносливость [1, 3]. Возникновение брадикардии покоя у опытных гребцов обусловлено комплексом

взаимосвязанных изменений как на уровне самого сердца, так и на уровне его регуляции.

Длительные аэробные нагрузки, характерные для академической гребли, приводят к увеличению объёма полостей сердца (в первую очередь левого желудочка) и умеренной физиологической гипертрофии миокарда. Это позволяет сердцу за одно сокращение выбрасывать в сосудистое русло значительно больший объём крови — возрастает ударный объём. В результате минутный объём кровообращения, необходимый для обеспечения метаболических потребностей организма в покое, достигается при меньшем количестве сердечных циклов [2]. Кроме того, у тренированных спортсменов происходит перестройка вегетативной регуляции: повышается тонус парасимпатической системы (блуждающего нерва) и одновременно снижается базальная активность симпатического отдела. Это приводит к тому, что синусовый узел генерирует импульсы с меньшей частотой, что и проявляется в виде брадикардии [3].

Анализ реакции ЧСС на физическую нагрузку даёт ещё более ценную информацию о качестве адаптации. У начинающих спортсменов после выполнения стандартной тренировочной нагрузки ЧСС возрастает в среднем до $104,8 \pm 2,8$ уд/мин, а абсолютный прирост составляет 39,6 уд/мин. Это довольно выраженная тахикардическая реакция, которая указывает на то, что основным механизмом увеличения минутного объёма кровообращения при работе у них служит именно частотный компонент. Такой тип реакции принято называть хронотропным; он является менее экономичным, так как при высокой частоте сокращений возрастает потребность миокарда в кислороде, укорачивается диастола (период отдыха и наполнения сердца кровью), что может ограничивать работоспособность [2].

У спортсменов со стажем более одного года ЧСС после нагрузки достигает $92,5 \pm 1,4$ уд/мин, а прирост составляет 37,5 уд/мин. Это означает, что их сердце на стандартную, одинаковую для всех испытуемых нагрузку отвечает значительно меньшим учащением. Однако это не означает, что минутный объём кровообращения у них ниже. Напротив, благодаря значительно возросшему ударному объёму, их сердце способно перекачивать за минуту такой же или даже больший объём крови, совершая при этом гораздо меньшее количество сокращений. Такой тип реакции называется инотропным и является наиболее выгодным с энергетической точки зрения [2, 3].

Выявленная динамика ЧСС у спортсменов разного стажа может быть объяснена действием ряда взаимосвязанных физиологических механизмов, формирующихся в процессе долговременной адаптации к аэробным нагрузкам:

1. Увеличение ударного объёма сердца. Под влиянием систематических тренировок происходит тоногенная дилатация полостей желудочков, что активизирует механизм Франка–Старлинга: чем больше растянуто мышечное

волокно перед сокращением, тем с большей силой оно сокращается. В результате каждое сокращение становится более мощным и продуктивным [2].

2. Изменение вегетативной регуляции. Регулярные аэробные нагрузки повышают тонус блуждающего нерва (парасимпатический отдел), что приводит к урежению пульса покоя и более быстрому восстановлению после нагрузки. У спортсменов с большим стажем вагусное влияние становится доминирующим [3].

3. Снижение базальной симпатической активности. Параллельно с усилением парасимпатических влияний уменьшается «фоновая» активность симпатического отдела, что снижает стимулирующее действие норадреналина на синусовый узел в покое [1].

4. Оптимизация диастолической функции. Тренированное сердце отличается лучшей расслабляемостью в диастолу за счёт более эффективной работы кальциевых насосов и повышения эластичности соединительнотканного каркаса сердца, что обеспечивает полноценное наполнение желудочков кровью [2].

Использованные источники

1. Аронов, Д.М. Спортивная кардиология / Д.М. Аронов. – М.: Медицина, 2020. – 352 с.
2. Ткаченко, Б.И. Физиология человека: учебник / Б.И. Ткаченко. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2021. – 848 с.
3. Солодков, А.С. Физиология человека. Общая. Спортивная. Возрастная / А.С. Солодков, Е.Б. Сологуб. – М.: Советский спорт, 2012. – 620 с.

ОСНОВНОЙ РАЗДЕЛ	5
Hu Shicheng, A PRELIMINARY STUDY ON THE ADOPTION OF AIGC TOOLS BY SOCIAL MEDIA CONTENT CREATORS.....	5
Li Wenxuan, CROSS-CULTURAL INTERPRETATION OF CULTURAL SYMBOLS IN CHINESE FILM AND TELEVISION DRAMAS IN CENTRAL ASIA	13
Liu Binbin, PERCEPTION RESEARCH OF COLLEGE STUDENTS UNDER THE BACKGROUND OF ALGORITHM RECOMMENDATION.....	19
Nguyen Duc Phuc, Nguyen Quynh Nga, DEVELOPING VIET NAM-GUANGXI BORDER TRADE UNDER THE BELT AND ROAD INITIATIVE: A SWOT ANALYSIS AND STRATEGIC IMPLICATIONS	27
Raghad Hussein Ali Hussein THE PURPLE ECONOMY AND ITS ROLE IN ENHANCING IRAQ'S ECONOMY: OPPORTUNITIES AND CHALLENGES	36
Yu Zhenxia, BETWEEN REALITY AND SIMULATION: BAUDRILLARD'S HYPERREALITY AND CYBERPUNK 2077: PHANTOM LIBERTY'S CONSTRUCTION OF INTERCULTURAL SPACE	44
Базарбаев А.А., О НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПАХ СТАНОВЛЕНИЯ БИБЛИОТЕКИ "ТУРОН" В ТАШКЕНТЕ	53
Богачева В.С., Борискина А.К., ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ РЕШЕНИЙ ТОРГОВЫМИ КОРПОРАЦИЯМИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ.....	56
Бузанова А.В., ОСНОВНЫЕ ПУТИ МИНИМИЗАЦИИ ЛОГИСТИЧЕСКИХ РИСКОВ	70
Гамидова М. М., БОРЬБА МЕЖДУ СЛАВЯНОФИЛАМИ И ЗАПАДНИКАМИ В НАУЧНОЙ СРЕДЕ В 30-50-Е ГГ. XIX ВЕКА.....	74
Магомедова Д. К., РАЗВИТИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 ГГ.	78
Магомедова Д. К., ПОЯВЛЕНИЕ ПЕРВЫХ МАРКСИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)	82
Магомедова Д. К., А.М. ГОРЧАКОВ И БОРЬБА ЗА ОТМЕНУ СТАТЕЙ ПАРИЖСКОГО МИРА 1856 ГОДА.....	86
Магомедова Д. К., ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.М. ГОРЧАКОВА И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.....	90

Маматова М. Н., Расулова М. Р., Аламова Ф.С.ЛАБОРАТОРНАЯ ДИАГНОСТИКА ИНТРАЭПИТЕЛИАЛЬНЫХ И ИНВАЗИВНЫХ РАКОВ ШЕЙКИ МАТКИ	94
Маслова М.В., Аксёнова А.К.ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРПОРАЦИИ: АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ.....	103
Матназарова М. Б., Ахмедова М.А., ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ 5–9 КЛАССОВ	123
Рахманова А.М. ВИРТУАЛЬНЫЕ АССИСТЕНТЫ НА ОСНОВЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМЕ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ.....	132
Савин Д. М., ОСОБЕННОСТИ УСПЕШНОЙ АДАПТАЦИИ ПЕРСОНАЛА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ-УЧАСТНИКАХ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	137
Старовойт Е.Е. ОПТИМИЗАЦИЯ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ПРЕДПРИЯТИЙ-УЧАСТНИКОВ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	142
Сулеймен А. Е., ИНДУСТРИЯ МОДНОГО ДИЗАЙНА В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО КРЕАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА.....	147
Сулеймен А. Е., МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ ПРОЕКТИРОВАНИЮ В ДИЗАЙНЕ ОДЕЖДЫ.....	153
Филонова Д. С., СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА ПРЕДПРИЯТИЙ-УЧАСТНИКОВ ВЭД	159
ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ	163
Suleimenova A. Zh., CURRENT ISSUES IN THE APPLICATION OF TERMINOLOGY IN INTERNATIONAL TREATIES	163
Безбородов В.А., ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ДОЗНАНИЕ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ.....	168
Власенко Г. Д., СТРАХОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТОРОН ДОГОВОРА АРЕНДЫ СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ.....	175
Газибеков Ш. И., РОЛЬ ГАЗЕТЫ «КОЛОКОЛ» В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.....	179
Зайнудинова А. И., О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ В СИСТЕМЕ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДАГЕСТАНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	182

Зайнудинова А. И., О РОЛИ ПЕДАГОГОВ-ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XIX ВЕКЕ	186
Колымажнова В.Е., ИССЛЕДОВАНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКИХ РИСКОВ И СПОСОБЫ ИХ МИНИМИЗАЦИИ	190
Кузькина Д.Д., ОСОБЕННОСТИ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ПРЕДПРИЯТИЙ-УЧАСТНИКОВ ВЭД.....	194
Наумов Д. С., ПОНЯТИЕ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ДОКТРИНЕ	200
Сагайдак А.А., ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ПО ПРИЗЫВУ: АНАЛИЗ ТРЕВОЖНОСТИ И ДЕПРЕССИВНЫХ СОСТОЯНИЙ.....	208
Ситников Д.А., ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ	213
Юнусова Ф. М., ВКЛАД И. С. КОСТЕМЕРЕВСКОГО В РАЗВИТИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. 219	
Юнусова Ф. М., ВКЛАД РУССКИХ ВРАЧЕЙ В ДЕЛО РАЗВИТИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	222
ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ	227
Магомедрагим С.А., СОВРЕМЕННЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ В ТЕХНОЛОГИЯХ ПОВЫШЕНИЯ ГАЗООТДАЧИ ТРАДИЦИОННЫХ ГАЗОВЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ	227
Федотова Е. А., ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИКИ МЕРЗЛЫХ ГРУНТОВ И ИХ ПОВЕДЕНИЕ ПРИ ОТТАИВАНИИ.....	242
Цибулько Е.М., Лысенко А.Н., ДИНАМИКА ЧАСТОТЫ СЕРДЕЧНЫХ СОКРАЩЕНИЙ У ЮНЫХ ГРЕБЦОВ С РАЗНЫМ ТРЕНИРОВОЧНЫМ СТАЖЕМ.....	250